

ISSN 0869-6322

2001

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

**К 60-ЛЕТИЮ
НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivo Historico

№ 3

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2001
№ 3

Выходит 6 номеров в год

ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

**К 60-ЛЕТИЮ
НАЧАЛА
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А.ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В.АНАНЬИЧ, Н.Н.БОЛХОВИТИНОВ, О.В.ВОЛОБУЕВ,
В.П.КОЗЛОВ (председатель), С.В.МИРОНЕНКО, В.С.МЯСНИКОВ,
Р.Г.ПИХОЯ, Н.Н.ПОКРОВСКИЙ, А.Н.САХАРОВ, А.К.СОРОКИН,
А.Д.СТЕПАНСКИЙ, А.О.ЧУБАРЬЯН, В.В.ШЕЛОХАЕВ, С.О.ШМИДТ

Редакция:

В.Ю.АФИАНИ (зам. главного редактора), О.И.ГОРЕЛОВ
(зам. главного редактора), Г.И.НАУМЕНКО (отв. секретарь),
М.И.ОДИНЦОВ, А.Н.СВАЛОВ, Ю.В.СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-17-52

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».
Адрес издательства: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-34-57. E-mail: gospenn-publishers@mtu-net.ru

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.gipn.net> <gopher://gopher.gipn.net>

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@gipn.net

Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

© «Исторический архив», 2001

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

«КОМСОМОЛЬЦЫ ПОКАЗАЛИ ОБРАЗЦЫ МУЖЕСТВА И ГЕРОИЗМА»

Из справки об участии личного состава
Карело-Финского пограничного округа
в боевых действиях в первые месяцы войны

60 лет назад, 22 июня 1941 г., началась Великая Отечественная война. Первыми приняли на себя удар врага пограничные войска. Документы, характеризующие их место и роль в развернувшихся сражениях, уже публиковались на страницах журнала «Исторический архив»¹. В приводимом ниже разделе «Комсомольцы в боях» из справки политотдела войск НКВД по охране войскового тыла Карельского фронта, составленной 10 февраля 1942 г., отражены боевые действия личного состава Карело-Финского пограничного округа в первые месяцы войны.

Накануне войны округ включал в себя 1-й, 3-й, 72-й, 73-й и 80-й пограничные отряды, школу младшего начсостава и другие подразделения. В штате округа числилось 6721 человек. Начальник войск — генерал-майор В.Н.Далматов, начальник штаба — полковник А.Я.Киселев, заместитель по политчасти — бригадный комиссар Н.П.Шпаков.

К началу боевых действий, которые развернулись здесь 29 июня 1941 г., в частях округа каждые две-три смежные погранзаставы были сведены в пограничные роты численностью 110—120 человек и заняли оборону в опорном пункте одной из застав, расположенном на направлении наиболее вероятного движения противника. В результате этого в войсках округа были созданы более благоприятные условия для ведения боевых действий. В соответствии с планом прикрытия границы ее заняли на лоухо-кестеньгском направлении 72-й пограничный отряд, на наухтинском и ребольском — 1-й и 73-й погранотряды вместе с подразделениями Красной Армии.

Боевые действия пограничников и передовых отрядов стрелковых дивизий в полосе обеспечения сковывали наступающего противника от 10 до 20 и более суток. Кроме того, личный состав погранотрядов округа привлекался к борьбе с вражескими диверсионными группами, вел разведку в интересах командования Красной Армии, совместные боевые действия с передовыми отрядами соединений в полосе обеспечения, прикрывал промежутки между операционными направлениями.

Образец стойкости и высокого воинского мастерства показали подразделения всех без исключения пограничных отрядов. Об этом красноречиво свидетельствует публикуемый документ.

Несмотря на лаконичность, официальный характер формулировок, акцентирование внимания лишь на положительных примерах, справка, как нам представляется, в целом правильно отражает морально-политический настрой молодых воинов-пограничников, их решимость к борьбе с противником.

Публикацию подготовили И.К.БЕЛИК и Е.В.ШУМИЛОВА.

¹ См.: «Родина благодарна своим сынам-пограничникам». Журнал учета боевых действий пограничных войск НКВД Ленинградского округа. 1941 г. / Публ. И.К.Белик и Е.В.Шумилова // Исторический архив. 2000. № 2. С. 21—76.

**Справка политотдела войск НКВД по охране
войскового тыла Карельского фронта об участии
комсомольцев-пограничников в Великой Отечественной войне¹**

10 февраля 1942 г.

С напряженным вниманием слушали комсомольцы-пограничники выступление по радио тов. Молотова о вероломном нападении германского фашизма на нашу Родину².

В Ленинских комнатах пограничных застав, а местами на улице состоялись комсомольские собрания.

В своих выступлениях на собраниях и в решениях комсомольцы выразили гнев и ненависть к заклятому фашизму. Они поклялись бороться с врагом до последней капли крови, до полного его уничтожения.

Речь, произнесенная по радио председателем Государственного Комитета обороны т. Сталиным³, вызвала у комсомольцев новую волну патриотизма, еще больше укрепила уверенность в победе над заклятым и коварным врагом.

Десятки и сотни докладных записок, поступивших на имя командования от комсомольцев с просьбой послать на фронт, явились демонстрацией непреклонной воли к победе над фашизмом.

Когда пограничные части встретились лицом к лицу с врагом комсомольцы показали образцы мужества и героизма, храбрости и самоотверженности, высокие моральные качества советского воина.

1. Комсомольцы в боях

Комсомолец Александр Фролов⁴ с первых дней Отечественной войны находится на передовой линии фронта.

«Фролова не узнать, — говорят про него его боевые друзья, словно переродился, вырос человек». Он по-прежнему спокоен и даже несколько медлителен. Но за всем этим скрывается подлинное мужество, уверенность в свои силы, хладнокровие, большевистская выдержка. Это человек железных нервов, не знающий страха.

Припадая к земле, сливаясь с ней всем своим телом, под ураганным пулеметным огнем, проникает Фролов в самые неожиданные для фашистских разбойников места. Без промаха бьет его снайперская винтовка.

«Охотник за фашистскими кукушками» — так метко называют его боевые друзья. Это почетное название Фролов оправдывает с честью. За время войны им уничтожено более 30 фашистских «кукушек».

Этот тихий, спокойный комсомолец спас несколько жизней бойцов и командиров. Тов. Фролов награжден медалью «За отвагу».

* * *

В санитарной части Н-ского погранотряда служил санитаром пограничник Николаев⁵.

Боец он был дисциплинированный, но очень тихий и скромный.

Слава о Николаеве стала расти особенно в дни Отечественной войны.

Оказалось, что этот худенький, тихий красноармеец — очень смелый боец, храбрый и чуткий товарищ, забывающий о себе, когда его помощь требуется другим.

Война не изменила его положения — он остался скромным, но не при санитарной части, а в боевой группе.

Подразделение пограничников, в котором был Николаев, бросили на выручку окруженных белофиннами артиллерийских батарей. Коротким стремительным ударом пограничники разорвали кольцо белофиннов и отбросили их.

Озлобленные неудачей, враги обрушились на пограничников.

Бой был необычайно жестокий. Он длился 4 часа.

Пограничники, упорно сопротивляясь, защищали каждый бугор каждую лошину.

Стали появляться раненые. Николаев в этом бою проявил подлинный героизм. Под разрывом мин и градом пуль, ежеминутно рискуя собственной жизнью, он подбирал каждого раненого.

Вот упал, пораженный осколком, ефрейтор Ярыгин⁶. Ранение тяжелое, кровь течет неудержимо. Николаев быстро делает ему перевязку и переносит в безопасное место.

Ранили отделенного командира Алферьева⁷ — т. Николаев сделал ему перевязку и помог выбраться из-под пуль.

В момент особенно сильного огня, когда нельзя было даже поднять голову от земли, Николаев вытащил двух раненых ползком привязав их к своим ногам ремнем.

В этом бою тов. Николаев спас двенадцать раненых бойцов.

* * *

Комсомолец-лейтенант Кравченко⁸ с первого дня Великой Отечественной войны умело руководит своим подразделением.

В боях своим личным примером он увлекает бойцов на героические подвиги.

Однажды тов. Кравченко с группой пограничников, численностью 6 человек, смело пошел в контратаку на роту белофиннов.

Белофинны, не выдержав стремительного и внезапного натиска шестерки смельчаков, отступили, потеряв до 35 человек убитыми и ранеными.

Тов. Кравченко за проявленные мужество и отвагу в боях с немецко-финскими захватчиками награжден орденом «Красное знамя».

Исключительную смелость и отвагу в боях проявил комсомолец тов. Зиргизов⁹.

Однажды Зиргизову с 3-мя красноармейцами было поручено доставить в штаб донесение. При выполнении этой задачи на пограничников напала группа белофиннов, численностью до 50 человек.

В бою был убит красноармеец Ильвес¹⁰.

Умело маневрируя, Зиргизов с оставшимися 2-мя красноармейцами вышел из боя и в срок доставил донесение.

В другой раз тов. Зиргизову опять было дано задание доставить в штаб боевые документы.

В пути следования т. Зиргизов наткнулся на засаду противника и был ранен в кисть левой руки и правую ногу. Но, несмотря на ранения, тов. Зиргизов смело вступил в бой с превосходящим по численности в несколько раз противником.

В этой неравной схватке Зиргизов уничтожил 3-х белофиннов и помня, что донесение должно быть доставлено в срок, начал отходить. В это время он получил еще 2 ранения — в ногу и правую руку. Но тов. Зиргизов не потерял самообладания. Чтобы боевое донесение не попало в руки врага, он уничтожил его. Превозмогая невыносимую боль, т. Зиргизов в этот же день, преодолев 15 км трудного пути, прибыл на командный пункт отряда и устно доложил начальнику отряда боевое донесение.

Тов. Зиргизов награжден орденом «Красное знамя».

* * *

Комсомолец Сергей Карелин¹¹ — связист.

Он вместе с героической заставой ныне Героя Советского Союза Кайманова¹² находился в течение 19 суток в окружении врага. Он постоянно, несмотря на артиллерийский, минометный и ружейно-пулеметный шквал огня, презирая смерть, держал связь командного пункта с огневыми точками.

9 июля противник после неудачных атак батальона пехоты открыл сильный артиллерийский огонь по участку обороны заставы.

Связь командного пункта с огневыми точками нарушилась. Тов. Карелин, ползком преодолевая расстояние между огневыми точками, находил порывы и восстанавливал связь. Все атаки противника отбивались с большими для него потерями, благодаря бесперебойной связи. Тов. Карелин был в одном из боев контужен. Но несмотря на это он в течение 5 дней по несколько раз в день, под ураганным огнем противника устранял повреждения связи, которая работала бесперебойно.

В одном из боев в районе «П» тов. Карелин был ранен, но поле боя не оставил до тех пор, пока не была выполнена боевая задача.

Тов. Карелин за проявленные мужество и отвагу награжден орденом Ленина.

* * *

Комсомолец Бовичев¹³ во главе своего отделения со станкпулеметом находился в боевом охранении. Сквозь зеленую гущу леса он заметил передвигающийся финский батальон. Впереди шел взвод походного охранения. Бовичев решил вступить с ним в бой. Подпустив противника на близкое расстояние, он открыл внезапный ураганный огонь из своего пулемета и вывел из строя чуть ли не целый взвод самокатчиков. Враги валились вместе со своими велосипедами. Бовичев заставил белофинский батальон принять боевой порядок и остановиться. Наши силы были уже наготове. В разгар боя Бовичев ощутил в руке невыносимую боль. Рука его безжизненно повисла.

Пришлось вести огонь одной рукой. Когда задача боевым охранением была выполнена, Бовичев взвалил пулемет на плечо и, поддерживая его здоровой рукой, повел отделение к основным силам части. При отходе к району обороны части Бовичев встретил группу белофиннов и оказался в окружении. Несмотря на численное превосходство противника и тяжелое ранение Бовичев смело вступил со своим отделением в бой, который длился 4 часа. А затем Бовичев повел отделение в контратаку и, прорвав кольцо вражеского окружения, без потерь прибыл в свою часть.

Тов. Бовичев награжден орденом Ленина.

* * *

Образцы мужества, упорства и героизма в боях показал секретарь бюро ВЛКСМ тов. Ежов¹⁴, награжденный орденом «Красная звезда» за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной в 1939/40 г. Участвуя во всех боях, личным примером увлекал всех бойцов на разгром врага.

Однажды тов. Ежов с винтовкой в руках обходил передовые позиции и принимал от комсомольцев членские взносы. Но вскоре наступление противника приостановило работу секретаря бюро.

Тов. Ежов, заменив ведомость винтовкой, вместе с группой комсомольцев стал отражать натиск врага и меткими выстрелами лично уничтожил пять белофиннов. Подразделение, в котором находился тов. Ежов, отбило атаку противника с большими для него потерями.

Задача командования была выполнена отлично.

Другой раз, пользуясь временным затишьем, тов. Ежов на передовой линии фронта собрал заседание бюро ВЛКСМ. На повестке дня стоял один вопрос — разбор заявлений о приеме в члены ВЛКСМ. После разбора 2-х заявлений заседание пришлось прервать, так как враг повел яростное наступление. Тов. Ежов вместе с членами бюро ВЛКСМ и вызванными на заседание бойцами бросился в контратаку на врага. Атака белофиннов была отражена с большими для них потерями. Таких случаев было много. Тов. Ежов не раз водил бойцов в атаку на врага. Будучи выдвинутым на должность политруководителя заставы, он с утренним упорством продолжал уничтожать фашистских собак, передавая свой опыт бойцам и командирам.

Находясь со своей заставой в обороне на подступах к «II» тов. Ежов наносил противнику большие потери. Увлечшись боем тов. Ежов не заметил, как его соседи под натиском превосходящих сил противника отошли на новый рубеж обороны.

Высланный связной для связи с командованием части доложил что вокруг заставы во всех направлениях находятся немецко-финские войска и полупьяные колонны их движутся за танками в направлении к пункту II. Тов. Ежов не растерялся. Под прикрытием огневых средств он умело вывел заставу в лес, затем пристроился к колонне полупьяных немецко-финских солдат и перед тем, как перейти к своим подразделениям, он открыл внезапный ружейно-пулеметный огонь. В рядах противника создалась паника и замешательство.

Бойцы заставы тов. Ежова, воспользовавшись этим, полностью разгромили врага и благополучно прибыли к своим подразделениям.

Тов. Ежов за мужество и отвагу награжден орденом «Красное знамя».

В последующих боях дважды-орденоносец тов.Ежов погиб смертью храбрых.

* * *

Владимир Прохоров¹⁵ прославился как Герой Великой Отечественной войны.

Когда коварный враг напал на нашу землю, пограничники первыми приняли на себя удар. Красноармеец Прохоров работал тогда поваром на пограничной заставе. Четыре дня держалась заставка отбивая яростные атаки противника. Небольшая группа советских пограничников дралась с превосходящими силами противника, не уступая ему ни одной пяди родной земли.

Под ураганным огнем противника Прохоров готовил обед, выпекал хлеб, кормил бойцов и находил время с винтовкой в руках бить врагов.

Под сильным напором врага заставка отошла. Повар стал пулеметчиком. С ручным пулеметом он прошел большой и трудный путь по карельским лесам, неоднократно ходил в атаку на врага.

В бою под селом «П» Прохоров шел в первых рядах наступавших бойцов. 28 дисков выпустил он по белофинским разбойникам. Горы вражеских трупов лежали перед ним. У пулеметчика иссякли патроны, одну за другой бросил он в белофиннов две гранаты и отошел к своим. В этом бою Прохоров истребил не менее 30 фашистов.

Часть находилась в обороне под Р.Белофинны решили отрезать и окружить группу наших бойцов. Они начали просачиваться в тыл но около дороги, хорошо замаскировавшись, лежал пулеметчик Прохоров. Прямо на него шел взвод белофиннов. Прохоров хладнокровно подпустил врага на близкую дистанцию и открыл огонь. Враг, не ожидавший такого сопротивления, повернул обратно. На поле боя осталось 25 вражеских трупов.

В одном из боев пулеметчик Прохоров был ранен. Он попал в левую госпиталь, но в ту же ночь вернулся на фронт, с перевязанной головой он появился на передовых позициях и снова пошел в бой. За время боевых действий Владимир Прохоров истребил около 200 немецко-финских оккупантов.

— Счет еще не закрыт, — говорит тов. Прохоров.

За проявленное мужество и отвагу Владимир Прохоров награжден орденом Ленина.

* * *

Таких примеров множество. Комсомольцы-пограничники, сознавая всю ответственность перед Отчизной, своими личными примерами увлекают всех бойцов на героическую борьбу против жестокого коварного врага — немецкого фашизма. Они с честью оправдывают в боях высокое звание члена Ленинско-Сталинского комсомола.

ЦА ФСБ РФ. Документальная коллекция.

Примечания

¹ Справка подписана начальником политотдела войск НКВД по охране войскового тыла Карельского фронта старший батальонным комиссаром Н.Ф.Корниловым и помощником начальника политотдела войск НКВД по охране войскового тыла Карельского фронта старшим политруком В.И.Голубевым. Утверждена военным комиссаром войск НКВД по охране войскового тыла Карельского фронта бригадным комиссаром Н.П.Шпаковым.

Корнилов Николай Федорович (1907—?) — с февраля 1940 г. заместитель начальника политотдела УПВ Забайкальского пограничного округа. С июля 1941 г. начальник политотдела ПВ НКВД Карело-Финского округа; с декабря 1941 г. начальник политотдела войск НКВД по ОВТ Карельского фронта. Полковник (1946).

Голубев Василий Иванович (1916—?) — с августа 1939 г. инструктор по комсомольской работе политотдела войск НКВД Карельского округа. С января 1942 г. помощник начальника политотдела войск НКВД от Карельского фронта по комсомольской работе, капитан (1942). В августе 1944 г. откомандирован в распоряжение ЦК КП(б) Карельской ССР. С января 1947 г. 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ Карело-Финской ССР.

² Имеется в виду обращение к советскому народу, принятое 22 июня 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), с которым в тот же день в 12 часов дня выступил по радио заместитель председателя СНК СССР и нарком иностранных дел В.М.Молотов.

³ 29 июня 1941 г. партийным и советским организациям была направлена Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б), содержащая программу мобилизации всех сил партии и советского народа, всех ресурсов страны на борьбу с врагом, которая 3 июля 1941 г. была изложена в речи по радио председателя ГКО И.В.Сталина. Выступление заканчивалось призывом: «Все для фронта! Все для Победы!»

⁴ *Фролов Александр Петрович* — красноармеец, снайпер 1-й погранзаставы 1-го пограничного отряда. На службу призван в 1939 г. В 1941 г. в составе заставы находился в оперативном подчинении 72-го погранотряда.

⁵ Данные на Николаева не установлены.

⁶ Данные на ефрейтора Ярыгина не установлены.

⁷ *Алферьев Вячеслав Дольгиевич* (1914—?) — сержант. В 1940—1941 гг. проходил службу в Калевальском погранотряде, затем в войсках НКВД Ленинградского фронта.

⁸ *Кравченко Иван Яковлевич* (1915—?) — капитан (1941). С сентября 1940 г. начальник 11-й заставы 1-го Калевальского погранотряда войск НКВД. В ноябре 1941 г. откомандирован в распоряжение наркома внутренних дел Карело-Финской ССР (КФ ССР).

⁹ *Зиргизов Сабирьян Гильманович* — красноармеец, стрелок 14-й погранзаставы 1-го погранотряда. На службу призван в 1939 г. Бузовязовским РВК Башкирской АССР. 11 августа 1941 г. ранен в бою с немецко-фашистскими захватчиками. Приказом войскам Карельского фронта № 075 от 5 ноября 1941 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и отвагу награжден орденом «Красное знамя» (ЦАПВ. Ф. 14. Оп. 10. Д. 275. Раздел II. Л. 35; 115об; Ф. 120. Оп. 6. Д. 67. Л. 121, 122, 219).

¹⁰ Данные на Ильвеса не установлены.

¹¹ *Карелин Сергей Яковлевич* (1917—1941) — красноармеец, телефонист взвода связи 2-й погранкомендатуры 80-го погранотряда (впоследствии полка). На

службу призван в 1938 г. Ковровским РВК Владимирской области. 8 декабря 1941 г. убит в бою с немецко-фашистскими захватчиками, захоронен в братской могиле в районе д. Пигмятка КФ ССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 ноября 1941 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте и проявленные при этом доблесть и отвагу награжден орденом Ленина (ЦАПВ. Ф. 14. Оп. 10. Д. 275. Раздел II. Л. 67, 112).

¹² *Кайманов Никита Фадеевич* (1907—1972) — в Красной Армии с 1929 г.; в 1940 г. окончил курсы «Выстрел». Участник советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

В 1941 г. начальник отделения штаба пограничного отряда войск НКВД, старший лейтенант В конце июня 1941 г. на карельской границе 19 суток с отрядом отражал многочисленные атаки противника; получив приказ на отход, отряд прорвал кольцо окружения и, пройдя по болотам и лесам 160 км, соединился со своими. Герой Советского Союза (1941).

¹³ *Бовичев Андрей Федорович* (1918—?) — сержант, командир отделения окружной школы младшего начсостава пограничных войск Карело-Финского округа. На службу призван Октябрьским РВК г. Ленинграда. 14 июля 1941 г. ранен в бою с немецко-фашистскими захватчиками, направлен на лечение в Петрозаводский госпиталь. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования награжден орденом Ленина (ЦАПВ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 16. Л. 3об, 4; Ф. 14. Оп. 10. Д. 275. Раздел II. Л. 14, 108).

¹⁴ *Ежов Николай Данилович* (1917—1941) — младший политрук (1941). С апреля 1940 г. заместитель политрука заставы 73-го Ребольского погранотряда, затем секретарь бюро ВЛКСМ окружной школы МНС КФО. Погиб 25 октября 1941 г., захоронен в братской могиле в д. Базоков в Карелии.

¹⁵ *Прохоров Владимир Васильевич* (1919—?) — повар 10-й погранзаставы 73-го погранотряда, ефрейтор. На службу призван в 1939 г. 15 ноября 1942 г. исключен из списков 73-го погранполка (б. отряда), откомандирован в распоряжение начальника войск НКВД по охране тыла Карельского фронта (Пр. № 412 от 15 ноября 1942 г.). Приказом войскам Карельского фронта № 070 от 4 ноября 1941 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и отвагу награжден орденом Ленина (ЦАПВ. Ф. 14. Оп. 10. Д. 275. Раздел II. Л. 33; Ф. 118. Оп. 6. Д. 29. Л. 113; Д. 45. Л. 40, 45об; Ф. 111. Оп. 13. Д. 390. Л. 89).

«В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕСПЕРЕБОЙНОЙ РАБОТЫ»

Документы ГА РФ об эвакуации Центрального аппарата НКВД и НКГБ СССР из Москвы. Июль 1941 г.

Через день после начала Великой Отечественной войны, 24 июня 1941 г., постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1740—748сс при Совнаркоме был создан Совет по эвакуации (СЭ). Его председателем был утвержден нарком путей сообщения СССР и заместитель председателя СНК СССР Л.М.Каганович, заместителями — нарком внешней торговли СССР и заместитель председателя СНК СССР А.И.Микоян и заместитель председателя СНК СССР А.Н.Косыгин. Одним из членов числился заместитель наркома внутренних дел СССР С.Н.Круглов.

На основании Положения о Совете по эвакуации его постановления были обязательными для всех местных органов власти, наркоматов и хозяйственных организаций. 29 июня 1941 г. были утверждены Уполномоченные СЭ по наркоматам. Так, по НКВД СССР это был заместитель наркома В.В.Чернышов, по наркомату авиационной промышленности — заместитель наркома М.В.Хруничев, по наркомату вооружения — заместитель наркома В.М.Рябиков, по наркомату строительства — заместитель наркома А.Н.Комаровский, по Академии наук СССР — вице-президент академии О.Ю.Шмидт. К 30 июня в Совете по эвакуации был составлен проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о разгрузке Москвы от учреждений, которым предусматривалось часть наркоматов и ведомств вывезти из столицы в другие города СССР полностью, некоторые — частично, а некоторые совсем не вывозить. К наркоматам, остающимся в Москве, относились: НКО, НК ВМФ, НКВД, НКПС, НКВД и НКГБ СССР.

Однако ухудшение ситуации на фронтах потребовало пересмотра принятых ранее решений, дальнейшей концентрации власти в стране. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 30 июня 1941 г., «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу», был создан Государственный комитет обороны (ГКО) (председатель — И.В.Сталин, заместитель председателя — В.М.Молотов, члены: К.Е.Ворошилов, Г.М.Маленков и Л.П.Берия). ГКО сосредоточил в своих руках всю полноту государственной власти, а все гражданские, партийные, советские, комсомольские и военные организации обязаны были беспрекословно выполнять его решения и распоряжения. Постановлением ГКО № 173 от 16 июля был утвержден новый состав СЭ: председатель — первый секретарь ВЦСПС Н.М.Шверник, заместители — А.Н.Косыгин и заместитель председателя СНК СССР М.Г.Первухин. Член СЭ от НКВД — заместитель наркома В.С.Абакумов.

Публикуемые документы из фондов Государственного архива Российской Федерации характеризуют процесс выработки решений об эвакуации Центрального аппарата НКВД и НКГБ из Москвы. Уже 9 июля 1941 г. нарком внутренних дел СССР Л.П.Берия и нарком государственной безопасности СССР В.Н.Меркулов направили в СНК СССР на имя Н.М.Шверника письмо с предложением об эва-

куации аппаратов НКВД и НКГБ СССР в города Куйбышев, Чкалов, Уфу, Саратов, Киров, Новосибирск, Свердловск, Казань, Ульяновск и Молотов (док. № 1). 11 июля Н.М.Шверник обратился к В.М.Молотову с просьбой утвердить решение Совета по эвакуации, подготовленное в соответствии с предложением Л.П.Берия и В.Н.Меркулова (док. № 2). Как можно судить по резолюциям на этом документе, поступило указание (вероятно, из ГКО) внести конкретные предложения и установить очередность эвакуации сотрудников НКВД и НКГБ и членов их семей (сколько и куда подлежит отправке, сколько вывезено и еще осталось вывезти). 14 июля такой расчет был подготовлен и 15 июля направлен Н.М.Швернику (док. № 3). В тот же день им было издано распоряжение СЭ, полностью учитывающее предложения НКВД и НКГБ (док. № 4). 16 июля Л.П.Берия и В.Н.Меркулов подписали совместный приказ «Об обеспечении бесперебойной работы в условиях военного времени органов НКВД и НКГБ СССР», в котором были утверждены дислокация управлений и отделов НКВД и НКГБ, а также численность оперативных групп, оставаемых в Москве (док. № 5).

Док. №№ 6—8 свидетельствуют о том, что в соответствии с новым решением ГКО количество сотрудников НКВД и НКГБ и членов их семей, подлежащих эвакуации из Москвы, было резко сокращено. Особую научную ценность представляют, на наш взгляд, данные о штатах Центрального аппарата НКВД и НКГБ (см. приложение к док. № 6) накануне их объединения в единый наркомат НКВД СССР на основании постановления ГКО № 211сс и указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. В воссозданный единый наркомат внутренних дел было включено бывшее 3-е управление НКО СССР, реорганизованное в Управление особых отделов НКВД СССР, его начальником стал заместитель наркома внутренних дел СССР В.С.Абакумов. Л.П.Берия был утвержден наркомом внутренних дел СССР, а В.Н.Меркулов — его первым заместителем, как это и было в 1938—1941 гг. до разделения в феврале 1941 г. НКВД на два наркомата: НКВД и НКГБ СССР.

Публикацию подготовили А.И.КОКУРИН и Ю.Н.МОРУКОВ.

№ 1
СНК СССР
Товарищу Швернику Н.М.¹

г. Москва

9 июля 1941 г.

№ 2187/6

Совершенно секретно

Считаем необходимым основные аппараты НКВД и НКГБ СССР перевести для размещения в гг. Куйбышев, Чкалов, Уфа и частично в Саратов, Киров, Новосибирск, Свердловск, Казань, Ульяновск и Молотов.

Просим утвердить размещение НКВД и НКГБ в указанных выше городах и дать указание СНК СССР областным и республиканским организациям о предоставлении помещений для размещения учреждений НКВД и НКГБ по следующему расчету:

В Куйбышевской области для учреждений на жилой площади для размещения	600 чел.
	1500 "-"
В Чкаловской области для учреждения на жилой площади для размещения	1000 "-"
	5000 "-"

В Башкирской АССР для размещения учреждений на жилой площади на	500	"-"
В Кировской области для размещения учреждений на жилой площади на	4000	чел.
В Свердловской области для размещения учреждений на жилой площади на	800	"-"
В Новосибирской области учреждения на жилой площади на	2000	"-"
В Саратовской области учреждения на жилой площади на	1000	чел.
В Казани жилой площади на	5000	"-"
В Ульяновске учреждений на жилой площади на	1500	"-"
В Пензенской области учреждения на жилой площади на	7000	"-"
В Молотовской области учреждения на жилой площади на	500	"-"
	4000	"-"
	2000	"-"
	400	"-"
	2000	"-"
	300	"-"
	2000	"-"
	100	"-"
	1000	"-"

О Вашем решении просим нас уведомить.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. Берия²

Народный комиссар госбезопасности Союза ССР
В. Меркулов³

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 221. Л. 83—84. Подлинник. Машинопись.
Подписи-автографы.

№ 2

Товарищу Молотову В.М.⁴

11 июля 1941 г.

Совершенно секретно

Прошу утвердить следующее решение Совета по эвакуации:

«Перевести из г. Москвы частично основной аппарат:

1. Наркомвнудел СССР, Наркомат государственной безопасности СССР — в гг. Куйбышев, Чкалов, Уфа и частично в гг. Саратов, Киров, Новосибирск, Свердловск, Казань, Ульяновск и Молотов.

2. Наркомат обороты — г. Куйбышев»^а.

Н. Шверник

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 221. Л. 81. Подлинник. Машинопись.
Подпись-автограф.

^а На документе имеются резолюции: «Внести предложения, установить очередность эвакуации для сотрудников и членов семей. Н.Шверник. 15/VII»; «Вызвать т. Абакумова⁵ на 15 ч. 30 мин. Н.Шверник. 16/VII».

№ 3
СНК Союза ССР
Товарищу Швернику Н.М.

15 июля 1941 г.

Совершенно секретно
Лично

Согласно Ваших указаний представляю расчет на организованный вывоз сотрудников НКВД и НКГБ первой очереди отправки.

Прошу выделить сверх расчета на людей вагоны под необходимое имущество наркоматов (оборудование, специальное имущество, имущество связи и автотранспорт), всего до 260 вагонов.

Одновременно просим дать указание областям о приеме эвакуируемых учреждений НКВД СССР.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
Чернышов^б

Приложение

Совершенно секретно

Расчет
на вывоз сотрудников НКВД и НКГБ
и членов их семей по областям

	сотр.	чл. семей	1-я очередь
Куйбышевская обл.	4000	6500	10500
Вывезено	1000	2500	3500
Осталось вывезти	3000	4000	7000
Чкаловская обл.	700	2500	3200
Вывезено	380	500	880
Осталось вывезти	320	2000	2320
Башкирская АССР-			
Уфа	500	2000	2500
Вывезено	70	200	270
Осталось вывести	430	1800	2230
Саратов	500	1000	1500
Вывезено	45	70	115
Осталось вывезти	455	930	1385
Киров	680	1820	2500
Вывезено	320	620	940
Осталось вывезти	360	1200	1560

	сотр.	чл. семей	1-я очередь
Новосибирск	600	2000	2600
Свердловск	600	1500	2100
Отправлено	340	470	810
Остается	260	1030	1290
Татарская АССР	100	700	800
Пензенская обл.	400	1000	1400
Молотовская обл.	—	2000	2000
<i>Всего подлежит отправке</i>	8080	21020	29100
<i>Отправлено</i>	2155	4360	6515
<i>Осталось</i>	5925	16660	22585

Заместитель народного комиссара внутренних дел
Чернышов

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 221. Л. 78—80. Копия. Машинопись. Подписи-автографы.

№ 4
Распоряжение № 5012 СЭ^а

15 июля 1941 г.

Совершенно секретно

1. Принять предложение НКВД СССР и НКГБ об эвакуации сотрудников и членов семей НКВД СССР и НКГБ в пункты, согласно приложению^б.

2. Обязать НКПС выделить НКВД СССР и НКГБ 800 вагонов в счет нормы, установленной для переезда наркоматов из г. Москвы в другие города.

График подачи вагонов согласовать с НКВД СССР и НКГБ.

Председатель Совета по эвакуации
Н. Шверник

НКВД СССР, НКГБ, НКПС, Облисполкомам (с выписками из прилож.): Куйбышевскому, Чкаловскому, Саратовскому, Кировскому, Новосибирскому, Свердловскому, Пензенскому, Молотовскому, СНК Башкирской АССР (с вып. из приложения) и СНК Татарской АССР (с выпиской из приложения).

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 221. Л. 78. Копия. Машинопись. Подпись-автограф.

^а Заголовок документа.

^б Приложение не публикуется, т.к. оно повторяет приложение к док. № 3.

№ 5

**Приказ наркома внутренних дел СССР Л.П.Берия
и наркома госбезопасности СССР В.Н.Меркулова**

г. Москва

16 июля 1941 г.

№ 00931/00272

Совершенно секретно*Содержание:**Об обеспечении бесперебойной работы в условиях военного времени органов НКВД и НКГБ Союза ССР*

В целях обеспечения бесперебойной работы в условиях военного времени органов НКВД и НКГБ СССР

приказываем:

1. Начальникам управлений и самостоятельных отделов НКВД и НКГБ СССР оставить для работы в центральном аппарате НКВД и НКГБ СССР необходимое количество работников, согласно прилагаемому к настоящему приказу расчета.

2. Управлениям и отделам НКВД и НКГБ СССР для продолжения возложенной на них работы вывезти сотрудников в города: Куйбышев, Чкалов, Уфа, Саратов, Киров, Новосибирск, Свердловск, Казань, Пенза, Молотов, Ульяновск, согласно прилагаемой дислокации.

3. Для усиления работы периферийных органов НКВД и НКГБ СССР направить на постоянную работу остальных сотрудников управлений и отделов НКВД и НКГБ СССР в органы НКВД и НКГБ СССР, войск и истребительные батальоны НКВД СССР.

4. Одновременно с направляемыми из Москвы сотрудниками вывозить и их семьи.

5. Выполнение настоящего приказа возлагаем на тт. Абакумова, Чернышова и Серова⁷, которым о результатах своей работы докладывать ежедневно.

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР, Генеральный комиссар
государственной безопасности

Л.Берия

Народный комиссар государственной
безопасности Союза ССР, комиссар
государственной безопасности 3-го ранга

*В.Меркулов***Приложение к приказу НКВД-НКГБ № 00931/00272 1941 г.****Совершенно секретно**

**Численность сотрудников аппаратов НКВД,
оставляемых в гор. Москве**

Тюремное управление	Нач. упр. т. Никольский	и	10	сотрудников
1-й Спецотдел	Зам. нач. отд. т. Сидоров	и	3	"-"
3-й отдел	Нач. отдела т. Белянов	и	15	"-"

Упр. по дел[ам] военноплен[ных]	Нач. упр. тов. Сопруненко	и	10	"-"
ГУШОСДОР ^а	Врид. нач. ГУШОСДОР т. Засов	и	30	"-"
ЦФПО ^б	тов. Берензон	и	19	"-"
ГУЛГМП ^в НКВД	Зам. нач. упр. т. Александров	и	9	"-"
ГУЛПС ^г НКВД	Нач. упр. т. Орлов	и	10	"-"
ГУЛАГ ^д НКВД	Зам. нач. т. Добрынин	и	25	"-"
ГУМПВО ^е	Нач. упр. т. Осокин	и	35	"-"
УЛЛП ^ж *	Нач. упр. т. Тимофеев	и	10	"-"
ГУМ ^з	Нач. ГУМ т. Галкин	и	100	"-"
ГУЛЖДС ^и	Зам. нач. ГУЛЖДС т. Худяков	и	12	сотрудников
Упр. тех. снабжения	Нач. упр. т. Поддубко	и	25	"-"
Главгидрострой	Нач. упр. т. Рапопорт	и	184	"-"
Отдел кадров	Зам. нач. отдела т. Базанов	и	15	сотрудников
ГУАС ^к	Нач. ГУАС т. Федоров	и	10	сотрудников
Моботдел	Зам. нач. отдела	и	3	"-"
Гл. упр. пож. охраны	Нач. упр. т. Козик	и	29	"-"
Отдел ж.д. перевозок	Нач. отдела т. Зикеев	и	10	"-"
Упр. опер. войск	Нач. упр. т. Ачкасов	и	10	командиров
Упр. конвойных войск	Зам. нач. конв. войск полковник Рыбаков	и	6	"-"
АХУ ^л НКВД	Нач. АХУ т. Сумбатов	и	2334	сотрудников

^а Главное управление строительства шоссейных дорог.

^б Центральный финансово-плановый отдел.

^в Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий.

^г Главпромстрой.

^д Главное управление лагерей.

^е Главное управление местной противовоздушной обороны.

^ж Управление лагерей лесной промышленности.

^з Главное управление милиции.

^и Главное управление лагерей железнодорожного строительства.

^к Главное управление аэродромного строительства.

^л Административно-хозяйственное управление.

Упр. полит. проп. войск	Нач. упр. т. Мироненко	и	15	командиров
Финотдел войск	Нач. Финотдела т. Филимонов	и	6	сотрудников
Секретариат НКВД	Нач. секретариата тов. Мамулов	и	40	сотрудников
Особое технич. бюро	Нач. ОТБ ^а т. Кравченко	и	30	"-"
Гл. упр. погр. войск	Зам. нач. упр. ген.-майор т. Апполонов	и	20	командиров
Гл. упр. войск охраны ж.д. со- оруж. и пром-сти	Нач. Гл. упр. ген.-майор т. Гульев	и	11	командиров
Упр. воен. снабжения	Нач. упр. ген.-майор т. Вургафт	и	59	сотрудников
УУЗ ^б	Нач. упр. т. Шария	и	2	сотрудников

Дислокация органов НКГБ СССР

Совершенно секретно

1 Управление.....	Москва—Новосибирск—Куйбышев—Свердловск
2 Управление	Москва—Куйбышев
3 Управление	Москва—Куйбышев
Следственная часть.....	Москва—Саратов
1 отдел	Москва—Куйбышев
2 отдел	Москва—Свердловск—Куйбышев
3 отдел	Москва—Куйбышев
4 отдел	Москва—Чкалов—Молотов—Куйбышев
5 отдел	Москва—Куйбышев—Саратов—Уфа—Свердловск
Отдел кадров	Москва—Новосибирск—Куйбышев
АХФО ^в	Москва—Куйбышев

Дислокация органов НКВД СССР

Совершенно секретно

Наименование органа	Город, в котором он размещается
Секретариат НКВД и Особого совещания	Москва—Куйбышев
Отдел кадров	Москва—Куйбышев
Гл. упр. милиции	Москва—Куйбышев
3-й отдел НКВД	Москва—Куйбышев
Гл. упр. погр. войск	Москва—Куйбышев

^а Особое техническое бюро.

^б Управление учебных заведений.

^в АХФО — административно-хозяйственно-финансовый отдел.

Наименование органа	Город, в котором он размещается
Гл. оперативн. войск	Москва—Куйбышев
Упр. конвойных войск	Москва—Куйбышев
Гл. упр. войск по охране ж.д. сооружений и пром.	Москва—Куйбышев
Упр. политической пропаганды войск	Москва—Куйбышев
Упр. военного снабжения	Москва—Куйбышев
Финотдел войск	Москва—Куйбышев
АХУ НКВД	Москва—Куйбышев—Чкалов—Уфа
ЦПФО	Москва—Куйбышев—Чкалов—Уфа
Моботдел	Москва—Куйбышев
Особое техническое бюро	Москва—Куйбышев—Казань
Контрольная группа	Куйбышев
Отдел ж.д. перевозок	Москва—Куйбышев
1 Спецотдел	Свердловск—Челябинск
Гл. упр. МПВО	Москва—Пенза
Гл. упр. пожарной охраны	Москва—Пенза
Военно-строит. отдел	Пенза
Гл. архивное управление	Саратов—Чкалов
Гл. упр. испр. труд. лагерей	Москва—Чкалов
Тюремное управление	Москва—Чкалов
Упр. по делам военнопленных	Москва—Чкалов
Главгидрострой	Москва—Чкалов
Гл. упр. лагерей промстроит.	Уфа
Гл. упр. лагерей горно-металл. промышленности	Уфа
Упр. технического снабжения	Москва—Уфа
Упр. учебных заведений НКВД	Саратов
Гл. упр. лагерей жел. дор. стр.	Москва—Киров
Упр. лагерей лесной промышлен.	Москва—Киров
Бампроект	Москва—Томск
Дальстройснаб	Москва—Новосибирск
ГУШОСДОР	Москва—Ульяновск

Заместитель народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
В.Абакумов

№ 6

Справка по эвакуации НКВД — НКГБ

[Не ранее 17 июля — не позднее 20 июля 1941 г.]^а

Совершенно секретно

Согласно распоряжения СНК СССР от 15.VII-1941 г. № 5012-СЭ подлежало вывезти в первую очередь всего сотрудников и членов их семейств — 29100 ч.

вывезено — 6515 ч.

оставалось вывезти — 22585 ч.

По новому решению — подлежит вывозу, не считая вывезенных до 16.VII с.г., — 11400 чел.

Сокращено против первого распоряжения на — 11485 чел.

Остальные пойдут все во 2-ю очередь.

Приложение

Совершенно секретно

Количество сотрудников НКВД и НКГБ,
подлежащих эвакуации из Москвы

НКВД

Штат 10000 чел.

Подлежит эвакуации 7000 чел. сотрудников.

На 13/VII эвакуировано 1858 чел. сотрудников.

В том числе:

Куйбышевская область — 700 чел.

Чкаловская — 380 ч.

Уфа — 73 ч.

Кировская — 315 ч.

Свердловская — 340 ч.

Саратовская — 50 чел.

1858 чел.

Эвакуировано на 13/VII членов свыше 3500 человек.

НКГБ

Штат сотрудников 11000 чел.

Подлежит эвакуации 7500 ч. сотрудников.

На 13/VII эвакуировано 950 чел. сотрудников.

В том числе:

Куйбышевская обл. — 500 чел.

Свердловская обл. — 250 чел.

Саратовская обл. — 200 чел.

950 ч. сотрудников

^а На документе имеется резолюция: «Вопрос решен. Н.Шверник. 21/VII».

Членов семей эвакуировано 2000 чел.

Всего намечается к эвакуации семей по наркоматам НКВД и НКГБ 33000 чел.

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 221. Л. 85—87. Подлинник. Справка-машинопись. Приложение-рукопись.

№ 7

Товарищу Молотову В.М.

№ 5040 СЭ

[Не ранее 17 июля — не позднее 20 июля 1941 г.]

Совершенно секретно

Совет по эвакуации, совместно с НКВД СССР и НКГБ, пересмотрел предложение об эвакуации сотрудников и членов семей НКВД СССР и НКГБ.

Вместо ранее намечавшейся эвакуации первой очереди сотрудников и членов семей в количестве 22585 человек новым проектом предусматривается эвакуация сотрудников и членов семей НКВД СССР и НКГБ в первую очередь в количестве 11400 человек.

Остальные сотрудники вместе с семьями должны выехать из г. Москвы во вторую очередь.

В связи с этим Совет по эвакуации просит принять следующее решение:

«Разрешить НКВД СССР и НКГБ перевести из г. Москвы в другие города Советского Союза, согласно приложению, в первую очередь 11400 человек, из них — 3600 человек сотрудников НКВД СССР и НКГБ и 7800 человек членов их семей».

Н. Шверник

Приложение

Совершенно секретно

Расчет
на вывоз сотрудников НКВД и НКГБ по областям

	сотрудников	и членов семей	1-я очередь
Куйбышевская область	1500	2000	3500
Чкаловская область	500	1000	1500
Башкирская АССР (Уфа)	500	1000	1500
Саратовская область	200	400	600
Кировская область	100	200	300
Новосибирская область	400	900	1300
Свердловская область	150	250	400
Татарская АССР	100	200	300
Пензенская область	150	350	500
Молотовская область		1500	1500
Всего:	3600	7800	11400

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 221. Л. 91—92. Копия. Машинопись.

№ 8

Товарищу Молотову В.М.

[Не позднее 20 июля 1941 г.]

Совершенно секретно

В связи с эвакуацией сотрудников НКВД СССР и НКГБ прошу принять следующее решение:

«1. Разрешить НКВД СССР и НКГБ перевести из г. Москвы в другие города Советского Союза, согласно приложению, в первую очередь 3600 человек сотрудников НКВД СССР и НКГБ.

2. Семьи сотрудников НКВД СССР и НКГБ эвакуируются по специальному плану, утверждаемому Советом по эвакуации»^а.

Приложение**Совершенно секретно**

Расчет

на вывоз сотрудников НКВД и НКГБ по областям

Куйбышевская область	1500	человек
Чкаловская область	500	"_"
Башкирская АССР (Уфа)	500	"_"
Саратовская область	200	"_"
Кировская область	100	"_"
Новосибирская область	400	"_"
Свердловская область	150	"_"
Татарская АССР	100	"_"
Пензенская область	1500	"_"
	3600	"_"

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 221. Л. 89—90. Копия. Машинопись.

Примечания

¹ Шверник Н.М. (1888—1970) — в 1930—1944 гг. первый секретарь ВЦСПС.

² Берия Л.П. (1899—1953) — в 1938—1945 гг. нарком внутренних дел СССР.

³ Меркулов В.Н. (1895—1953) — в феврале—июле 1941 г. нарком госбезопасности СССР, с 20 июля 1941 г. первый заместитель наркома внутренних дел.

⁴ Молотов (Скрябин) В.М. (1890—1986) — с 30 июня 1941 г. зам. председателя ГКО СССР.

⁵ Абакумов В.С. (1908—1954) — в 1941 г. зам. наркома внутренних дел СССР.

⁶ Чернышов В.В. (1896—1952) — в 1941 г. зам. наркома внутренних дел СССР.

⁷ Серов И.А. (1905—1990) — в феврале—июле 1941 г. первый зам. наркома госбезопасности СССР, с июля 1941 г. зам. наркома внутренних дел СССР.

⁸ Буин Т.А. — в июле 1941 г. заведующий канцелярией Совета по эвакуации.

^а На документе имеется резолюция: «Решено постановлением Государственного комитета обороны № ГКО-211сс от 20.7.41. А.Т.Буин⁸».

«АНАБАСИС» КРАСНОАРМЕЙЦА ЮДИНА

«Анабасис» (греч. *anabasis* — восхождение, движение в глубь страны) красноармейца А.М.Юдина — бесхитростный рассказ одного из рядовых участников Великой Отечественной войны. В составе 77-й автобронетанковой части (к сожалению, мы не располагаем более точными данными) он участвовал в битве за Москву, в ходе которой был ранен и пленен немцами. После побега из плена и возвращения в ряды РККА Юдина обвинили в том, что он был завербован нацистами и заброшен в советский тыл с целью сбора разведанных и ведения антисоветской пропаганды. 26 декабря 1942 г. военный трибунал Тамбовского гарнизона приговорил его к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

Судя по материалам дела, хранящегося в Государственном архиве Нижегородской области (ГАНО), непосредственной причиной ареста послужили разговоры Юдина с сослуживцами о его пребывании в плену и условиях жизни на оккупированной территории. Однако 17 октября 1943 г. постановлением военного прокурора Карельского фронта он был освобожден «за недостаточностью улик».

Предлагаемый вниманию читателей документ представляет собой лишенный заглавия рукописный текст. При подготовке его к публикации потребовалось расставить знаки препинания (в авторском тексте они практически отсутствуют), провести деление на абзацы и добавить ряд пропущенных слов (даны в квадратных скобках); в остальном текст публикуется без исправлений.

Судьба Юдина типична для сотен тысяч бойцов и командиров Красной Армии, оказавшихся в окружении в первые месяцы войны. Документ интересен как свидетельство очевидца, составленное по горячим следам событий, он — в одном ряду с уже публиковавшимися в «Историческом архиве» источниками¹, которые разрабатываются в рамках научного проекта «История от первого лица. Изо дня в день...»

Публикацию подготовил В.Ю.АЛЬБОВ.

16 июля 1943 г.

Третьего октября 1941 г. я был ранен, при помощи воентехника Салюка был посажен в кабину автомашины и [мы] стали продолжать путь. Въехали мы в деревню. [Тут] к нам подходит какой-то [человек] в военной форме, [он] выстрелил из пистолета вверх и крикнул: «Где вы находитесь, что за базар!» Это человек сказал на ломаном русском языке. Ему из нашей колонны ответили, что нам нужно проехать. Он показал [куда], мы поехали; но в пути, в этой деревне, оказалось два моста, [которые нужно] настилать, потому что нельзя было проехать.

Приезжаем в другую деревню и спрашиваем у жителей: «Как проехать?» Но жители не могли посоветовать, так как уже немцы ехали по всем дорогам. Воентехник послал бойцов узнать, кто едет по дороге, по которой ехала наша колонна. Бойцы сходили и доложили, что это немцы. Прошло примерно час, колонны не было уже давно видно. Воентехник дал команду ехать по той дороге, где ехали немцы.

¹ См.: Исторический архив. 1994. № 4; 2001. № 1.

Проехали мы примерно с километр [и] вдруг открыли по нам пулеметный огонь. Наша колонна остановилась. Я увидел: одна машина загорелась, а задние машины стали заворачиваться обратно, и красноармейцы с передних машин побежали к задним машинам. Тут я услышал стон красноармейцев. В это время я находился в канаве, около дороги. Когда прекратили стрельбу, я побежал к населенному пункту. Но стрельба опять началась. Тут я опять лег в канаву. Но немного прошло время, ко мне подходит немец, стукнул меня по ногам и приказал мне встать и при этом спросил, показывая на мою раненую руку: «Сегодня?» Я ответил: «Нет, вчера». Он мне махнул рукой на грузовую автомашину, мол, иди к этой машине. Я сел на эту машину, с помощью раненых бойцов, которые находились на этой машине. Через несколько время немцы пригнали эти три машины, которые повернули обратно, но [уже] без бойцов. Привезли меня, вместе с ранеными бойцами, в г. Юхнов¹, а затем ссадили нас в сквере, который находился около церкви. Вечером я ушел из этого сквера в один дом, где находились раненые бойцы и один врач в военной форме, по национальности еврей. Переночевали в этом доме ночь, а затем нас перевели в бывшую гражданскую больницу. В этой больнице я находился примерно дней пять. В комнате, в которой мы находились, была страшная вонь: загноение было ран, потому что врач был не в курсе дел. Красноармейцы стали врача ругать, чтобы он спросил немцев — пусть дают помощь или расстреляют. Немцы здесь заглядывали в дверь, но тут же закрывали от сильного запаха. После пары дней в этой больнице нас перевезли на двух автобусах в г. Масальск, Смоленской области².

Когда мы подъехали к госпиталю, к нам вышел [человек] в нашей военной форме и с зна[ками] различия — прямоугольником³. Это был врач — главный, как мы его называли. Он нас поселил в комнату. На пол, через несколько время, нам санитары принесли соломы. Потом мы спросили у главного врача обедать. Обед нам принесли [каждому] по тарелке (видно, что в ней варилась капуста), но без хлеба. Такое питание было раз в сутки и продолжалось примерно дня 4—5. Я пошел в этот день к врачу, но он меня не принял, ввиду того, что операцию делали тяжелораненым. Положили мне гипс на руки примерно на 3-й день, как мы приехали в госпиталь. После 4—5 дней нам дали к обеду 100 грамм хлеба, а дня через два стали давать обед два раза в сутки: утром картофель, часов в 10, а часа в три суп, а затем, дней через 5, стали давать по 200 грамм хлеба и два раза обед. А под конец моего побега^a стали давать хлеба по 300 грамм.

С первых дней легкораненые красноармейцы стали просить главного врача, чтобы их отправили куда-нибудь в колхоз на работу. Прошло примерно дней 5, человек десять красноармейцев-легкораненых врач направил в комендатуру. Немцев я видел раза два. Проходили по коридору, но зачем приходили, я не знаю. Немецкого врача я часто видел в окно: с нашим врачом ходили.

^a Так в тексте.

Я приходил к врачу, к Николаю Николаевичу, раза два. Мне казалось, что рука неправильно восстановлена, но врач говорил, что хорошо. Но потом, третий раз, там профессор сидел, как его называли. Он увидел мою руку и обратился к Николаю Николаевичу: сказал, что руку нужно повертывать. Мне повернули руку и поставили второй гипс и сказали, что гипс у тебя будет месяц. Это было примерно 25 октября. Было очень голодно и курить не было. Я увидел у одного бойца папиросы. Я его спросил: «Где взял?» Он сказал, что в деревне. Я его спросил: «А как немцы?», он мне сказал, что нужно иметь. Я осмелился идти в деревню, которая была рядом с городом, только через овраг. Там меня накормили и дали хлеба, примерно с килограмм. Затем я пробрался в больницу, [так] чтобы не видели врачи. Охраны никакой [не] было.

Дня через 3 я обратно пошел в деревню. Также покушал досыта и хлеб дали. Но пришлось домов в 5 или 7 заходить, потому что стало ходить много бойцов. Я через несколько дней пошел в другую деревню, которая находилась километра полтора от города. В этой деревне я хорошо покушал и килограмма 3 хлеба принес. Но примерно в 4-й раз я пошел в деревню, которая находилась 4—5 км от города, через деревню, которая находилась около города. Я встретил двух немцев, один держал в руке пистолет. Они окликнули и махом руки звали [меня]. Я в этот раз шел с красноармейцем раненым, Чернышовым. Мы подошли, они нас обыскали и посмотрели, что мы раненые и [от]пустили. Мы стали продолжать путь в деревню Сельцокольцево, также покушали и хлеба принесли с собой.

Не помню, в который раз я решил идти в следующую деревню, которая расположена в противоположную сторону города от деревни Сельцокольцево. Мне пришлось идти через город. Я встретил около бани немца, он меня подзывает и спросил на русском ломаном языке. Я ответил, что нет и показал ему загипсованную руку и при этом показал с помощью рук и рта и сказал, что иду покушать. Он махнул рукой в знак продолжения моего пути. Я также в этой деревне покушал и принес котелок молока, который захватил с собой и также дали с собой хлеба и 4 пачки папирос, а больше я немцев не встречал. Ходил я еще в Тарасовку, или она называлась Васильевка, но как будто Тарасовка. Через которую я совершил побег 28-го ноября 41 года. Она находилась в 1,5 км от города. В деревне я встречал красноармейцев в вольной одежде, которые стремятся теперь к своим. Мы тоже с Чернышовым решили бежать, как только подлечимся. Он был из Куйбышевской области.

Примерно 10 ноября нас, всех ходячих, у кого ноги здоровые, переселили в дом, который находился от госпиталя с полкилометра. Старшим был [тот], который распоряжался порядком и ходил за обедом в госпиталь. Г[лавным] врачом был назначен [старшим] грузин Чкаурилли. В этот дом, примерно 15-го ноября, приходил к нам немецкий врач с нашим врачом и профессором и всем сделал осмотр ран и что-то записывал в книгу. Профессор ему переводил по-немецки, когда был ранен и чем, когда бойцы ему отвечали. После этого, примерно через 3—5 дней, подъезжает к этому дому немецкая машина с конвоирами, со спи-

ском и передали этот список Чкаурилли. Он стал вызывать почти вылечившихся бойцов. Мы тут догадались, что немцы вылечившихся бойцов направляют в лагерь.

На второй же день, или на 3-й, Чернышов, и как будто с Юсиповым, убегли. Он не стал дожидаться меня. Я в этот же день пошел искать гражданскую одежду в городе. Вместо шинели я надел пальто, вместо пилотки я надел малахай. Наутро, часов в 10, как только позавтракали, мы втроем пошли через деревню Тарасовку. Это было 28 ноября 41 года. Деревни, через которые мы шли, я не помню, но несколько деревень я могу назвать: Кудрино, Залесное, Лес. Засака, Троекурово. Мимо которых городов районных [шли], точно не помню, но также назову. Как будто мимо Козельск⁴, Белево⁵, станции Теплое⁶ и мимо деревни Исленево. Там рассказывали, что про одного доказали, что он партизан, его повесили над его окном на две недели. И перешел я фронт около Волово. Км 2 от Волово хутор[...]а. На первый же день от нас отстал один, те растерялись⁶. Мы шли вдвоем дней 5 или 7 и с этим растерялись.

Я пошел продолжать путь один. Маршрут я выбирал от стариков, которые советовали, окруженцев: где легче пройти фронт. Во-первых, нужно было идти глухими местами, те подальше от городов, железных дорог. Во-вторых, подальше от более значительных сел и мостов, которые проходили через реку. Я так и стремился. Подхожу к деревне, захожу в первый [же] дом и спрашиваю: «У вас в деревне немцев нет? И кто в деревне может сказать, как мне пройти, чтобы у меня осталась Тула километров 100 левее?» Мне скажут: «Иди там на тот-то порядок или улицу, там дед все знает». Ну, с ним и посоветоваешься. А иногда приходилось посмотреть карту у жителей. У меня был сначала маршрут — пройти между Тулой и Калугой, но потом я его изменил и стал держать на ст. Теплое и Волово. Изменил я его по совету жителя, который сказал: якобы шел он этим маршрутом и что можно пройти свободно, что сплошного фронта [там] нет.

Маршрут я записывал — несколько деревень на клочке бумаги. Когда выходила вся запись, эту бумагу бросал, затем снова записывал. Шел я примерно 20 дней. Нигде вплотную с немцами не встречался, кроме как переходил линию фронта. Ночевал я в деревнях. Иногда пускали без старосты, а где без старосты не обходилось, где староста хороший, там сразу поставит на ночлег, а где приходится идти в другую деревню, где староста грозит немецким штабом. Питался по деревням. Дальше от линии фронта кормили и привечали жители хорошо. Но ближе к фронту, ввиду сгущенности окруженцев, трудно было найти кусок хлеба, а также выпроситься на ночлег.

Дня за 2 до перехода фронта мне попался навстречу из Иваново-Вознесенской области, лет 37-ми кр[асноармее]ц. Он сказал, который из деревни Исленево, что не советую ходить в Исленево. Я, говорит, воротился, там, говорят, расположен штаб. Мы стали обходить другими

⁴ Слово неразборчиво.

⁶ Так в тексте.

деревнями эту деревню с этим кр[асноармейце]м. Не доходя километра два до станции Волово, мы решили ночевать. Как нам говорили жители, что немец, когда наступал, он не заезжал в эту деревню, ввиду того, что здесь имеются крутые овраги и сейчас говорят, что машина не въедет в эту гору. Ночевали мы здесь спокойно. Конечно, была слышна пулеметная и орудийная стрельба на ст. Волово. Мы хотели еще одну ночь ночевать, проведя здесь день, но нам не разрешил староста. Мы пошли на хутор, но нас там тоже не пустили ночевать. Мы пошли в следующую деревню, уж стало совсем смеркаться, нас и здесь не пустили ввиду того, что немцы въезжают в [...]». Но в этот день было страшно холодно и мы решили ночевать где-нибудь на дворе, а потом пошли обратно на хутор.

С трудом мы выпросились ночевать у одного жителя этого хутора, где ночевал один эвакуирован[ный], как он говорил, ему лет 60. Примерно часов в 11 ночи стучаются немцы. Мы открыли, а хозяин спрятался. Входят человек десять, показывают на нас и говорят, что «капнут, капнут», что мы мертвые. Мы их так поняли. Но хозяйка ответила: «Нет, эти работают у нас». Но один немец вытащил карту и спрашивает на ломаном русском языке: «Далеко деревня Павловка?» Как будто Павловка, точно не помню. Хозяйка ответила, что 12 километров. В это время мой спутник и эвакуированный встали. Мой приятель, т.е. спутник, вслед за хозяйкой подтверждает, что 12 километров до Павловки. Он делает вид, что здесь хозяин. Немец, который вытащил карту, вынимает деньги и дает эвакуированному и при этом говорит, как будто, слово [...]» «информацион»? Т.е., чтобы их проводили до этой деревни. Но эвакуированный показал на ноги и сказал, что у него ноги растерты, он не может. Но я не вставал, я был покрыт пальто с головой. Тогда этот немец стукнул ногами по моим ногам. Я приподнялся, они посмотрели, что я в военной гимнастерке и что-то заговорили по-немецки. Потом один немец, который присел на скамейку, спросил меня, показывая на мою забинтованную руку: «Финск война?» Я ответил: «Нет, германская». Тогда этот немец, который с картой, говорит: «Добро, добро» и заставляет хозяина, т.е. моего спутника, идти с ними. Мой спутник пошел на босую ногу в ботинках. Я загоревался, что он не знает дороги и немцы его расстреляют. Но в скором времени он вернулся и рассказал: «Я, — говорит, — довел их до соседнего хутора, скинул ботинок, [показал] что на босую ногу и при этом сказал, что там возьмете другого». А на этот хутор он повел, ему сказала хозяйка, что через хутор, а мы [раньше] через него шли на этот хутор.

Через час примерно поднялась стрельба и осветили ракеты хутор и застучали в дверь. Дверь отперли, стали входить немцы. Нам хозяйка сказала: «Вставайте». Вбегает хозяйкина соседка и говорит: «Что мне делать?» И подошла к нам. «Пойдемте один ко мне, — обратилась она ко мне. — Пойдем, ты будешь мой пан, а то у меня полна комната немцев, я боюсь». Я подумал и решил, что мне будет, пожалуй, выгодно к ней идти и решил идти. Захожу я в комнату, у ней сидят немцы и все почти

^a Слово неразборчиво.

с погонами. Увидели меня и что-то залепетали. Мне Верка, как она назвалась, дала ведро в руки и говорит: «Пойдем за водой». Мы пошли. Потом она послала меня за керосином к соседке. Керосин принес, подает она топор мне: «Дров у меня нет, давай ломай коридор». Я отколол одной рукой несколько досок, переломал их топором и понес в комнату. Хозяйка затопила этим. Тут немцы закололи овцу и стали варить мясо. Немцы заставили топить и другую печь, [в комнате] в которой находились овцы и велели принести соломы. Немцы поели мясо, их было примерно человек десять или пятнадцать. Кто лег спать, а кто вшей искать. Я находился в другой комнате, где находились овцы. Стоял у печки, которая топилась.

Начало светать, они стали собираться и вышли. Я посмотрел, их было человек сто и 3 подводы [...]а, три лошади [...]а, они уехали. Меня хозяйка попросила, чтобы я ночевал еще одну ночь. После ухода немцев, примерно часа через 3—4, прошла наша пехота через этот хутор. А к вечеру приехали на этот хутор на лошади командир взвода и кр[асноармее]ц. Им дали овцу и они уехали.

Я переночевал еще ночь, а утром пошел в Волово, где был направлен вместе с командой в особый отдел штаба армии, в деревню, которая находилась в 12 км от Волово. Там, как и всех, допросили меня: как и из какой части попал в плен и при каких обстоятельствах. А затем направили меня вместе с командой, человек 30, в Домково. Из Домково направили в Куркино⁷, из Куркино в Мичуринск⁸, из Мичуринска меня направили, примерно это было начало января 42 года, в выздоровительный батальон, где я пробыл примерно 2 недели, а затем, как нестроевика, направили меня с тринадцатью бойцами в Инзу, Куйбышевской области⁹, в 82-й полк. А из Инзы направили в Куйбышев, во второй полк НКВД. Это было примерно 20 марта. А из Куйбышева направили в Тамбов, куда я приехал 6 мая. В Тамбове я был зачислен в комендантский взвод при штабе 21-й бригады бойцов, прослуживши до 1 ноября 42 года, [когда] меня арестовали.

А. Юдин

ГАНУ. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 12248. Л. 10—14об. Подлинник. Рукопись.

Примечания

- ¹ Районный центр Калужской области.
- ² Так в тексте, правильно: Мосальск — районный центр Калужской области.
- ³ Имеются в виду знаки различия военврача 3-го ранга.
- ⁴ Районный центр Калужской области.
- ⁵ Так в тексте, вероятно: Белев — районный центр Тульской области.
- ⁶ Село, районный центр Тульской области.
- ⁷ Село, районный центр Тульской области.
- ⁸ Районный центр Тамбовской области.
- ⁹ Инза — город, районный центр Ульяновской области.

^а Слово неразборчиво.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ. ПЕРВЫЕ ДНИ...

Из фондов Российского государственного архива
кинофото документов

60 лет отделяют нас от начала Великой Отечественной войны. Летом 1941 г. многомиллионные армии фашистской Германии, осуществляя «план Барбаросса», напали на Советский Союз. Еще в августе 1939 г. Гитлер заявлял: «В начале и в ходе войны важно не право, а победа». Немецкая стратегическая концепция подготовки и ведения войны сводилась к формуле: «Завоевать и уничтожить». По единому мнению политического и военного руководства «Третьего рейха», эта война должна была стать «войной за мировоззрение», борьбой, в которой «решится ход мировой истории».

Фотографии, публикуемые в настоящем номере «Исторического архива», хранятся в Российском государственном архиве кинофото документов (РГАКФД). Они возвращают нас к событиям первых дней войны, позволяют увидеть трагедию, которую пережили советские люди летом 1941 г. На снимках — раннее утро 22 июня на западной границе СССР, первые шаги немецко-фашистских захватчиков по советской земле, массированная бомбардировка советской территории. Высокая концентрация сил на главных направлениях вторжения позволила противнику захватить стратегическую инициативу. В «Фото летописи» отражены представители высшего командного состава вермахта — командующие группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Ф. Бок и группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт, а также командующие войсками советских фронтов: Северо-Западного — генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, Юго-Западного — генерал-полковник А. П. Кирпонос и Южного — генерал армии И. В. Тюленев.

В начале войны многим соединениям Красной Армии пришлось сражаться в окружении с численно превосходящим врагом. В этой обстановке советские воины, как правило, вели борьбу до последнего патрона. Однако, оказавшись тяжело ранеными, израсходовав все боеприпасы, они часто были бессильны продолжать сопротивление. За три недели войны сотни тысяч бойцов и командиров оказались в плену. Об этой трагической странице войны — следующая группа фотодокументов. Отношение нацистов к советским военнопленным сводилось к их беспощадному уничтожению. Условия содержания были чудовищны. Тысячи военнопленных были расстреляны или умерли от голода еще до поступления на сборные пункты.

РГАКФД располагает редкими фотосвидетельствами оккупационной политики Германии на территории СССР. Так, после захвата Литвы ее националистические силы во главе с «Фронтом литовских активистов» использовались в карательных операциях против евреев. Действовала система экономической эксплуатации еврейского населения, принудительно помещенного в гетто и лагеря.

Несмотря на временные неудачи, огромные человеческие и материальные потери, советская армия выдержала яростный натиск противника. Захватчики встречали все более упорное сопротивление, возрастали их потери. Росло боевое мастерство советских войск. Из глубины страны выдвигались резервные формирования, шли эшелоны с техникой. «Все для фронта, все для Победы!» — вот лозунг, объединивший в те годы всех советских людей.

Публикацию подготовила Е. Е. КОЛОСКОВА.

Немецкие войска переходят государственную границу СССР. 22 июня 1941 г.

Преодоление линии проволочных заграждений на государственной границе СССР.
22 июня 1941 г.

Эскадрилья немецких бомбардировщиков в воздухе. Июнь 1941 г.

Бомбардировка советской территории. Июнь 1941 г.

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Ф.Бок. 1941 г.

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Г.Рундштедт. 1941 г.

Генерал-лейтенант Ф.И.Кузнецов.
В июне—июле 1941 г.
командующий Северо-Западным
фронтом. 1941 г.
Авт. В.Лупейко

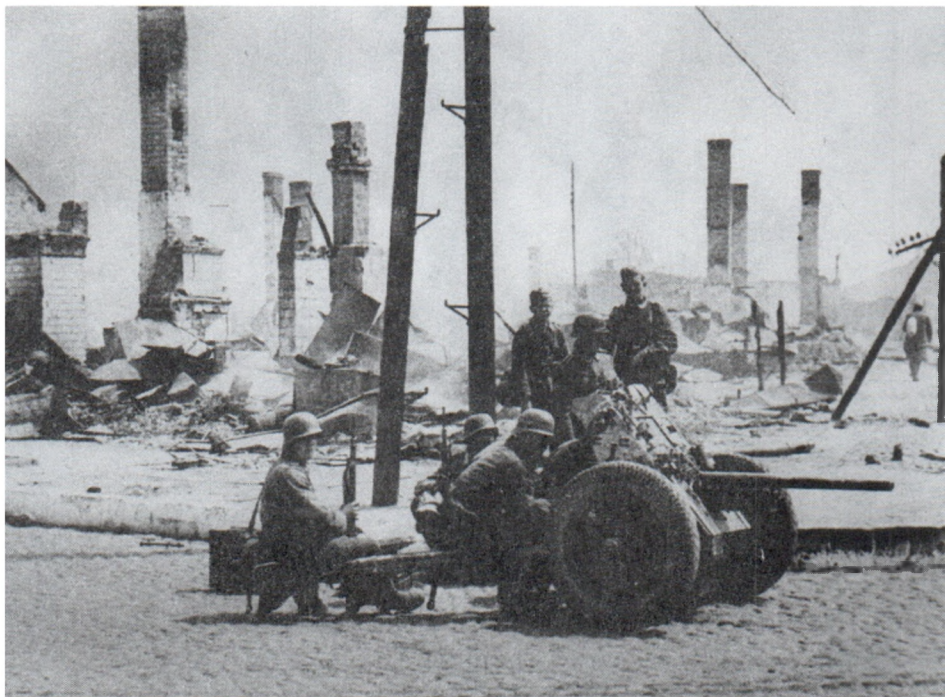
Генерал-полковник М.И.Кирпонос, Маршал Советского Союза Г.И.Кулик
и генерал армии И.В.Тюленев. 1941 г. *Авт. Ф.Кислов*

Расчет немецкого противотанкового орудия. Район Бреста. Июнь 1941 г.

Расчет немецкого зенитного пулемета «М-634». Июнь 1941 г.

Немецкий артиллерийский расчет на одной из улиц г. Гродно. Июнь 1941 г.

Немецкая мотопехота в одном из занятых городов Литвы. Июнь 1941 г.

Захват советской деревни. Украина. Июнь 1941 г.

Немецкие солдаты перед атакой. Июнь 1941 г.

Советская позиция после боя. Июнь 1941 г.

Линия обороны реки Дон. Лето 1941 г. Авт. С.Струнников

Экипаж советского танка, захваченный в плен. Июнь 1941 г.

Советские военнопленные. Июнь 1941 г.

Лагерь советских военнопленных, попавших в окружение под Уманью. Лето 1941 г.

Пленный советский солдат. Лето 1941 г.

В одном из хуторов, оккупированном немцами. Украина. Июнь 1941 г.

Беженцы, покидающие район боевых действий. Июнь 1941 г.

Колонна женщин-евреек конвоируется в гетто. Литва. Июнь 1941 г.

Еврейское население г. Могилева на принудительных работах по расчистке города. Лето 1941 г.

В военкомате в первый день войны. Москва. 22 июня 1941 г.
Авт. М.Марков-Гринберг

Выдача стрелкового оружия
в истребительном батальоне.
Украина. Июль 1941 г.

Отправка на фронт эшелона
с танками. Москва. Июль 1941 г.
Авт. А. Шайхет

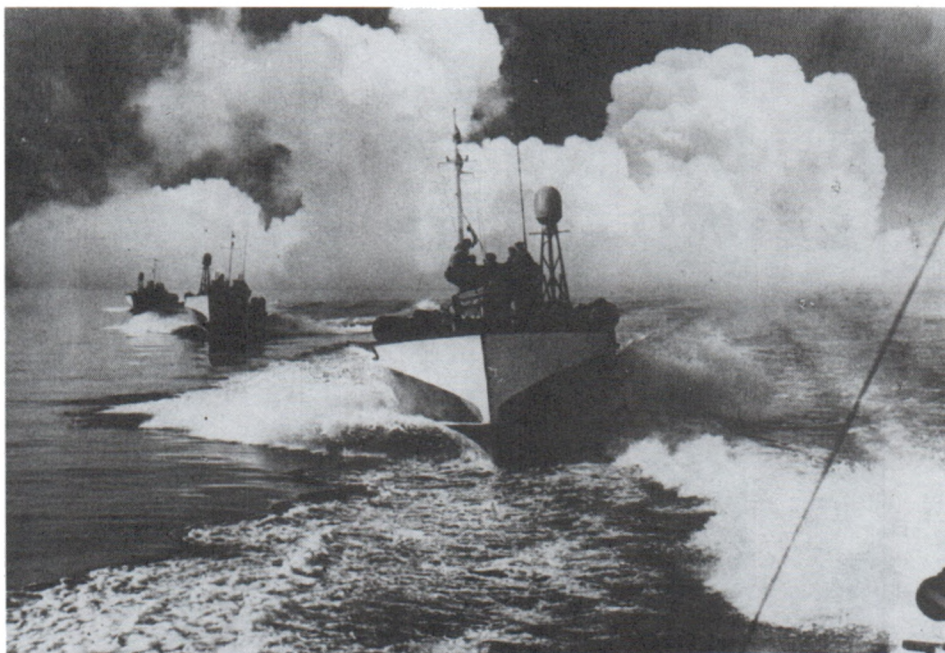
Проводы на фронт.
Москва. Июль 1941 г.
Авт. Д. Чернов

Советские бомбардировщики в небе. Лето 1941 г. Авт. Д.Чернов

Батарея противотанковых орудий ведет огонь по противнику.
Июль 1941 г. Авт. Г.Петрусов

Советские торпедные катера выходят на выполнение боевого задания.
Балтийский флот. Июль 1941 г. *Авт. А.Межуев*

Разгрузка боеприпасов на передовой. Июль 1941 г.

Атака. Южный фронт. Июль 1941 г. *Авт. М.Альперт*

Расчет корабельного орудия «Канэ» на берегу.
Балтийский флот. Июль 1941 г. *Авт. Е.Халдей*

«У МЕНЯ ОДНА НАДЕЖДА НА ТЕБЯ»

Последние письма Н.И.Бухарина И.В.Сталину.
1935—1937 гг.

Публикуемые письма Н.И.Бухарина И.В.Сталину недавно были переданы, в числе других документов личного фонда Сталина (ф. 558), в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Николай Иванович Бухарин (1888—1938) — яркая, сложная фигура отечественной политической истории первой половины XX в. Основные вехи его биографии: член партии большевиков с 1906 г.; член ЦК в 1917—1934 гг.; кандидат в члены ЦК в 1934—1937 гг.; ответственный редактор газеты «Известия ЦИК СССР». В течение полувека советская историография тенденциозно, в русле официальной точки зрения, излагала жизнь и деятельность Бухарина, объявленного в 1938 г. «врагом партии и народа». На рубеже 80—90-х гг. прошлого столетия было опубликовано немало книг и статей, авторы которых давали разноречивые оценки действиям жертвы сталинских репрессий¹.

В эпистолярном наследии Бухарина письма Сталину («дорогому Кобе»), написанные в последние годы жизни Николая Ивановича, занимают особое место. В это время — до 16 января 1937 г. — он занимал должность ответственного редактора «Известий». Поэтому многие письменные обращения к Сталину (они написаны на соответствующем бланке) затрагивают различные редакционные проблемы, которые в силу все более нагнетавшейся вокруг Бухарина обстановки травли и враждебности мог решать только Хозяин. Это касается и разрешения на выпуск газеты в увеличенном объеме (док. №№ 1, 5), и кадровых вопросов (док. № 2), и публикации тех или иных материалов советских и зарубежных авторов (док. №№ 3, 9), и «ночных бдений» (обычная практика тех лет) ответственного редактора (док. № 2), и политического преследования сотрудников редакции (док. №№ 7, 16).

Будучи в составе советской делегации, направленной по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) в европейские страны для приобретения документов К.Маркса и Ф.Энгельса, Бухарин не только собственноручно писал отчеты о результатах командировки Сталину и В.М.Молотову, но и посылал «Кобе» письма лично от себя, в которых делился впечатлениями о политической ситуации в Германии, Австрии, Чехословакии, Франции, Англии, Голландии, Бельгии, Дании (док. №№ 11, 12).

Полны драматизма наблюдения, сделанные Бухариным во время его отпускных поездок по Советскому Союзу. Николая Ивановича возмущает, что в Чирчике не строится азотный завод, поскольку не выделены деньги (док. № 14), что на Памире плохо обстоит дело со снабжением (док. № 15). Из другого отпуска Бухарин посылает Сталину пространное письмо (15 октября 1935 г.), в котором с горечью и

¹ См.: Предисловие // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. III—XII; Горелов И.Е. Николай Бухарин. М., 1988; Амлинский В. «На заброшенных гробницах...» // Возвращенные имена. Кн. 1. М., 1989. С. 9—53; Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. М., 1989; Леонов С.Л. Предисловие // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 5—35 и др.

болью пишет о крайне тяжелом положении населения Ойротии (Алтайского края): кооператоры работают из рук вон плохо, «завоз товаров мал до чрезвычайности... много еще нищеты, алкоголизм, болезни, очень слабая культурно-массовая работа», «остатки русского шовинизма, нац[иональный] антагонизм». В Сибири Бухарина поражают «гибель лесов от пожарниц», огромное обмеление рек из-за «хищнического истребления лесов» в их верховьях («у Новосибирска Обь... можно перейти вброд (по колено!!!). И это — великая река Сибири!»². В том же письме Бухарин жалуется, что «откуда-то из нижних звеньев аппарата ЦК» (имелось в виду руководство Агитпропа) его начали «потихоньку клевать», «обстреливая» руководимые им и находившиеся в Ленинграде Институт истории науки и техники и журнал «Архив истории науки и техники»³. Об этом же пишет Бухарин Сталину восемь месяцев спустя, 8 июня 1936 г. Нельзя не обратить внимания на жесткий тон приложения к этому письму — в письме Г.М.Кржижановскому и Н.П.Горбунову, явно выполнявших указания верхушки ЦК, Бухарин резко протестует против закрытия Института истории науки и техники (док. № 13).

В письмах за период с сентября 1936 г. по февраль 1937 г. речь идет о неоднократно выдвигавшихся против Бухарина обвинениях в «террористической деятельности». Для лучшего понимания атмосферы той поры следует напомнить о некоторых исторических событиях.

19 августа 1936 г. в Москве начался процесс «Зиновьев—Каменев», все 16 обвиняемых которого были приговорены к расстрелу. Многие из них дали показания о причастности Бухарина, Н.И.Рыкова, М.П.Томского к якобы совершенным «контрреволюционным преступлениям». 21 августа прокурор СССР А.Я.Вышинский объявил о начале следствия по делу Бухарина и других лиц, скомпрометированных показаниями подсудимых на зиновьевском процессе. Однако 10 сентября «Правда» сообщила, что прокуратура прекратила следствие по делу Бухарина—Рыкова и закрыла дело.

22 декабря 1936 г. и 17 января 1937 г. в парижском журнале «Социалистический вестник» вышли написанные меньшевиком Борисом Николаевским статьи «Как подготавливался московский процесс (Из письма старого большевика)». Как позднее пояснил сам Николаевский, он подготовил этот материал на основе своих бесед с Бухариным в марте—апреле 1936 г. и дополнил их сведениями, полученными от других лиц. По оценке американского историка Стивена Коэна, «нет сомнения в том, что Бухарин в той или иной форме имел отношение к этому документу»⁴. Можно представить себе реакцию Сталина на эту публикацию, в которой содержались, в частности, такие факты о прекращении «дела Бухарина—Рыкова», которые были известны лишь узкому кругу лиц. Видимо, вновь проявилась подмеченная венгерским историком Миклошем Куном «всегдашняя бухаринская двойственность»⁵. Так или иначе, медвежья услуга Николаевского подлила масла в огонь репрессий, предоставив Сталину еще один важный аргумент против Бухарина.

До ареста Бухарина оставались считанные недели. Февральско-мартовский 1937 г. пленум ЦК поставил точку в его судьбе. Созданная пленумом комиссия приняла предложение Сталина: исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из рядов партии и передать их дело в НКВД. Год спустя, в марте 1938 г., в Москве начался очередной сфабрикованный процесс по делу

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 45.

³ Там же. Л. 45—45об.

⁴ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988. С. 517, 524.

⁵ Кун М. Бухарин. Его друзья и враги. М., 1992. С. 130.

«антисоветского правотроцкистского блока», закончившийся казнью Бухарина, Рыкова и почти всех подсудимых.

Последние письма Бухарина Сталину, свидетельствующие о характере взаимоотношений между ними в 1935—1937 гг., представляют несомненный интерес, они могут быть полезны как для историков, так и для психологов.

Письма публикуются по правилам современной орфографии с сохранением стилистических особенностей оригиналов. Слова, подчеркнутые Бухариным, выделены курсивом. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Даты ряда писем (док. №№ 2, 5, 8, 10, 11, 15) определены по их содержанию.

Публикацию подготовили доктор исторических наук Г. М. АДИБЕКОВ и кандидат исторических наук К. М. АНДЕРСОН.

№ 1

Тов. И. В. Сталину

8 февраля 1935 г.

Дорогой Коба.

Очень прошу для *Колхозного Съезда* дать нам минимум *три* вклады¹. Обращаюсь непосредственно к тебе по совету тт. Молотова² и Калинина³, с коими я говорил о сем предмете.

Твой Н. Бухарин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 3. Подлинник. Рукопись.

№ 2

[Февраль 1935 г.]

Дорогой Коба.

Пишу тебе личное письмо по редакционным делам, узнав, что Радек⁴ написал тебе о моих ночных сиденьях в редакции. Я действительно последнее время сидел до 7—8 часов утра, но все это — пустяки. Меня беспокоит другое:

1) мы *ничего*, ровно *ничего*, не получили из наследства «Правды», ни техники, ни помещений; между тем, техника у нас *крайне* слабая;

2) мы *ничего* не получили (нам отказали в ряде инстанций) на *капитальное строительство* (а нам оно было ранее запрещено потому, что мы «получим наследство “Правды”»);

3) мы утеснены до последнего с бумагой;

4) не совсем благополучно обстоит дело с аппаратом (о чем ниже), причем, когда Оргбюро постановило укрепить его, я даже не вызывался и не получил выписки;

5) слаба наша позиция в ЦК: я, напр[имер], *не знаю*, когда будет ПБ (прихожу, когда узнаю случайно), матерьялов не получаю, повестки простой — тоже.

В связи с этим я просил бы тебя:

1) разрешить нам для опыта сверстать и выпустить пробный № газеты, сложенной *вдвое* (т.е. из 4 наших полос сделать 8, уменьшив размеры статей, и давая более дробный матерьял): сделать несколько №№, только для ЦК и для редакции, чтоб посмотреть, как это выйдет. Нам нужно при 4 страницах *изворачиваться*. Разумеется, на сторону эти номера не пойдут;

2) в Культпропе я договорился насчет ряда работников. Но у меня есть разногласия по одному пункту: они хотят отнять у нас (после того, как ПБ взяло Гнедина⁵ на Берлин) отв[етственного] секретаря *Ляма*⁶ (ибо он — кандидат [в члены партии], хотя 10 лет работал в «Известиях»). Закулисная сторона дела — та, что его сманивает *Мехлис*⁷. Я *прошу его оставить и воспретить ему уходить из «Известий»* (его внутренний мотив — он боится, что мое, Бухарина, положение, неизвестно, и что его будут «бить»).

3) Я бы просил тебя дать нам *одного* высококвалифицированного газетчика, который мог бы войти в редакционную коллегию и *работать*. Я могу назвать *Богушевского*⁸ (для укрепления экономического фронта) (я только точно не знаю, как он выйдет из «З[а]И[н]дустриализацию»). Если против него нет каких-либо полит[ических] соображений, он очень бы нам подошел. *Стецкий*⁹ дает *Пашуканиса*¹⁰, я на него согласился, но он — ты хорошо знаешь — не газетный работник, одержим вечно страхом и *скучен*, что в газете — отнюдь не добродетель.

4) Я бы просил — это *страшно важно* — какого-нибудь, хотя бы малюсенького, одобрения газете. После последней штуки с Молотовым — Молоковым¹¹, выговора мне и ареста одного сотрудника (его взяли чуть ли на заседании фабкома); после того, как я сказал, что ты меня «обругал» за роскошную жизнь и клише, есть замешательство. (На съезде все меня спрашивали: «Почему арест? Что у себя развел?» Ползут всякие слухи). Мне нужно только одно: чтоб я мог сказать: «А все-таки тов. Сталин говорит, что газета не такая плохая». Или что-либо в этом роде. Тебе, б[ыть] м[ожет], это кажется смешно, я мне без этого — не житье!

5) Я бы просил твоего распоряжения т. Поскребышеву¹², чтоб мне послышалась хотя бы простая повестка засед[аний] ПБ и извещение, когда открытие его заседаний будет.

6) Я бы просил о твоём вмешательстве в матерьяльную сторону дела: *или* — наследство «Правды», *или* — ассигновки на строительство.

Гнедина из инотдела у меня забрали, не известив; Раевский¹³ должен уйти (я по особым причинам — не возражаю); а теперь Мехлис забирает — через Селиха¹⁴ — *Ляма* (который хитро намекает на несогласие с линией газеты и т.д.). Очень прошу воспретить переход. Мехлис *сильнее* Стецкого и напористее; он не остановится ни перед чем.

Твой Бухарин

Я обращаюсь к тебе, так как никто, кроме тебя, не берется со мной разговаривать — и *только* этим объясняется, почему я вынужден тебе часто докучать.

№ 3

17 февраля 1935 г.

Дорогой Коба.

«Известия» должны занять позицию по отношению к ответу Германии и связанным с этим вопросам. Тов. Литвинов¹⁵ требует прямой атаки английского правительства в целом и персонально Макдональда¹⁶. Радеком была написана статья с атакой твердолобых и их представителей в правительстве.

Я считал невозможным без указания ЦК занять здесь позицию атаки всего англоправительства в виду большого внешнеполитического значения вопроса.

Прошу твоих соответствующих указаний.

Твой Н.Бухарин

Р.С. Прилагаю: а) статью Радека¹⁷,
в) записку Литвинова¹⁸.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 6. Подлинник. Рукопись.

№ 4

Тов. Сталину

20 июля 1935 г.

Дорогой Коба.

Посылаю тебе копию с части письма Эренбурга¹⁹, где дается интимная информация о работе международного писательского Конгресса. В конце он очень жалуется и просит освободить его от нагрузки по организации писателей в виду того положения, в которое он, по его словам, поставлен. Письмо, на мой взгляд, представляет интерес для тебя, поэтому я его пересылаю^а.

Твой Н.Бухарин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 24. Подлинник. Рукопись.

№ 5

Тов. И.В.Сталину

[Ранее 5 ноября 1935 г.]

Дорогой Коба.

Горячо прошу, по примеру прошлых лет, разрешить нам выход «Известий» вместо 6-го — 7-го в *сдвоенном* размере (а 6-го не выходить)²⁰.

^а На тексте письма имеется помета: «т. Кагановичу. Обратите внимание на приложенные документы и не давайте нашим коммунистам доконать Эренбурга. И.Сталин».

М У
 ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
 ГАЗЕТЫ
 „ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР и ВЦИК“
 Н. И. БУХАРИН
 Адрес: Москва, Страстная площ.,
 пр. им. Скворцова-Степанова, 5.
 ТЕЛЕФОН 4-22-44.

24
 Тов. Сталину.

Дорогой Коля,
 Пошлю тебе копию с твоей писемки
 Эренбурга, где дается инициальная
 информация о работе международ-
 ного писательского Конгресса. В конце
 он очень малюет и просит освободить
 его от ~~этой~~ нагрузки по организации
 писателей в виду того положения,
 в которое он, по его мнению, поставлен
 Лисово, на мой взгляд, предвзят и
 интерес для тебя поэтому я
 пересылаю

М. Каганович
 Обращаю внимание на то, что
 не надо забывать и не забыть
 те наши коммунисты
 которые в Эренбурге
 И. Г. Минин

✓
 649/9 VIII 35.

Вручена 25 авг
 в Канцелярии 26/8/35.

Автограф письма Н.И.Бухарина И.В.Сталину от 9 августа 1935 г.

2. XII. 35 ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
 ГАЗЕТЫ
 „ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР И ЦИК“
 Н. И. БУХАРИН
 Адрес: Москва, Страстная площ.,
 пр. им. Скворцова-Стеланова, 5.
 ТЕЛЕФОН 4 22-44.

№ 8 ИМ Сталину 48

Дорогой Коба!

Я был в Большом сматении, когда
 ты меня разкосил за Френбург. Ты, между про-
 тими, скавал, что я - де - мало добато в редакции.
 Между тем я добато отменно, я последнее
 время уходил, прогнавши всю ночь (т.е. до
 7-8 часов утра!). Последние дни я, действи-
 тельно, не был в Москве. Мне было поручено
 в три дня написать брошюру о Калинин (из
 них один пропал из-за юбилейных торжеств). Я
 два дня и две ночи (до 4 часов утра) ее писал
 в Морозовки (и не был в это время в редакции)
 Послать тебе только что идеальную брошю-
 ру, как независимое доказательство.
 Ибо тебе, очевидно, искомбинирую такие
 мои друзья, которые в тем-ро особливо
самостоятельно.

Я тебе пишу открыто и прямо, ты не
 сердись. Если ты считаешь, что я слишком
 жесток и что я не так себя веду по отноше-
 нию к тебе, скажи мне об этом.

Твой Н.И.Бухарин

Тип. «Изв. ЦИК». Звук. 797. Тираж. 200х100 Л.

Позволяю себе тебя тревожить этим, так как боюсь, что может случайно быть вынесено какое-либо другое решение. А мы всегда загодя из кожи лезем вон, чтобы выпустить действительно *праздничный* номер.

Привет!

Твой Н. Бухарин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 46. Подлинник. Рукопись.

№ 6

Тов. И. В. Сталину

2 декабря 1935 г.

Дорогой Коба!

Я был в большом смятении, когда ты меня разносил за Эренбурга. Ты, между прочим, сказал, что я-де мало бываю в редакции.

Между тем, я бываю ежедневно, а последнее время уходил, просидевши всю ночь (т.е. до 7—8 часов утра!). *2 последние* дня я, действительно, не был в Москве. Мне было поручено *в три дня* написать брошюру о Калининe (из них один пропал из-за юбилейных торжеств). Я два дня и две ночи (до 4 часов утра) ее писал в Морозовке (и не был в это время в редакции). Посылаю тебе только что сделанную брошюру, как *вещественное доказательство*²¹. *Ибо тебя, очевидно, информируют такие мои «друзья», которые в чем-то особенно заинтересованы.*

Я тебе пишу открыто и прямо, ты не сердись. Если ты считаешь, что я «фамильярничаю» и что я не так себя веду по отношению к тебе, скажи мне об этом^a.

Твой Н. Бухарин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 48. Подлинник. Рукопись.

№ 7

13 января 1936 г.

**Только лично
Секретно**

Дорогой Коба.

Пишу тебе по совершенно исключительному поводу. В связи с проверкой партдокументов тов. *Юрков*²² от имени МК вызвал ряд наших работников, недавно прошедших проверку партдокументов (некоторых вызвали вчера в 12 часов ночи, велел бросить работу). Вызвали, между прочим, мою старую секретаршу (техническую) *Короткову*²³, члена партии с 1919 г., была долго на секретной службе. Она — совсем особый тип: буквально святая, безобидная, тихая, готовая умереть за партию без

^a На тексте имеется помета: «Чудак. Ст[алин]».

жеста, страшно стеснительная, до болезненности скромная; она неспособна ни к каким выступлениям — ты, конечно, знаешь такой тип людей. Она — когда была правая оппозиция — никаким боком не имела к ней отношения, вообще не имела связей ни с какими такими делами, правда, вероятно, жалела меня, как человека, но дороже всего была для нее партия, ее единство и т.д.

Теперь перед ней ставят вопрос, что она-де (не только в 1928 году, но и раньше, и позднее) не проявляла активности и хотят ее *выбросить из рядов партии!!* Меня даже не спросили *ни слова*. Зато ей задавали очень странные вопросы: где я храню документы Политбюро; почему у нас в «Известиях» много^а людей с выговорами; кто их принимает и т.д. — все это с уклоном в сторону вопросов обо *мне*. Одного товарища, работавшего *до меня* в «Известиях» в течение *неск[ольких] лет*, усиленно допытывали, не я ли его взял на работу (он когда-то один раз выступил в профсоюзных вопросах на стороне Томского²⁴ и голосовал за него на известном съезде профсоюзов). Во всей парторганизации у нас создают опять атмосферу, что это чумной очаг, потому что я здесь. Муссируется снова «мысль», что я кого-то и для особых таинственных целей «подбираю». Точно я на веки вечные поднадзорный, на коем висит вывеска: «Не подходите, я заразитель проказой». Опять ставят вопрос о Ляме (*втихую!*), о чем я тебе давно писал, и что я провел тогда через ЦК. Но главное — это новая волна недоверия и подозрений, пущенная в парторганизацию.

Я очень прошу: 1) *не допустить избиения Коротковой*, 2) *заставить прекратить допросы обо мне через моих подчиненных*; если райкому или МК интересно что-либо знать обо мне, то пусть лучше допрашивают меня, хотя доколе же будет это недоверие? Поэтому 3) *нельзя ли им сказать, что такие допросы уже стали неприличны?*

Прошу простить за взволнованный тон и сбивчивость письма^б.

Твой Н.Бухарин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 78—78об. Подлинник. Рукопись.

№ 8

Тов. И.В.Сталину

[Ранее 24 января 1936 г.]

Дорогой Коба!

На комиссии Жданова²⁶ мне поручили срочно написать две статьи для исторической вкладки:

- (1) передовицу (историческую) для «Известий»,
- (2) статью о Покровском²⁷.

^а Далее Бухарин зачеркнул: «по мнению Юр[кова]».

^б На тексте первой страницы письма имеется помета карандашом: «Все сделал. Бухарин больше не жалуется. Ежов²⁵».

Последнему я учинил страшный погром. Я очень прошу тебя прочитать эту статью, ибо я поставил все вопросы и теоретически, и *очень остро*. Я два дня, не разгибая спины, читал Покровского, удивлялся и писал по горячим следам.

Статью я послал в Ленинград т. Жданову, причем написал, что я еще не отшлифовал ее. Тебе посылаю ночью (сейчас 4.20 утра), чтобы не терять времени, т.к. т. Жданов предполагал выпустить страницу по истории 24 янв[аря].

Большой тебе привет. Прочитав «Покровские» фокусы, я еще раз убедился, как глубоко ты прав при повороте руля на «историческом фронте»^а.

Твой Н.Бухарин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 90. Подлинник. Рукопись.

№ 9

26/27 января 1936 г.

Дорогой Коба!

Ромэн Роллан прислал мне статью, которую я хотел поместить 29[-го] в день его юбилея²⁸. В виду того, однако, что она — сугубо политическая (союз Франции, Англии и СССР), прошу твоих указаний (можно ли поместить; если да — то с оговоркой или без; если с оговоркой, то какой).

Большой привет!^б

Твой Н.Бухарин

P.S. Прошу, чтобы т. Поскребышев нам позвонил (дубликаты перевода статьи у меня имеются).

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 79. Подлинник. Рукопись.

№ 10

Тов. И.В.Сталину

[Позднее 10 февраля 1936 г.]

(Очень прошу прочесть все письмо!)

Дорогой Коба.

Вернувшись из Ленинграда, я был просто ошарашен и оглушен статьей в «Правде» против меня²⁹. Я, ведь, просил сделать *какие угодно поправки*: ведь я ни на йоту не хотел каких бы то ни было разногласий или «оттенков». Я понимаю хорошо, что ты ведешь огромную большую

^а В левом верхнем углу письма имеется помета карандашом: «В мой арх[ив]. И.Сталин».

^б На тексте письма имеется помета карандашом: «Арх[ив]. П[оскребышев]».

политику, готовишь страну и к военной победе, хочешь опереться на все достойное — в том числе и на великие национальные традиции. Поэтому особенно тебя резанула «нация Обломовых». Я же, как объяснял, хотел особо подчеркнуть и национально-освободительную роль большевизма и рабочего класса. Нехорошо сделал. Но я просил меня *поправить не так, чтоб проводить через строй перед всей страной*. Ты не представляешь, до чего глупо бывает, когда приходится страдать из-за «разногласий», *которых нет*. Неужели ты не можешь мне поверить, что вот уже много лет я без твое сомнений провожу партийную линию на все 100%?

Я посылаю тебе проект заметки в «Известиях»³⁰. Я очень прошу исправить ее так, как нужно. Я очень прошу на *этом покончить* (ведь, кажется, даже «Пищевая индустрия» уже успела меня проработать!). В «Правде» было 2 заметки в передовой — я по наивности думал, что все. Ибо *в положительной* форме я все сказал в статье о Добролюбове³¹. Тов. Молотов сказал мне два слова, что я не так написал ответ, а я ему сказал, что раз уж меня обругали, то вопрос исчерпан. Я был в полной уверенности, что это так, и даже сказал об этом Жданову в Ленинграде. И вдруг такая история!

Так как такие истории проходят через тебя, то меня начинают обуревать сомнения другого порядка: может, ты мной недоволен по каким-нибудь *другим причинам?* Ведь, у кое-кого могут быть мысли: *усылают за границу, дают другие поручения, может, не хотят держать в газете? Это было бы для меня громаднейшим, невероятным ударом. Но я очень прошу тебя сказать мне заранее*. Парадокс заключается в том, что у меня уже большая выслуга лет на *полной солидарности и горячей работе в упряжке* со всеми, без разногласий, колебаний и т.д., не страха ради иудейска, *не в силу внешней дисциплины, а по убеждению*. А *выходит*, что я как будто все больше отдаляюсь от центра мысли и действия: положение газеты было не хуже, а лучше через несколько месяцев после моего прихода, чем сейчас; меня не ругали открыто в газетах, как ругают сейчас; мне труднее стало говорить по-простому. Есть несколько легенд, которые мне страшно мешают жить: *будто я в душе ужасно себя возношу, напр[имер]*. Какая все это ерунда, если бы ты знал *настоящему* мою теперешнюю «душу»! Одно я знаю, что не хуже других товарищей (напр[имер], типа моего «друга» Таля³²) могу проводить политику, которой ты руководишь. Тебя-то я признал *не так*, как признает любой чиновник, который может пропеть сто акафистов, а *настоящему*, целиком, *по-большому*. И это уже давным-давно. Но вот проклятие 1928/9 года надо мной тяготеет до сих пор. Я не скрываю: как просто — *попугай*, я совсем не талантлив — прямо бревно. Но разве тебе нужны попугаи?

В Ленинграде я простудился, а здесь оглушен, и дня на два прямо слег, как пораненный и больной зверь, в берлоге: лежу на Сходне, принимаю меры по скорейшему отъезду за границу³³

Как-то недавно я тебя спросил об отношении; ты сказал: «По-прежнему». Если ты хоть на 1/100 относишься по-прежнему, то как-нибудь скажи, не ждут ли еще удары, — тогда прямо уж назначай *директором зоосада*, ей-богу!

Видишь ли, у каждого человека приходят годы, когда ему нужно подумать по-серьезному о своей дальнейшей судьбе — разумеется, не с точки зрения «уютя», а того, на что еще способен. Про меня всегда говорили: «Маленькая собачка и до старости щенок». Это отчасти и верно. Но мне хочется сделать еще *что-нибудь хорошее*. И тут я прямо должен тебе сказать: у меня одна *надежда на тебя*. Если бы не ты, уверяю тебя, меня бы загрызли давно, — в этом я ни капли не сомневаюсь. Одни бы загрызали, а другие бы со слезой смотрели — вот и все. Поэтому я и обращаюсь так часто к тебе. И прошу тебя понять, что мне нечего ни хитрить, ни надевать перед тобой какую-то маску.

Вот и все.

Так как мне очень скоро придется ехать, и нужно дня два пролежать, то я еще скажу вот о чем.

За границей ко мне, несомненно, будут приставать: с просьбами о докладах, разговорами и т.д. По правилу, я буду отказываться, но в сомнительных случаях буду запрашивать обо всех шагах. Меня уже просили (вне связи с этой поездкой) о всяких штуках (лекциях etc.) из Норвегии и из Франции. Будут говорить о всяких идеологических вещах, напр[имер], о марксистских журналах. Между прочим, по-моему, хорошо бы иметь один теоретический полновесный журнал для западноевропейской интеллигенции, идущей к нам: с теорией и ест[ественных] и общ[ественных] наук, с ответами на философские, научные, общекультурные вопросы, вопросы искусства, а также техники и *политики*, с большим размахом.

Обо всем буду с дороги писать.

Еще раз: горячо прошу покончить с Обломовым, *отрезать*^а.

Твой Бухарин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 91—93об. Подлинник. Рукопись.

№ 11

[Март 1936 г.]

Секретно

Дорогой Коба!

Мы совместно, с этой же почтой, посылаем письмо на твое и Молотова имя, с отчетом о том, что мы сделали до сих пор, и что намереваемся сделать по порученному нам делу.

Здесь хочу написать несколько слов по другим делам — может, пригодится, хотя теперь уже многое изменилось.

Берлин (на основе впечатлений, расспросов, газет). С виду более грязен, чем раньше. Однако, отчасти это стоит в связи с большими стройками. В основе «продовольственных затруднений», по-видимому, *две вещи*:

^а На первой странице текста письма имеется помета: «Большой ребенок. И.Ст[алин]».

1) превращение сырых средств продов[ольствия] в консервы и их натуральное накопление *для войны*, 2) *саботаж* со стороны мужика. По-видимому, нет оснований преувеличивать расхождение между рейхсвером и Гитлером³⁴. «Католический» фронт серьезнее. Исключительно велика ставка на молодежь по всему фронту, очень ловкая и умелая работа здесь. «Внутренняя колонизация», прикрепление кадровых рабочих крохотными дачками и парцеллами, огромное количество организаций, построенных на военный образец — вплоть до быта, «филантропий», спорта, многочисленных «форм» (мундиров), иерархии повсюду, с искусным использованием всевозможнейших подачек — все это оказывает свое влияние.

Никак нельзя недооценивать расовой идеологии. Ее логическая несостоятельность это — одно. Но она вдолблена в мозги настолько, что (это уже *пражские* впечатления) даже наша [коммунистическая] молодежь мыслит и выражается уже в терминах новых («народная общность», «расовая женщина», «товарищ по народности» и т.д.). Гитлеристы приучили отвыкать от мышления и довольствоваться короткими лозунгами, эмоцией и т.д.

Я пишу об этом потому, что и наша, и с[оциал]-д[емократическая] литература (в том числе и *зарубежная*) ведет работу на основе километренных резолюций старого образца, со старым языком и т.д. Нет ни одной брошюры против *расовой теории*, ни одной брошюры о *фашистском государстве*, и очень слабо о *конкретных новых* вещах. Мне кажется, тут нужен *крутой перелом*.

Эмиграция немецкая (в Праге, в Париже) *голодает*. Есть случаи, например, когда один израненный рабочий, многожды^a переходивший границы, умирает с голоду. Положение настолько более ужасно по сравнению с нашими былыми временами, насколько концлагери Гитлера свирепее наших царских ссылок...

Наши *совустройства* в Берлине страшно изолированы. Культурные или культурно-политические связи почти немислимы: радикальная интеллигенция боится, евреи дрожат и т.д. Есть один канал, это — хозяйственники. Парадоксально, но факт, что пресса Шахта³⁵ (когда я был в Праге) кокетничала с СССР, а в «Deutsche Briefe» (орган тяжелой промышленности) было написано однажды (я видел цитаты *сам* в одной немецкой, выходящей в Праге, газете), что необходим возврат к *Ranallo*³⁶!! Теперь об этом писать, может быть, и поздно, но я, на всякий случай, упоминаю и об этом.

Мне казалось, что это единственный «советский» канал, и по этой линии (если все не поздно) нужно было бы «стучаться».

Прага. Опасность положения, которую, быть может, недооценивают правящие группы в Чехии, это — «судетско-немецкий народ». Там за фашистами-гитлеровцами — большинство. Чехи ни черта не сделали, чтоб на деле оторвать что-либо на свою сторону. Наоборот, они «чехизировали» все время область, где много и промышленных рабочих,

^a Так в тексте.

где — немецкий капитал, где безработица *вдвое* больше, чем в других областях Чехословакии etc. В результате (нужно, конечно, принять во внимание и пограничный характер области), если Гитлер пошлет туда дивизию, эта последняя обратит в две секунды: это — ирредента^а готовая. Ведут себя фашисты, как хозяева. Положение Бенеша³⁷ не из легких, т.к. мин[истра] внутр[енних] дел и обороны — в руках аграриев, только-только из мин[истерства] инодел выперли Гонджу³⁸, который тащит за собой католиков-словаков (сволочей из сволочей, каждодневно против нас выступающих). Вместо того, чтобы использовать большую (в том числе и демократическую) немецкую эмиграцию против фашистов, они ее мало-мало душат...

Из вопросов советских стоят вопросы, между прочим, без ответов:

- 1) о воздушной трассе Москва—Прага,
- 2) о речной системе и транспорте наших грузов по ней через Юг.

Делать здесь можно *много*.

В *Вене* я был всегда одну ночь, там не с кем было говорить ни с какой точки зрения. Наш полпред там, по-моему, несерьезен. В Праге я видел О[тто] Б[ауэра]³⁹ который, как и *Леон Блум*⁴⁰, очень обеспокоены, как они говорят, поворотом в тактике ком[мунист]ов. Я *уклонился от разговора на эту тему*, ссылаясь, что я совершенно в стороне от всех этих дел. Формула О[тто] Б[ауэра] была такая: «Мы, действительные сторонники ближайшего сотрудничества с к-[оммуни]стами, боимся, что есть ревизия решений VII конгр[есса Коминтерна]⁴¹ Почему?» etc. (Разговаривал я не один, а с А[росевым]).

О французских и общемиждународных делах не пишу, т.к. здесь я знаю лишь то, что знают и другие. Через час я и Адоратский едем в Копенгаген, причем, вероятно, из Амстердама нам придется *лететь*. Я заранее прошу не ставить мне этого в вину. Николаевой^б (архивариус II Инт[ер]национала)⁴² не может ехать через Германию, нам следует быть все же вместе, тем более, что в Амстердаме я хочу понюхать Postumus'⁴³, и что у него есть. Другой путь — через Лондон — слишком длинен и дорог.

Здесь «*народ*» в войну не верит, хотя иногда и звучат сирены. На улицах спокойно. В кино показывают немецкие штуки (занятие зоны, демонстр[ация] в Берлине), но предупреждают, что если будут бурные реакции, то сеанс прекращается. Реакций оных нет. Более продажных типов, чем здесь, не найти, пожалуй, нигде.

Горячо жму твою руку. Знаешь, видел здесь «Чапаева»⁴⁴ (его для французов попортили наши дураки, в особенности глупы переводы диа-

^а Ирредента — от итал. irredento — неосвобожденный. Бухарин имеет в виду стремление Германии захватить («освободить») чехословацкие земли, населенные немцами (по аналогии с ирредентизмом — общественно-политическим движением в Италии в конце XIX — начале XX вв. за присоединение к Италии пограничных земель Австро-Венгрии с итальянским населением).

^б В тексте опечатка, имеется в виду Б.И. Николаевский.

логов, надписи) — тут, отсюда, еще виднее, что такое мы, СССР, *sub specie historiae*^a.

До свиданья. Будь здоров — главное. Так все набухает, что всякому видно, как ты теперь нужен — может быть, как никогда, дорогой наш!

Твой Николай

P.S. Прилагаю забавную газету⁴⁵. На обороте!!

Позабыл написать, что здесь, в Париже, состоялся *съезд троцкистов*, но пока у меня информации нет. Если получу, напишу^b.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 101—104. Подлинник. Машинопись.

№ 12

2 апреля 1936 г.

Весьма секретно

Дорогой Коба.

Пользуюсь оказией и с Л.⁴⁶ пересылаю настоящее письмо.

Наше дело в таком положении. Мы вручили письмо с предложением 7 м. «Они» ахнули (до того мала им кажется сумма) и обсуждают сейчас вопрос, что им делать: рвать или не рвать, сколько уступать, если уступать и т.д. Мы ждем. Вот и все. Но я хотел написать о другом, заранее оговариваясь, что б[ыть] м[ожет], лезу не в свое дело.

Я не знаю, как тебя информируют о настроениях здесь. Напр[имер], в «Правде» и в «Изв[естиях]» картина такая, что наши внешнеполит[ические] выступления вызывают огромное сочувствие и т.д. (Я читаю ежедневно большое количество газет, и ко мне приходят разные люди). Так вот: даже *французская* пресса, нам «близкая», трактует сношения с нами, как полусекретную болезнь. Характерно, что, например, многие газеты (в том числе «Эвр») в интервью Молотова с Шастене *опустили* внешнеполит[ическую] часть, а на 6-й (или вроде того) странице поместили о демократии (в «Эвр», если не ошибаюсь, с подзаголовком «Russie s'évolue», т.е. «Россия эволюционирует»). Мы отнюдь не стояли на первых страницах газет во все время «риббентропиады». Даже в «Юманите» в статье Кашена⁴⁷ была выпущена фраза Молот[ова] о нашей готовности выполнить обязательства etc. До того сильна здесь боязнь войны, силен обывательский массовый панифизм: «все, только не война». На *данной* стадии «массовой психологии» это — основное, глубокое, нутряное. «Ну и что же, немцы заняли *свою* территорию», — вот как рассуждают многие, в том числе и масса левых. Недаром в некоторых кинематографах Парижа (!) часть публики аплодировала (!!), когда показывали вхождение немецких войск. Разумеется, это не типично, но одна такая *возможность* — симптом.

^a Под взглядом истории (лат.).

^b На первой странице письма имеются пометы: «Письмо т. Бухарина» (видимо, рукой Поскребышева), «Т. Молотову. Ст[алин]», «Читал. Молотов».

В организ[ационных] понятиях: штаб хорохорился — теперь заявляют, что они — пацифисты; социалисты, за исключением левых, — против санкций и т.д.; половина радикалов (Эррио⁴⁸) — против, все правые — против.

Нас изображают, как единственную силу, толкающую на крайние меры, на войну. С другой стороны, широким слоям обывателей импонируют, безусловно, предложения Гитлера о 25 годах или о вечном мире и т.д.

В Англии, по газетам судя, все эти настроения (и в особенности у лейбористов) еще более крепки.

В Голландии, Бельгии, Дании, где я был, — они тоже *решают*. В Бельгии, к тому же, фламандцы открыто симпатизируют немцам. В Копенгагене я уклонился от всяких встреч, за мной прямо бегали. Я был только у одного человека, крупнейшего физика Нильса Бора⁴⁹, отказать которому было нельзя. Это — сверхмировая величина, нам очень сочувствует, был в СССР. Он устроил у себя завтрак, где было несколько крупнейших представителей ученого мира. К нам — полная симпатия, Гитлер — варварство и т.д. Но — всё, кроме войны.

Вообще, наша позиция расшифровывается, как толкание «на войну для мира».

Очень решительно настроены немецкие эмигрантские круги, включая демократов (надежда, что во время войны будет сброшен Гитлер), но что за ними — неизвестно.

Теперь — «рассуждения», может быть, мало подходящие — ты меня не ругай: я ведь и пишу только тебе.

*Если бы по-другому держались англичане, а французы, после махання руками, не обосрались, то мы бы поставили Г[итлера] на колени. Мы сделали все на этой линии. Милые державы повели себя позорно. Гитлер выиграл, и, как это ни странно, инициатива сейчас у него, причем, благодаря Англии, эта инициатива представляется, как инициатива мира (!). Не нужно ли нам вырвать эту инициативу, перебив его выступление 31[-го] каким-либо ультрамирным предложением?*⁵⁰

Разумеется, у меня нет никаких иллюзий: столкновение будет. Вероятно, следующий этап гитлеровской экспансии, это — Австрия, «аншлюс», — с соответствующим волеизъявлением народа. Но готовиться к столкновению можно по-разному.

Вообще, могут быть такие линии: мы продолжаем говорить: «коллективная безопасность», «санкции» etc. Мало кто нас слушает, но в начале дела мы заявляем: «А мы говорили, мы предсказывали» и т.д. — и на этом сплачиваем силы.

Можно и по-другому: так как у нас две струны: 1) «мир», 2) «санкции» и т.д., то, ввиду поведения Англии и Франции, *ударение перенести на «мир»*, перебить выступление Гитлера, разоблачая его, да и других походя, выставить *снова широкую мирную программу* (а когда нападет, ярить массу на факте, ведя подготовку идеологическую), *возглавив все пацифизмы, но постепенно предупреждая, что... и т.д.*

Нельзя ли крупным шагом испортить игру Гитлеру на этом пути? И 31[-е] ему испортить? Или это мои досужие фантазии?

Кроме этой стороны дела, здесь важна и другая. Скоро — выборы. Путаницы (и у наших) сколько угодно. Мне один остроумный наблюдатель ска-

зал как-то: «Знаете, теперь, напр[имер], сидишь и слушаешь три часа, как люди спорят и, в конце концов, не поймешь, кто это: коммунисты, фашисты или еще кто. Пораженцы, пацифисты, сторонники «якобинской войны» — все аргументы перепутались, каша аргументов».

Вообще, это особая тема, о линии к[оммунист]ов: сейчас у них *нет* линии, а чисто эмпирические выступления vom Fall zum Fall^a. Сейчас об этом не пишу, надеюсь, что по возвращении смогу поговорить, доложив тебе, что видел и наблюдал.

Не подумай, пожалуйста, что я занимаюсь не порученным делом, а политикой. Свое дело я делаю. Но я лежу чуть ли не неделю в постели — грипп. Сегодня только попробую встать, пойти снести письмо. Лежа, массу читаю, ко мне ходят. Между п[рочим], хочет прийти очень Гильфердинг⁵¹, просил о разговоре; я думаю, с ним можно поговорить. Но вот просил Тальгеймер⁵² — это я уж боюсь: скажут еще, что... и т.д. Если ты считаешь *нужным*, то извести.

Вообще, я соскучился по СССР. На днях меня заставили согласиться 3 апреля сделать здесь доклад об основных проблемах культуры — я им сделаю устно! Это — для ученых etc. Теоретическую литературу производят все же, главным образом, немцы, как сие ни печально.

Между прочим, наших книг нет, их никто не переводит. *Против* нас — уйма. Фашисты, эмигранты, пишут *книги*, и все это красуется на книжных витринах. Против нас действуют теперь толстой *книгой*, это основная литературная форма. Мы вообще ни черта не делаем для распространения сведений о самих себе. А немцы — повсеместно, их книги всюду.

Но это тоже особая тема. А я тебе, вероятно, уж очень надоел.

Крепко жму руку, привет всем товарищам!

Твой Николай

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 111—116. Подлинник. Рукопись.

№ 13

Тов. Сталину

8 июня 1936 г.

Лично

Дорогой Коба.

У меня к тебе два вопроса.

Вопрос первый: я обнаружил в Ленинских сборниках *чудовищный* перевод (смысл — *обратный* ленинским мыслям). Хотел сгоряча дать заметку в газету. Но, вспомнив, как ты учил меня обливаться водой, подобно египетскому жрецу, отложил дело, тем более, что здесь виновен т. Талль (остальное понятно).

Прошу тебя пробежать ее (*заметку*; я ее прилагаю), ввиду интересности *факта*, и решить, как поступить.

Вопрос второй: я вдребезги разругался с Глебом Кржижановским⁵³ и Горбуновым⁵⁴. Они без *моего ведома*, воспользовавшись арестом двух

^a От случая к случаю (нем.).

лиц из моего института в Акад[емии] наук (одного я перед моим отъездом за границу *уволил*, а другой был назначен *без* меня, когда я был *за границей*), за моей спиной (хотя я — директор института) фактически ликвидировали все дело и передали наследство в руки любимчиков Глеба (научно — нулей, с «"покровской" ориентацией»). Прошу тебя пробежать прилагаемую копию письма моего к Глебу и Горбунову. Я считаю, что институт нужно сохранить и в руки «покровцев» не передавать⁵⁵.

Твой Н. Бухарин

P.S. При сем два приложения:

I. Заметка: «Лучше поздно, чем никогда».

II. Копия письма к Кржижановскому и Горбунову.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 117. Подлинник. Рукопись.

Приложение I

Лучше поздно, чем никогда

Просматривая «Ленинский сборник XXVII», мы натолкнулись на следующий, весьма примечательный факт.

На стр. 270 и 271 приведены выписки из одного немецкого органа, сделанные Ильичом, причем на 270 стр. эти выписки даны на немецком языке, так, как делал их сам Ленин, а на 271 странице они даны в переводе под редакцией тов. Б.Талая. Речь идет об измене социал-демократии, причем сравниваются ее довоенные и предвоенные анти-милитаристские и антиимпериалистические клятвы с ее военными патриотическими манифестами.

По-немецки мы читаем: «Dann aber bringt der eine Tag... eine Wendung, die nicht vollkommener sein kann. Die dafür gegebenen offiziellen Erklärungen reichen nicht entfernt zu einer Begründung aus»

Это значит в точном переводе на русский язык: «Но потом один день приносит... поворот, который не может быть более радикальным. Данные в его оправдание официальные заявления *ни в отдаленнейшей степени не достаточны* для (соответствующего) обоснования».

В переводе, напечатанном в сборнике, это место звучит так: «Но затем вдруг наступает... поворот, совершеннее которого быть не может. Изданные об этом официальные сообщения *недалеки от обоснования*».

Другими словами, в напечатанном переводе сказано *обратное* тому, что сказано по-немецки у Ленина. У Ленина приведена выписка, доказывающая, что социал-демократы давали *лживые*, негодные, «ни в отдаленнейшей степени недостаточные» объяснения своего подлого поведения в начале войны. А русскому читателю преподносят перевод, по которому выходит, что эти подлые увертки «недалеки от обоснования»!

Читаем дальше (непосредственно за предыдущей фразой): «Man kann sie, wie jedermann weiss und hier daher nicht ausgeführt (в сборнике ошибочно напечатано "ausgefährt") zu werden braucht, mit früheren offiziellen Erklärungen *spielend widerlegen*» (курсивы и здесь и выше мои — Н.Б.).

Это значит: «Как каждый знает — и о чем поэтому здесь нечего распространяться — их (т.е. новые, «августовские», заявления с.-д. — Н.Б.) можно играючи *опровергнуть* прежними официальными заявлениями».

А в напечатанном переводе мы читаем: «Как известно каждому — и поэтому здесь не требуется распространяться — их можно, следуя прежним официальным объяснениям, *изложить* шутя».

Другими словами: в напечатанном переводе сказано и здесь *обратное* тому, что сказано по-немецки у Ленина. У Ленина приведена выписка, доказывающая, что даже люди из католическо-аристократического органа (откуда Ленин приводит цитаты) понимали громадную разницу между *довоенными* заявлениями социал-демократии и ее *военными* заявлениями. Здесь и обнаруживается *измена*. Ибо легко («играючи», «шутя») можно опровергнуть новые заявления заявлениями старыми.

А русскому читателю перевод под ред[акцией] тов. Таля преподносит обратное: оказывается, к нашему изумлению, что военные заявления с.-д. шутя *«излагаются»*, «следуя прежним официальным объяснениям»!

Что *переводчик* не знал немецкого языка — ясно само собой. Он не понимает даже разницы между немецкими словами «auslegen», что значит «изложить», и словом «widerlegen», что значит «опровергнуть».

Но каким образом *редактор* такого ответственного дела, как сборник, вводящий в умственную лабораторию Ильича, так халатно отнесся к своей задаче — уму непостижимо. Впрочем, весь перевод говорит о полной беззаботности и переводчика и редактора перевода.

Умственная лаборатория Ильича — святая святых для всякого большевика. Мы обязаны «невзирая на лица» указать на грубейшие ошибки перевода. Ибо «Ленинскими сборниками» пользуется много лиц, которые немецкого языка не знают, а критикуемый перевод вводит их в заблуждение, и притом по чрезвычайно острым политическим вопросам.

Эти ошибки нужно исправить и из уважения к памяти Ильича, и из уважения к читателям. Лучше поздно, чем никогда.

Н. Бухарин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 118—120. Подлинник. Машинопись.

Приложение II

1 июня 1936 г.

Тов. Кржижановскому, вице-президенту Ак[адемии] наук тов. Горбунову, непрем[енному] секретарю Ак[адемии] наук

Уважаемые товарищи!

Из четвертых рук я, член презид[иума] Академии [наук] и директор Института по истории науки и техники, узнал, что вы фактически распустили и прикрыли институт, не сказав об этом мне *ни слова*.

После приезда из-за границы я был у вас и говорил с вами, но вы не издали *ни звука* по поводу института.

Я утверждаю, что: а) Институт был одним из лучших институтов Академии наук; б) его научная продукция была на высоком количественном и качественном уровне; в) в нем были очень ценные работники; г) его издания (часть коих я регулярно посылал членам ПБ ЦК) были признаны и заграничной научной печатью.

Вы Институт закрыли, очевидно, в связи с арестом Гарбера (которого я перед моим отъездом предполагал уволить в силу его некорректного поведения, и *написал приказ о назначении на его место крепкого партияца инженера Рыбакова*) и *Урановского* (который был временно назначен в *мое отсутствие*, когда я был за границей!!!)

Но Институт не состоял из одного Гарбера и Урановского.

Вы Институт закрыли. Вы уволили, вопреки закону, всех до единого сотрудников. Вы прекратили все издания Института. Его наследство вы передали т. *Зворыкину*⁵⁶, главе тех московских историков, которые обстреливали работу Института, исходя из позиций школы М.Н.Покровского, осужденной партией.

И вот, вы не только закрываете без всякого моего ведома Институт, но передаете — тоже без моего ведома — его наследство в руки «покровцев» только потому, что это «люди т. Кржижановского», сидевшие с ним в упраздненном Комитете по техническому образованию!

Такой нелояльности и такого самоуправства еще не было за все то время, как я нахожусь в Академии.

Эти неслыханные мероприятия, коими вы, очевидно, хотите отыгаться на *одном* институте за аресты, кои шли по *всей* Академии, являются наглядным выражением вашей политики страховок и сваливания вины на других, политики трусливой и недостойной.

Если вы могли предполагать, что в контррев[олюционных] группировках замешаны еще и другие сотрудники, вы обязаны были сказать об этом мне, *вместе со мной* обсудить положение и *вместе со мною провести необходимые мероприятия*.

Я поэтому вынужден заявить, что:

1) я не несу никакой ответственности за ваши действия по разгрому Института;

2) я протестую и с формальной точки зрения против методов самоуправления;

3) я протестую против передачи наследства в руки товарищей, «опрокидывающих политику в прошлое» под видом науки;

4) я оставляю за собой полную свободу действий, в том числе свободу обращения в руководящие инстанции.

Н. Бухарин

№ 14

Тов. И.В.Сталину

13 августа 1936 г.

Дорогой Коба.

Проездом на Памир я останавливался в Ташкенте. Так как я ночью выезжаю и, б[ыть] м[ожет], не буду иметь возможности писать, то пишу тебе пару строк сейчас.

1) Из всяких многообразных разговоров выясняется необычайно возросшая деятельность *японцев*, в особенности в Афганистане и Персии. В Афганистане они прибегают даже к тому, что японские представители дают себя обрезать, переходить в магометанство и развывают о Японии, как покровительнице ислама. А мы мало что противопоставляем, начиная с экономики. Может быть, я тут дилетантствую, и все тебе отлично известно, — но, что узнал, о том пишу.

2) Был я на Чирчикстрое, в числе прочего. Это — грандиозное строительство, которое за 2 1/2 года (я был здесь проездом и раньше) разрослось в необычайной степени. Но меня поражает одна вещь, о которой я написал Серго⁵⁷ и о которой я считаю нужным сообщить тебе. *Азотный завод* не строится, ибо в текущем году *не дано ни копейки денег*. А люди могли бы это быстро сделать. Никак не пойму, как можно с *военной* точки зрения пренебрегать этим делом. Ведь завод в два счета можно сделать *мощнейшим*, прямо исключительным, поставщиком взрывчатых веществ при небольших изменениях. Стратегически он недосягаем. А мы упускаем здесь время. Я не говорю о хлопке — это само собой. Но мне кажется неверной сама *ориентация* соответствующих главков (т.е. *Главазота*) — может быть, от их ведомственно штатского подхода к делу — уж не знаю.

Вот и все. Прошу прощенье за «тревоженье».

Крепко жму руку.

Твой Николай

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 134—134об. Подлинник. Рукопись.

№ 15

Тов. Сталину

[Август 1936 г.]

Лично
Секретно

Дорогой Коба.

Пишу тебе из Фрунзе, приехав туда через Ташкент с *Памира*. Быть может, тебе пригодится моя информация. Оговариваюсь: из-за болезни моего пом[ощник]а, тов. Ляндреса, мы вернулись с *Памира* раньше, чем

предполагали, поэтому у меня наблюдения неполные, возможно, односторонние. Но все же есть несколько пунктов, которые мне кажутся заслуживающими внимания.

Нет, прежде всего, достаточного сознания всей важности Памира, как *пограничной полосы* (Китай, Афганистан и не так далеко Индия). Это выражается, например, в том изумительном факте, что за все время существования советской власти на Памире *ни разу здесь не был ни один руководящий таджикистанский товарищ!!* Это нельзя отнести за счет их работы вообще. Все, что я слышал о работе Шадунца и других, говорит в их пользу, и со всех сторон я слышал очень хорошие отзывы. Значит, очевидно, нет сознания *специфического* значения (военного) Памира, несмотря на стратегический тракт и т.д. Я уже писал тебе пару слов о японцах в Афганистане. Оказывается, что они, кроме того, завалили Афганистан дешевыми товарами. Кроме того, усиленно работают *немцы* (немецкие аэропланы, инструктора) и очень усиленно — англичане.

В связи с этим происходит непонятная вещь с нашим снабжением Памира. В четыре раза *повысили* цены на завозимые промтовары, а в некоторых (многих) пунктах никто не знает, по каким ценам нужно их продавать вообще. Огромное *затоваривание* при *нищете*. Местные работники говорят все евфемистически о «большом разрыве между ценами и покупательной способностью», а воз и ныне там. *Нельзя ли оставить льготное снабжение?* Всего-то народу на З[ападном] и В[осточном] Памире несколько десятков тысяч.

Частность: для косьбы ввезли косы, но без ручек. А там нет дерева. Косы лежат и пролежат.

В этом году — засуха. Нужно завезти во что бы то ни стало хлеб. Пока его завезено на 25%. Люди говорят, что завезут все. Возможно. Но есть большие сомнения. У меня такое впечатление, что нужно из Москвы обязать, чтобы план завоза хлеба был выполнен во что бы то ни стало. (Среди народа слух, что будет опять голодовка, этим пользуется агентура врагов). Может быть, еще нужны автотранспортные машины. Но во всяком случае, невыполнение плана завоза хлеба в *этом* году было бы особенно вредным.

После убийства Кирова⁵⁸ на Памире у охотничьего населения отобрали нарезное охотничье оружие. Между тем в Вост[очном] Памире (одни скалы, жалкие травинки только) мизерное скотоводство дополнялось на очень большой процент именно охотой. Возможно, что в последней лежит даже центр тяжести. Конечно, я не могу судить о целесообразности изъятия этого оружия по мотивам чисто политическим: я слишком мало был там, чтоб делать такого рода заключение. Но, во всяком случае, тогда нужно было бы подумать о какой-либо *экономической* компенсации. А об этом никто не подумал.

В Западном Памире народ на чуть ли 90% вырождается от курения опиума (в связи с этим массовая контрабанда из Афганистана со всеми своими политическими рефлексам). Пока что мы стали ввозить спирт, как «наибольшее зло». Мне кажется, что тут нужно принять решительные оздоровительные меры *медиц[инского], санитарного, общекуль-*

турного и т.д. порядка. Работать приедем *очень* трудно. Одно дело проехать туристом и даже «взять» тот или иной пик, — другое жить здесь годы. Люди болеют, высыхают. Но, несмотря на это (и на уже сделанные усилия), нужно, мне кажется, по всему фронту увеличить число культурных работников. Памир — *самое отсталое* место из всех, какие я видел за время своих летних путешествий, и бросается в глаза резкое несоответствие между его *значением* и его фактическим *положением*.

В остальных местах из виденных работа разворачивается *замечательно*. Особенно радуется — из аграрных областей — Фергана, цветущая, зажиточная уже *теперь*. Был в колхозе твоего имени, видел колхозный театр, обещал передать тебе, как там люди умеют работать и умеют веселиться.

Это — целые «царства» огромного значения, которое только здесь видишь и понимаешь во всем объеме.

Сердечный тебе привет и пожелания^а.

Твой Н.Бухарин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 138—140. Подлинник. Машинопись.

№ 16

Тов. Сталину

17 сентября 1936 г.

Секретно

Ко мне прибежала жена Радека и сообщила, что он арестован. Умоляю и от себя, и от него только об одном, чтобы дело прошло через твои руки. Просила сказать, что Радек готов отдать последнюю каплю крови за нашу страну.

Я тоже ошеломлен этим неожиданным событием и — несмотря на всяческое «но», на излишнюю доверчивость к людям, на ошибки в этом отношении — считаю себя просто обязанным партийной совестью сказать, что *мои* впечатления от Радека (по большим вопросам, а не пустякам) только положительные. Может, я ошибаюсь. Но все внутренние голоса моей души говорят, что я обязан тебе об этом написать. Какое страшное дело!

Привет!

Н.Бухарин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 163—163об. Подлинник. Рукопись.

^а На первой странице письма имеется карандашная помета рукой Поскребышева: «От Бухарина Н.И.».

№ 17

Тов. И.В.Сталину

24 сентября 1936 г.

Лично

Ради бога, прочти *все* письмо!

Дорогой Коба.

Я разрешаю себе тебе написать потому, что дошел до крайности: не только не прихожу в норму, но чувствую, что могу душевно заболеть самым настоящим образом.

Причины тому те, что, несмотря на заявление прокуратуры, меня поливают грязью, толкуют заявление, что, мол, только юридически не доказано и т.д.

Словом, атмосфера гнусная. Я *не могу* больше жить так, точно замученный и навек подозрительный. При таком положении вещей жизнь моя бесперспективна и бессмысленна. Когда подумаешь, какие сейчас времена наступают и сколько можно дела сделать плечом к плечу со всеми, и посмотришь на себя, забившегося в угол, когда никто не рискует зайти — то никакие ореолы невинного страдальца ничего не искупают: нечем дышать, пойми. Пробовал начать писать книгу — не могу. Написал раньше статью, которую посылал и тебе: Каганович⁵⁹ сказал, что переслал в «Правду»; а там что-то саботируют.

Но это — лишь деталь, одна.

Я горячо прошу тебя принять меня — я приехал бы тотчас. Ведь, вот парадокс: чем дольше я преданно, всем сердцем, служу партии, тем хуже мое несчастное положение, и теперь уже почти нет сил бороться с нападками (см. также в «Правде» рецензию на «Архив техники»^{60!}).

Я горячо прошу тебя разрешить мне к тебе приехать — сообщи через тов. Двинского⁶¹. Я хотел теперь сразу поехать — но, если бы ты меня не принял — тогда все было бы кончено.

Большой трагедии, когда тебя, ни в чем неповинного ни на йоту, окружает враждебное недоверие, — нельзя иметь.

Я измучил весь свой мозг.

Только ты можешь меня вылечить. Я и так видел твою руку в некоторых событиях. Если тебе не совсем безразлична моя судьба (а я, ей-богу, могу еще пригодиться), прими меня.

Всей душой твой

Н.Бухарин

P.S. Я не о сожалении прошу, не о каком-нибудь прощении, ибо ни в чем невиновен. Но такая атмосфера, что *только свехавторитет* (только ты) *до конца может взять на себя смелость* спасти невинного человека, попавшего из-за тактики врагов в исключительное положение.

Я не просил о приеме до конца следствия, так как считал, что это политически тебе неудобно. Но теперь я еще раз просто всем существом прошу тебя об этом. Не откажи. Допроси меня, выверни всю шкуру, но

поставь такую точку над *i*, чтоб никто никогда не смел меня лягать и отравлять жизнь, загоняя на Канатчикову дачу.

Николай

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 164—165. Подлинник. Рукопись.

№ 18

Тов. Сталину

19 октября 1936 г.

Лично

Дорогой Коба.

Большое тебе спасибо за то, что ты не оставил без ответа мое письмо, полное отчаяния и тоски. Я стараюсь себя держать в руках, чтобы не развалиться на части и стараюсь, как ты сказал, «спокойно работать» в «Известиях».

При разговоре с тов. Кагановичем я спросил его: «Ну, вот, я 10[-го] — начну работать; могу я тоже, как редактор, писать статьи, передовицы и т.д.?» (спросил, т.к. одна статья не была помещена). Тов. Л.М. ответил: «Ну, разумеется. Вы же редактор».

Я пришел, после нескольких дней работы написал статью; она всем понравилась, была сдана в набор... и она не пошла. Даже когда я официально, как редактор, предложил поместить ее, она не пошла. Ее я прилагаю. *Все*, вплоть до рабочих типографии, видят, что я — зачумленный и фиктивный «редактор», просто посмешище. *За что?* Если бы я еще не осведомился предварительно! ...Сказали бы: повремени. А то я в полной уверенности начал «спокойно работать». Вот и «покой»!

Все, что связано со мной, обстреливается. Обстреляли «Архив». Теперь обстреляли журнал «Сорена»⁶², который я 5 лет тому назад основал. (Я сегодня послал просьбу тов. Андрееву⁶³ об освобождении меня от звания редактора этого журнала). Я положительно не знаю, как держаться: ведь, создается впечатление, что меня нужно бить и не давать мне ни строки писать. Даже к юбилею *Серго* мне демонстративно не предложено писать статьи: я, очевидно, «не достоин». *За что* все это? Прости еще раз, что я позволяю себе тебе писать. Я знаю, сколько у тебя дел, и что ты, и кто ты. Но, ей-богу, ведь я только тебе могу написать, как родному человеку, к которому можно прибегнуть, зная, что не получишь пинка в зубы. Не думай, ради всего святого, что я хочу фамильярничать. Я, вероятно, больше других понимаю твое значение. Но я пишу тебе, как когда-то Ильичу, как настоящему родному, которого даже во сне вижу, как Ильича. Это странно, б[ыть] м[ожет], но это вот так.

Если б я за собой чувствовал хоть атом прегрешения, другое было б дело. Но хочу, чтоб ты понял, что жить, как «подозрительному», мне ужасно тяжело. Да и нервы уж не те: я — сломленный человек, и не знаю, удастся ли мне выпрямиться.

Теоретически и умом я, как будто, еще^а кое-что понимаю. Но я от каждого удара и обиды — незаслуженной — прихожу в дикое состояние.

Довольно об этом. Прости за такие письма. Если бы ты обладал каким-нибудь инструментом, чтоб видеть, что творится в моей большой голове... Но я тебе благодарен за твое внимание до бесконечности^б.

Твой Николай

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 166—166об. Подлинник. Рукопись.

№ 19

Тов. И.В.Сталину

16 ноября 1936 г.

Дорогой Коба.

Так как мне до сих пор не удастся (не по моей вине) ничего писать, и так как я по своему складу просто не могу быть только пассивным бесчувственным бревном, то в одну из бессонных ночей я написал прилагаемую «Поэму» в стихах, притом под известным историко-философским углом зрения.

Без твоей апробации я ее никому в редакции не покажу. Если же эта вещь заслуживает внимания, то я прошу разрешения напечатать ее в «Известиях». Если ты вещь эту одобришь и будешь считать, что лучше поместить ее под моей фамилией^в, то я, конечно, к этому всецело присоединяюсь.

Если, паче чаяния, ты найдешь, что она не годится, то я больше, пожалуй, не буду делать и попыток перейти на новое (поэтическое) амплуа.

Глубоко тебе преданный

Твой Н.Бухарин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 172. Подлинник. Рукопись.

Приложение

Н.Ветров

Поэма о Сталине (в семи песнях)

Песнь 1: Смерть гения

Был тихий зимний вечер. Падал снег,
Все покрывая белой пеленою.
И в вечер тот, печальный, синий,
Беззвучный и немой, как человечье горе,

^а Далее зачеркнуты слова: «не поглупел окончат[ельно]».

^б На первой странице письма имеется помета: «Мой архив. Ст[алин]».

^в Поэма подписана псевдонимом Н.И.Бухарина — Н.Ветров.

В последних содроганиях, со смертью
Боролась Ленина великая душа.
Титан, могучий гений, пламя жизни,
Весь — творчество, ярчайший ум и воля,
Которая сгибала, как подкову,
Истории, страна великой судьбы
И направляла дланию железной
Мятежных масс ревуший ураган,
Строитель новых эр, что воссияли,
Как новое созвездие в веках, —
Он умирал. И вздох его последний
Затих беззвучно в воздухе немом.

Песнь 2: Великая клятва

Застыли слезы на щеках. Суровый,
Все леденящий холод, лютый, точно смерть,
Царил над всей страной осиротелой.
И толпы черные людей, как волны Стикса,
Громадной траурною лентой омывая
Кроваво-алый гроб со смертным Ильичем,
Баюкали его в невыразимой скорби.
Вожди стояли в карауле. Пушек грохот
Всем возвестил, что отлетел от нас
Великий гений, наш Ильич, Товарищ...
И раздались тогда, средь тишины безмерной,
Торжественной, как верных литургия,
Слова священные Великой Клятвы.
То Сталин стал у мощного руля, на месте
Том, что так странно-страшно опустело,
Когда навек ушел от нас Ильич...

Песнь 3: Огненный путь

За ним дымилась долгие години
Суровых битв, кровавых ран и тюрем,
Тех клеток каменных с железною решеткой,
В которых думали запрягать силу духа,
Ветр революции замкнуть и заточить.
За ним вились пламенные битвы,
Когда в пожарах, гари и дыму,
Вся в огненном кольце зловещих интервенций,
В тифу, в бреду, без хлеба и воды,
Геройски билася и побеждала,
Разутая, раздетая, нагая
храбрейших в мире Родина сынов.
В колодках горя, в каторжных напевах, в криках битвы,
В дыму пожаров, в тяжких испытаньях
Ковалась сталь суровой воли, сверкали молнии высокого ума...
И загудел на всю страну могучий
Чеканных лозунгов настойчивый призыв.
И армия пошла за полководцем...

Песнь 4: Борьба и победа

Вот забурлила дружная работа,
 И задрожала, будущим объята,
 Страна от грохота рабочих молотков. Вспотела потом
 Усилий творческих поверхность всей земли.
 И в схватке бешеной, и яростной, и гневной,
 Схватились армии труда с врагами.
 Здесь снова раны. Тут измена. Там — смятенье, бегство.
 Но орлиным — холодным и спокойным — взором смотрит
 С верхушки капитанской Рулевой.
 Далёко слышна четкая команда. Тесно
 Смыкаются ряды бойцов. Горячею атакой
 Сражен злой враг. Распластан, он лежит.
 И праздная громовую победу, беретса весь народ
 За рычаги машин, за труд упорный, за светлой мысли труд,
 За труд творящих рук, что сокрушать умеют
 Врага мечом и мощным напряженьем
 Костыль вбивают в череп Нищеты.

Песнь 5: Вождь

Вот он стоит, в шинели серой, вождь
 Бесчисленных творящих миллионов,
 Что вышли из низин глубоких,
 Из тьмы времен, из плесени подвалов,
 Из мрака жизни безымянной и безвестной,
 Чтоб одолеть Историю и Рок
 И, став хозяевами всей Планеты,
 Стать — наконец! — на той земле Людьми!
 Пред ним — машины и металлы,
 Чудесные сплетенья вещества,
 Сверкающие стройные станки,
 Великолепные динамо, трактора,
 Автомобили и аэропланы,
 Создания светлой мысли и труда.
 Пред ним — причудливые колбы и реторты,
 Где таинства вершатся наяву,
 Чтоб обуздать для Человека силы
 Великие Праматери-Природы.
 Каналы и дороги, недра
 Земли и новые гиганты,
 Что на ее коре внезапно поднялись;
 Великих рек прирученная мощь,
 Энергий яростных и укрощенных
 Железною рукою Человека, — все
 Проходит пред его пытливым взором,
 И все селения, и города; и новая земля,
 И новый человек, прекрасный и отважный,
 И слово, песня, танец человека,
 Его любовь и страсть, его души прибой,
 Вся жизни Музыка, симфония героев,
 Ребенка смех и матери улыбка, —

Все, все проходит чрез него. И властно
Могучую он силу придает
Разбегу новой жизни триумфальной.

Песнь 6: Дружба народов

Вот на просторах необъятных,
Средь гор, сверкающих алмазом ледяных звезд,
Среди лесов, степей, безбрежных пашен,
У моря хладного, у моря голубого,
На рек могучих берегах, в пустынях жарких,
На виноградниках и на полях хлопковых,
Средь снежных бурь арктических равнин,
Где воет ветер во мраке долгой ночи, —
Встает великая Народов Дружба.
Узбек и финн, таджик и белорус,
Украинец, якут, кореец, ненец,
Эвенки, чуваша, грузины, тюрки,
Армяне, русские и сотни языков
Других, в согласьи жизни стройной,
Ткут миллионами прилежных рук
Узорчатую ткань Веков Грядущих.
И там, где раньше кровью братской
Пропитана была земля, злодейской
Измученная волчьей волей Злата,
Там зацветает радугой блестящей
Счастливых дней счастливая череда.
И вот уже, как плод усилий зрелый,
Подходит к нам все ближе, все быстрее,
Мир Радости, мир Изобилья, мир Культуры,
Что мозг и руки, Мысль и Труд,
Навек объединит в служеньи общем.
Тому порукой Сталинский Закон.

Песнь 7: Трубные сигналы

Но в грохоте времен, в их беге быстротечном,
Событий яростных уж слышен тяжкий шаг.
Трубит труба времен, и медные сигналы
Звучат, как грозный клич, Истории призыв...
Растерзана, лежит в крови, бессильна
Под хищным клювом африканская страна.
Восток пылает в зареве пожаров,
Насилий и убийств. Испанья
В борьбе великой напрягает силы,
И на нее со всех сторон несутся
Стервятники на крыльях из металла.
И взрывы бомб крошат детей и женщин...
Все силы мрачные, вся наглость, кровь и грязь,
Все струпья мира старого, все палачи
Создали заговор всемирный против
Побегов новой жизни молодой.
И жерла черные их скорострельных пушек

Уставились в упор на утро новых дней,
 Трубит труба времен, и медный голос
 К отпору и отваге призывает.
 Уже лазутчики врага отняли
 Жизнь драгоценную народного трибуна.
 Уже готовили злодеи пули,
 Чтоб в сердце революции стрелять
 И черною предательской работой
 Подрыть устои мира нового. Но тщетно!
 Трубит труба времен. И на пороге
 Годов решающих, среди друзей без счета,
 Средь миллионных толп, средь армий, средь героев,
 Стоит наш Сталин, наш любимый полководец,
 Готовый взмыть на крыльях к солнцу битв,
 Трубит труба времен. И громкий клич несется:
 «Веди нас в новый бой, коль недруг нападет!»
 И мудро смотрит вдаль, пытливым взором глядя
 На полчища врагов, Великий Сталин.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 173—178. Подлинник. Машинопись.

№ 20

Тов. И.В.Сталину
 Членам ПБ ЦК ВКП(б)

15 декабря 1936 г.

Дорогие товарищи!

Сегодня в «Правде» появилась официальная статья, в коей бывшие лидеры правой оппозиции (а, следовательно, очевидно, и я, Бухарин) обвиняются в том, что они шли рука об руку с троцкистами, диверсантами, гестапо и т.д.

Сим я еще и еще раз заявляю:

1. Ни словом, ни делом, ни помышлением я не имел и не имею ничего общего ни с какими террористами каких бы то ни было мастей. Я считаю чудовищным даже намек на такое обвинение. Все последние годы я верой и правдой служил партии.

2. При всех и всяких обстоятельствах, всюду и везде я буду настаивать на своей полной и абсолютной невинности, сколько бы клеветников ни выступало против меня со своими клеветническими показаниями и как бы они ни прикрывали эту клевету «благородными» побуждениями^а.

^а На первой странице письма имеются пометы: 1) «От Бухарина Н.И.» (рукой Поскребышева), 2) «Г. Мехлису. Вопрос о бывших правых (Рыков, Бухарин) отложен до следующего Пленума ЦК. Следовательно, надо прекратить ругань по адресу Бухарина (и Рыкова) до решения вопроса. Не требуется большого ума, чтобы понять эту элементарную истину. И.Сталин».

С комм[унистическим] прив[етом]

Н. Бухарин

P.S. Во время очной ставки, когда присутствовали члены ПБ, я позабыл свои записи о показаниях Куликова⁶⁴ и др. на столе, в зале заседания.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 179. Подлинник. Машинопись.

№ 21

Сталину

20 февраля 1937 г.

Только лично

Дорогой мой Коба.

Из моего письма в Политбюро⁶⁵ ты увидишь, в чем дело. Горячо и серьезно прошу тебя не сердиться, а по-человечески меня понять, понять, что я больше не в состоянии жить такой «жизнью».

Я хочу сказать тебе: я перед тобой виноват за то, что в определенный период был против тебя *озлоблен* (это правда): твоей объективной политической правоты я не понимал, и тогда казалось, что ты меня режешь и совсем несправедливо. Но я *никогда* и мысли не имел о терроре и насилиях. Это относится даже к самым острым периодам. Больше того. Я уверен, что будь я — даже тогда — на месте, где тебе угрожала бы опасность, я тебя бы защищал всем телом. К тому же всегда во мне жила к тебе и любовь, как это ни странно. Но все это *давно прошедшие времена, piusquamperfectum*. Уверяю тебя, что все последние годы я без тени даже внутреннейших разногласий, с *радостью* и «с душой» защищал линию партии, несмотря на огромную горечь от постоянных шипков, придирок, свинство со стороны разных аппаратов. Об этом я скорбел, на это жаловался многим. Но это — все другое дело и не имеет отношения к политике партии.

Смерть Серго, которая меня потрясла до глубины души (я ревел часами навзрыд, я любил этого человека очень и очень, как действительно родного), эта смерть вскрыла до конца весь ужас моего положения: я хотел пойти к Зине⁶⁶ — а что, если она мне скажет: нет, теперь вы наш враг? Я хотел написать письмо Климу⁶⁷ и Микояну⁶⁸. А если они тоже меня так обидят? Ведь клевета сделала свое дело. Ведь я уже не я. Я даже не могу плакать над телом старого товарища. Наоборот, его смерть для кое-кого послужит предлогом для моего обезчещения^a. Вот что. Жить, Коба, больше нельзя *в таком* положении.

Да. Так я писал, что за прошлое виноват перед тобой. Но я его многожды искупил. Я тебя сейчас действительно горячо люблю запоздлой любовью. Я знаю, что ты подозрителен и часто бываешь очень мудр

^a Так в тексте.

в своей подозрительности. Я знаю также, что события показали, что мера подозрительности должна быть повышена во много раз. Но мне-то какво? Ведь, я живой человек, замуравленный^а заживо и оплеванный со всех сторон.

Желаю тебе здоровья прежде всего. Ты не стареешь. У тебя железная выдержка. Ты — природный полководец, и тебе придется еще играть роль победоносного водителя наших армий. Это будет время, еще более великое. Желаю тебе, дорогой Коба, побед быстрых и решительных. У Гегеля⁶⁹ в одном месте говорится, что филистеры судачат о великих людях по разной ерунде. А даже их страсти часто являются орудиями (в его терминах) Мирового духа. Наполеон⁷⁰ был «Мировым духом» на коне. Пусть люди посмотрят на еще более интересные мировые события.

Прими мои приветы, мое рукопожатие, мое «прости». Душой я с вами, с партией, со страной, со всеми милыми товарищами. Мысленно я у гроба Серго, который был чудеснейшим, настоящим человеком. Горько плачу над его телом; если ты можешь, скажи как-нибудь Зине, что я скорблю вместе со всеми о тяжелой утрате.

Будь здоров. Прощай

Твой Н.Б.

P.S. Повторяю к тебе просьбу о том, чтоб меня не теребили и оставили «дожить» здесь.

P.S. Показания составлены с велией нарочитостью: тут не только клевета, тут нечто большее. Я — за *агентов* (Астров⁷¹, напр[имер]). Но нужно, чтобы агенты не врали и не клеветали и не подводили к своим концепциям и не занимались провокацией.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 183—184. Подлинник. Рукопись.

Примечания

¹ Просьба Н.И.Бухарина была удовлетворена. 12 февраля 1935 г. «Известия» вышли на 6 полосах. Этот номер был посвящен открытию II Всесоюзного съезда колхозников-ударников. Газета опубликовала полный текст доклада на съезде заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Я.А.Яковлева «О Примерном уставе сельскохозяйственной артели». 14—18 февраля «Известия», продолжавшие выходить на 6 полосах, публиковали выступления участников съезда по докладу Яковлева.

² *Молотов (Скрябин) В.М.* (1890—1986) — в 1930—1941 гг. председатель Совнаркома СССР.

³ *Калинин М.И.* (1875—1946) — с 1922 г. председатель ЦИК СССР.

⁴ *Радек (Собельсон) К.Б.* (1885—1939) — в 1925—1927 гг. ректор Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. В 1927 г. исключен из партии, в 1928—1929 гг. — в ссылке. В 1932—1936 гг. — заведующий Бюро международной информации ЦК ВКП(б), которое подчинялось непосредственно И.В.Сталину. В 1936 г. — свидетель обвинения при подготовке процесса «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра». В январе 1937 г. по делу о так называемом «параллельном антисоветском троцкистском центре» приговорен к 10 годам заключения; по официальной версии, убит в тюрьме сокамерником.

⁵ *Гнедин Е.А.* (1899—1983) — журналист, дипломат, в 1939 г. арестован, долгие годы провел в лагерях и ссылке.

⁶ *Лям Л.М.* (1899—1964) — в 1927 — августе 1936 гг. заместитель заведующего отделом, ответственный секретарь редакции «Известий». С сентября 1936 г. по июнь 1939 г. — в тюремном заключении в Красноярске. Впоследствии — на различных должностях на предприятиях Норильска, Игарки и других городов. Реабилитирован в 1944 г.

⁷ *Мехлис Л.З.* (1889—1953) — в 1930—1937 гг. заведующий отделом печати ЦК ВКП(б), редактор газеты «Правда».

⁸ *Богушевский В.С.* (1895—1939) — с 1930 г. редактор газеты «За индустриализацию» («З.И.»). В 1931 г. — член президиума ВСНХ, в 1932—1933 гг. — член коллегии НКТП, с 1934 г. — член КПК ВКП(б). В 1937 г. освобожден от обязанностей главного редактора журнала «Партийное строительство». Репрессирован.

⁹ *Стецкий А.И.* (1896—1938) — в 1930—1938 гг. заведующий Агитпропом ЦК ВКП(б). Репрессирован.

¹⁰ *Пашуканис Е.Б.* (1891—1937) — с 1931 г. директор Института советского строительства и права Коммунистической академии, с 1936 г. — заместитель наркома юстиции РСФСР. Репрессирован.

¹¹ Видимо, речь идет об опечатке в фамилии «Молотов», за что понесли наказание сотрудники «Известий».

¹² *Поскребышев А.Н.* (1891—1965) — помощник И.В.Сталина.

¹³ *Раевский* — сведения не обнаружены.

¹⁴ *Селих Я.Г.* (1892—1967) — в 1931—1934 гг. заместитель редактора «Известий», в 1934—1935 гг. — член редколлегии «Правды», в 1935—1941 гг. — заместитель ответственного редактора «Известий».

¹⁵ *Литвинов (Валлах) М.М.* (1876—1951) — в 1930—1939 гг. нарком иностранных дел СССР.

¹⁶ *Макдональд Джеймс Рамсей* (1866—1937) — в 1931—1935 гг. премьер-министр Великобритании.

¹⁷ Имеется в виду статья К.Радека «Германский ответ и ответственность Англии» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 8—19). На первой странице текста сверху рукой Радека написано: «г. Литвинову на визу». В начале статьи говорилось: «Германский ответ на англо-французское коммюнике от 3 февраля представляет собой явное издевательство. Две недели работала германская дипломатия над этим ответом. Германский рейхсканцлер отказался даже на 10 дней от разговоров с обыкновенными смертными, за исключением кронпринца, чтобы иметь возможность в тишине размышлять над поставленными перед ним вопросами и сделанными ему предложениями. И результатом стольких трудов и размышлений явился ответ, в котором Германия заявляет, что она «искренне желает, чтобы были усилены гарантии мира». В доказательство своего «искренного желания» она обещает «приступить к углубленному рассмотрению всей совокупности поставленных перед европейской политикой вопросов».

Радек вменил Гитлеру в вину уход от конкретных ответов на конкретные вопросы о необходимости «стабилизации положения на юго-востоке Европы», о «действительных мерах против попытки изменения силой оружия положения на востоке Европы», о тайной гонке вооружения Германии, о «возвращении Германии в Лигу Наций, как о доказательстве, что Германия хочет решать все европейские вопросы путем мирных переговоров с другими державами». Здесь же Радек пишет о «всем известной программе германской экспансии на восток и юго-восток Европы, изложенной самыми авторитетными представителями германского национал-социализма».

Германия требует свободы рук на востоке, тогда она не будет нападать на Францию, в то же время она вбивает клин между Францией и Англией, готова говорить только с Англией. Радек обвиняет гитлеровский режим в «высокомерии, свойственном старому пруссачеству», в присвоении себе явочным порядком права иметь армию и все виды вооружений в любой численности (Франция же против свободы действий Германии на юге и юго-востоке Европы).

Статья Радека завершалась следующим пассажем: за заигрывание с гитлеровским режимом «Англия несет теперь ответственность за укрепление мира в Европе или за открытие ворот войне» (Там же. Л. 19).

¹⁸ В записке М.М.Литвинова говорилось: «Карл Бернгардович! Это не то, о чем мы говорили по телефону. Вместо указаний на скрытую борьбу Англии против Франции и использование для этой цели Германии — говорится о борьбе Германии против Франции, причем на первый план выдвигается опасность нападения на СССР. Надо бить Англию, а не ограничиваться нежными намеками, и задевать... Макдональда, называя его по имени», поскольку именно он убеждал французского премьера-министра *Пьера Лаваля* (1883—1945) отказаться от Восточного пакта, именно он выступал адвокатом Гитлера, и потому должен нести ответственность за развязывание войны (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 7). На записке имеется помета: «По-моему, Литвинов прав. И.Сталин».

¹⁹ *Эренбург И.Г.* (1891—1967) — писатель. Письмо Эренбурга Бухарину (они были знакомы с 1907 г.) касалось международного конгресса писателей (Париж, 1935 г.), при подготовке и проведении которого возникло немало трудностей. Советская делегация, по его мнению, была «очень многочисленна, но большинство писателей, входивших в нее, вовсе неизвестно, в частности во Франции». Когда выяснилось, что М.Горький и М.Шолохов не приедут, «французских друзей охватила паника». По просьбе Андре Жида к последнему дню конгресса успели прибыть И.Бабель и Б.Пастернак. Но они уже не могли спасти ситуацию, поскольку многие советские участники конгресса читали «по бумажке» свои пространные выступления и из-за незнания иностранных языков не могли участвовать в свободных диспутах. Несмотря на это, зарубежные участники тепло встречали каждое выступление советских писателей и, по оценке Эренбурга, «конгресс закончился успехом».

В то же время Эренбург писал, что он избран в «секретариат организации вместе с М.Кольцовым». Но «так как я беспартийный, никакого поста не занимаю, просто писатель Эренбург», то прежнее отношение продолжается (речь шла о том, что на первом же заседании секретариата советские делегаты выступили с предложениями, о которых не поставили в известность Эренбурга). Писатель подчеркивал, что создавшаяся ситуация «просто меня изведет, а пользы даст весьма мало». Поэтому Эренбург просил помочь ему «освободиться от этой «работы», которая при таких условиях *не может дать никаких положительных результатов, а меня может доконать*», а также определить его роль в секретариате международной организации писателей (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 25—29).

Упомянутое письмо И.Г.Эренбурга было, вероятно, реакцией на докладную записку писателя М.Е.Кольцова (Фридлянда) (1893—1942) и первого секретаря Союза писателей А.С.Щербакова (1901—1945) о работе парижского конгресса писателей, направленной 21 июля 1935 г. в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 30—32). Из нее видно, что «советская делегация, следуя полученным от т. Сталина указаниям, активно добивалась еще в подготовительный период придания конгрессу по его составу физиономии характера многосторонней акции (а не только антигерманской) и устранения признаков чисто франко-советского начинания». Авторы докладной указывали, что им

пришлось, «вследствие неорганизованности и споров между участниками конгресса, взять на себя фактическое закулисное руководство и роль арбитра как между делегациями, так и внутри их». Кольцов и Щербаков высоко оценили участие в конгрессе таких писателей, как А. Жид, Л. Фейхтвангер, Т. Манн и других, враждебно настроенных к фашизму, выдвинули ряд конкретных предложений, касающихся деятельности вновь созданной на парижском конгрессе Международной ассоциации писателей-антифашистов.

В докладной записке Кольцова и Щербакова Эренбургу был посвящен следующий абзац: «Немало затруднений в работе доставило нам двусмысленное поведение Эренбурга. Являясь постоянно живущим в Париже советским писателем, он должен был бы быть защитником наших интересов и влиять на французов в затруднительные моменты. Однако, сросшись морально и связавшись материально с парижскими кругами, Эренбург предпочитает роль нейтрального лица между французами и советскими, и нашу делегацию пытался несколько раз запугивать угрозами ухода с конгресса Жида и Мальро (что не соответствовало действительности). При получении известия о неприезде Горького, Эренбург заявил секретариату, что не верит в болезнь Горького, и считает неприезд его и Шолохова маневром» (там же. Л. 32).

²⁰ Согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1935 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 972. Л. 60), праздничный номер «Известий» вышел 7 ноября на 6 полосах. В газете были напечатаны передовая статья «Октябрь» (судя по стилю, ее автор — Бухарин), статья К. Радека «Исторический пример» — о достижениях СССР, статья И. Эренбурга «Пляска смерти» — об опасности германского фашизма, воспоминания В. Антонова-Овсеенко «Октябрьские дни», статья академика А. Деборина «Человеконенавистники» — о гитлеровском режиме, статья Андре Мальро «Ночной разговор с фашистами», статья Н. Бухарина «Некоторые итоги революционного года и наши враги», маршевая «Песня» С. Маршака и др.

Материалы праздничного номера «Известий» соответствовали духу одной из основных установок VII конгресса Коминтерна, завершившего свою работу 21 августа: масштабы фашистской угрозы настолько велики, что ставят перед трудящимися массами задачу выбора не между пролетарской революцией и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом.

²¹ Речь идет о 28-страничной рукописи (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 49—76) под названием «Замечательная жизнь Михаила Ивановича Калинина», приуроченной Бухариным к 60-летию председателя ЦИК СССР (родился 20 ноября 1875 г.). Для советских людей, писал автор, Калинин — «всесоюзный староста», «Калиныч», член Политбюро ЦК ВКП(б), «живет в Кремле, работает вместе со Сталиным и под его ближайшим руководством»; для иностранных дипломатов он — «Ваше превосходительство», «господин президент».

Текст рукописи содержит десять разделов, их заголовки: 1) Детство. На побегушках у барина. 2) Завод и начало настоящего дела. 3) Первый арест. Боевое крещение. 4) От тюрьмы к станку, от станка к тюрьме. Крещение кровью. 5) Грозы и бури первой революции. 6) Черное время. 7) Революция жива! 8) Громы войны и громы победоносной революции. 9) Гражданская война. 10) Строительство.

²² Юрков — в 1930-е гг. ответственный работник МК ВКП(б).

²³ Короткова — в 1932—1936 гг. технический секретарь, ответственный редактор «Известий».

²⁴ Томский (Ефремов) М. П. (1880—1936) — в 1918—1929 гг. председатель ВЦСПС. В декабре 1928 г. на VIII съезде профсоюзов СССР был раскритикован за отстаивание независимости профсоюзов от партийно-государственного аппарата.

рата и обвинен в «правом уклоне». На II пленуме ВЦСПС (май—июнь 1929 г.) снят с поста председателя ВЦСПС. В 1929 г. — председатель Всесоюзного объединения химической промышленности, заместитель председателя ВСНХ, в 1932—1936 гг. — заведующий Объединенным государственным издательством (ОГИЗ). Покончил жизнь самоубийством.

²⁵ *Ежов Н.И.* (1895—1940) — в 1936—1938 гг. нарком внутренних дел СССР.

²⁶ *Жданов А.А.* (1896—1948) — с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. В письме Бухарина имеется в виду созданная по решению Политбюро ЦК комиссия по вопросам изучения истории СССР под председательством Жданова.

²⁷ *Покровский М.Н.* (1868—1932) — историк, академик АН СССР (1929). С 1930 г. член ЦКК ВКП(б). Резко критическая статья Бухарина о Покровском была опубликована в газете «Известия» 27 января 1936 г.

²⁸ *Роллан Ромэн* (1866—1944) — французский писатель, общественный деятель. 29 января 1936 г. в Советском Союзе и других странах отмечалось 70-летие Роллана. Именно эта дата стоит в конце машинописного текста русского перевода его статьи под названием «За неделимый мир» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 80—89). Статья Роллана взывала к тем французским пацифистам, которые по наивности поверили миролюбивым фразам Гитлера, в действительности отвергавшего попытки заключить договор о «неделимом мире» и являвшегося «самым смертельным врагом» европейцев. Роллан выступал за «объединение трех мощных стран» — Франции, Великобритании и СССР в борьбе против опасности «фюреров и дуче». Статья Ромэна Роллана была опубликована в «Известиях» 29 января 1936 г.

²⁹ 10 февраля 1936 г. газета «Правда» впервые за несколько лет выступила с критикой «взглядов Бухарина». В редакционной статье, озаглавленной «Об одной гнилой концепции», говорилось о бухаринской статье («Известия», 21 января), посвященной памяти Ленина, в которой автор писал о России как стране, где «обломовщина» была (такой вывод делала «Правда» из бухаринских размышлений) «универсальной чертой русского характера».

³⁰ Проект заметки в деле отсутствует.

³¹ Речь идет о статье, опубликованной 5 февраля 1936 г. в «Известиях».

Добролюбов Н.А. (1836—1961) — литературный критик, публицист, революционный демократ. Автор статей «Что такое обломовщина?», «Луч света в темном царстве» и др.

³² *Таль Б.М.* (1898—1938) — в 1929—1937 гг. заместитель заведующего Агитпропом ЦК ВКП(б). Репрессирован.

³³ С февраля по апрель 1936 г. по решению Политбюро ЦК советская делегация в составе Бухарина, директора ИМЭЛ В.В.Адоратского (1878—1945), председателя Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) А.Я.Аросева (1890—1938) посетила ряд стран с целью приобретения документов К.Маркса и Ф.Энгельса. Бухарину было разрешено взять с собой молодую беременную жену А.М.Ларину (Лурье) (1914—1996). Бухарин и Аросев посетили Прагу, Вену, Цюрих, в Париже к ним присоединился Адоратский, затем (без Аросева) поехали в Копенгаген. Об этом говорилось в «предварительном отчете», направленном Сталину и Молотову и подписанном Бухариным, Аросевым и Адоратским (написан Бухариным) (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 99—100об.). К этому отчету имеется «Приписка от Бухарина» следующего содержания: «Я в Праге всемерно отбояривался от всяких посещений и т.д. Но меня прямо вызвал (хотя бы как «частное лицо») Бенеш. Меня заставили сделать в закрытом кругу «друзей СССР» доклад. На одном собрании я встретил с.-р. Лазарева, жена которого была большевичкой и у которого я в 1915 г. оставил часть своего заграничного архива, уезжая в Швецию». Бухарин хотел

на которого была большевичкой и у которого я в 1915 г. оставил часть своего заграничного архива, уезжая в Швецию». Бухарин хотел получить свой архив, но оказалось, что «эта старуха умерла, а перед смертью сожгла все мои бумаги, чтобы не достались ее контрревол[юционеру] мужу» (Там же. Л. 100об.). На первой странице этого послания помета: «Мой арх[ив]. Ст[алин]».

³⁴ *Гитлер (Шикльгрубер) Адольф* (1889—1945) — с 1921 г. глава (фюрер) фашистской Национал-социалистической партии Германии, с 1933 г. — рейхсканцлер Германии.

³⁵ *Шахт Яльмар* (1877—1970) — немецкий финансист, в 1930-е гг. — председатель рейхсбанка.

³⁶ Имеется в виду советско-германский договор, заключенный 16 апреля 1922 г. в г. Раппало во время Генуэзской конференции и предусматривавший восстановление дипломатических отношений и торгово-экономических связей, отказ от взаимных претензий.

³⁷ *Бенеш Эдуард* (1884—1948) — в 1918—1935 гг. министр иностранных дел Чехословакии, в 1935—1938 гг. — председатель правительства Чехословакии, министр иностранных дел. В 1938 г. эмигрировал в США.

³⁸ Правильно: *Годжа Милан* (1878—1944) — в 1935—1938 гг. — председатель правительства Чехословакии, министр иностранных дел. В 1938 г. эмигрировал в США.

³⁹ *Бауэр Отто* (1882—1938) — один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала, идеолог австромарксизма.

⁴⁰ *Блюм Леон* (1872—1950) — лидер и теоретик Французской соцпартии. В 1936—1938 гг. глава правительств Народного фронта.

⁴¹ На VII конгрессе Коминтерна (25 июля — 21 августа 1935) обсуждались вопросы борьбы против фашизма.

⁴² *Николаевский Б.И.* (1887—1966) — историк, политический деятель. С декабря 1924 г. по 1931 г. — заграничный представитель Института К.Маркса и Ф.Энгельса, собирал по поручению его директора, Д.Рязанова, документы и печатные издания по истории международного рабочего движения. После осуждения коллективизации и репрессий сталинского режима был лишен в феврале 1932 г. советского гражданства. В 1933 г. вывез из Берлина в Париж архив СДПГ, переданный затем Международному институту социальной истории в Амстердаме; возглавлял парижское отделение института. В феврале—апреле 1936 г. по поручению меньшевистского руководства вел переговоры с Н.И.Бухариным и другими представителями ВКП(б) о продаже архива К.Маркса. Высказывания Бухарина о борьбе в большевистском руководстве привел (в переработанном виде и не называя его имени) в анонимной статье «Как подготовлялся московский процесс. Из письма старого большевика» (опубл. в декабре 1936 г. — январе 1937 г. в «Социалистическом вестнике», более полно и точно — в 1965 г., в интервью «Бухарин и оппозиция Сталину» (на рус. яз., в «Социалистическом вестнике»).

⁴³ Правильно: Postumus, *Постьюмус Николаас Вильгельмус* (1880—1960) — голландский историк. С 1935 г. — основатель и первый директор Международного института социальной истории в Амстердаме.

⁴⁴ Речь идет о кинофильме советских режиссеров Г.В. и С.Д.Васильевых, снятому в 1934 г. по одноименному роману Д.Фурманова и имевшему большой успех во многих странах мира.

⁴⁵ «Забавная газета», о которой упоминает Бухарин, называлась «Россиянин — пореволюционер. Независимая беспартийная газета»; издавалась в Париже руководящим центром «Российского пореволюционно-патриотического

фронта». Бухарин послал Сталину номер газеты за январь 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 109—110).

⁴⁶ Личность Л. не установлена.

⁴⁷ *Кашен Марсель* (1969—19580 — с 1918 г. директор органа ФКП газеты «Юманите».

⁴⁸ *Эррио Эдуард* (1872—1957) — лидер французской партии радикалов.

⁴⁹ *Бор Нильс Хенрик Давид* (1885—1962) — датский физик, один из создателей современной физики. Лауреат Нобелевской премии (1922 г.). Иностраннный член Академии наук СССР (1929 г.).

⁵⁰ Имеется в виду выступление А. Гитлера после парламентских выборов 29 марта (по мнению многих обозревателей, сфальсифицированных), результаты которых германские фашисты оценили как свою «внушительную победу».

⁵¹ *Гильфердинг Рудольф* (1877—1941) — один из лидеров австрийской и германской социал-демократии и II Интернационала, теоретик австромарксизма.

⁵² *Тальгеймер Август* (1884—1948) — деятель Компартии Германии и Коминтерна. В 1924 г. был обвинен «ультралевыми» в КПГ в оппортунизме, удален с работы в Коминтерне. В 1928 г. создал оппозиционную КПГ.

⁵³ *Кржижановский Г.М.* (1872—1959) — в 1929—1939 гг. вице-президент АН СССР. В 1930—1932 гг. председатель Главэнерго, с 1930 г. — директор Энергетического института АН СССР.

⁵⁴ *Горбунов Н.П.* (1892—1937) — советский государственный деятель, химик. С 1935 г. — непреременный секретарь АН СССР.

⁵⁵ По всей видимости, Сталин «дал ход» бухаринскому письму, направив его в президиум Академии наук. 14 июня Бухарин послал Сталину и Молотову копию своего ответа Кржижановскому и Горбунову (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 125—131). Он выразил «крайнее изумление» письмом Горбунова, в котором тот не ответил на основной вопрос — о «самоуправстве», т.е. о том, почему вопросы Института истории науки и техники, в том числе кадровые, решались президиумом Академии наук без участия его директора, т.е. Бухарина. Тем более, что, по словам Бухарина, «партия меня послала тоже в этот президиум».

Бухаринское письмо выражено в резких тонах: «Троцкистов нужно душить всеми способами, и я не меньше вашего в этом заинтересован. Я нисколько не исключаю, что — раз вскрыта столь далеко идущая конспирация и столь глубокое двурушничество — возможны и дальнейшие всякие неожиданности. Ни за кого нельзя ручаться. Но из этого не следует, что не нужно добросовестно и тщательно изучать дело (Там же. Л. 128). Бухарин подчеркивал, что он «ни одной минуты не возражал против чистки, даже не зная еще всей серьезности причин, обусловивших арест указанных лиц» сотрудников Института, он не требует обязательного своего участия, как руководителя научного учреждения, во всех разбирательствах (Там же. Л. 128—129).

Особое возмущение Бухарина вызвало то обстоятельство, что «т. Горбунов 23.V велел собрать общее собрание сотрудников, на котором был прочитан приказ Горбунова (!), объявлявший о ликвидации ин[ститу]та с 23 мая, об увольнении всех сотрудников с выплатой двухнед[ельного] пособия и организации ликвидкома. 25.V было вывешено распоряжение об увольнении не с 23.V, а с 7.VI со ссылкой на тот же приказ» (Там же. Л. 130). Все эти вопросы решались президиумом Академии наук без какого-либо участия директора Института и члена этого же президиума Бухарина. Ложными оказались слухи о переводе Института истории науки и техники из Ленинграда в Москву.

⁵⁶ *Зворыкин А.А.* — в 1937 г. — заместитель директора Института истории науки и техники.

⁵⁷ *Орджоникидзе Г.К.* (1886—1937) — с 1930 г. председатель ВСНХ, с 1932 г. — нарком тяжелой промышленности. Покончил жизнь самоубийством.

⁵⁸ *Киров (Костриков) С.М.* (1886—1934) — с 1926 г. первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) и горкома ВКП(б) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) и одновременно в 1934 г. — секретарь ЦК ВКП(б). Убит 1 декабря 1934 г. в Ленинграде, в Смольном.

⁵⁹ *Каганович Л.М.* (1893—1991) — в 1928—1939 гг. секретарь ЦК ВКП(б). В 1930—1935 гг. первый секретарь МК ВКП(б). В 1934—1935 гг. — председатель КПК при ЦК ВКП(б) и заведующий отделом ЦК ВКП(б).

⁶⁰ Н.И.Бухарин был редактор журнала «Архив истории науки и техники».

⁶¹ *Двинский Б.А.* (1894—1973) — в 1928—1930 гг. помощник И.В.Сталина, с 1930 г. — заместитель заведующего секретным отделом, с 1934 г. — особым сектором ЦК ВКП(б). С 1937 г. — секретарь Ростовского обкома партии.

⁶² Имеется в виду журнал «Социалистическая реконструкция и наука» («Со- рена»).

⁶³ *Андреев А.А.* (1895—1971) — в 1930 г. председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ и заместитель председателя совнаркома СССР, в 1931—1935 гг. — нарком путей сообщения, в 1935—1946 гг. — секретарь ЦК ВКП(б).

⁶⁴ *Куликов Е.Ф.* (1891—1937) — в 1927 г. ответственный секретарь Замоскворецкого райкома партии Москвы, с 1928 г. работал в Центросоюзе. Репрессирован.

⁶⁵ Имеется в виду письмо Н.И.Бухарина, адресованное членам открывшегося 25 февраля и завершившего работу 5 марта 1937 г. пленума ЦК ВКП(б) (потому получившего название «февральско-мартовский») (РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 5. Л. 128—166).

⁶⁶ Имеется в виду жена Г.К.Орджоникидзе — З.Г.Орджоникидзе (1894—1960).

⁶⁷ Имеется в виду *К.Е.Ворошилов* (1881—1969) — в 1934—1940 гг. нарком обороны СССР.

⁶⁸ *Микоян А.И.* (1895—1978) — с 1930 г. нарком снабжения СССР, в 1934—1938 гг. нарком пищевой промышленности СССР.

⁶⁹ *Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — немецкий философ.

⁷⁰ *Наполеон Бонапарт* (1769—1821) — французский император в 1804—1814 гг. и в марте—апреле 1815 г.

⁷¹ *Астров В.Н.* (1898—?) — в 1920—1930-е гг. преподаватель истории ВКП(б) и СССР в Коммунистической академии и других вузах Москвы. За участие в «контрреволюционных организациях правых» в 1933 г. исключен из ВКП(б). В 1934—1936 гг. — преподаватель истории СССР в вузах Воронежа. В последующие годы работал в Соцэкгизе в Москве.

«И ДО КОНЦА ЧИСТА ИХ СОВЕСТЬ...»

К 30-летию полета космического корабля «Союз-11». 1971 г.

История развития отечественной космонавтики включает в себя множество знаменательных событий, широко известных во всем мире и ярко освещенных как в российской, так и в зарубежной прессе. Это и запуск первого искусственного спутника Земли, и первый полет человека в космос, и международный полет «Союз-Аполлон» и многое другое. Но есть в ней события и даты, о которых известно не так уж много. Одно из таких событий — полет космического корабля «Союз-11», закончившийся трагической гибелью экипажа. Произошло это 30 июня 1971 г.

19 апреля 1971 г. на околоземную орбиту была выведена первая орбитальная станция «Салют», рассчитанная на долговременное пребывание на ней космонавтов. Первыми «жителями» станции должны были стать члены экипажа космического корабля «Союз-10» В.А.Шаталов, А.С.Елисеев и Н.Н.Рукавишников. Но когда 24 апреля «Союз-10» подошел к орбитальной станции (ОС), космонавтам не удалось перейти на борт станции из-за технических неполадок в стыковочном узле. Была подготовлена вторая экспедиция на «Салют». В состав экипажа космического корабля «Союз-11» входили А.А.Леонов, В.Н.Кубасов и П.И.Колодин. Однако уже на Байконуре по результатам заключительных медицинских исследований В.Н.Кубасова сняли с полета. Государственной комиссией было принято решение отправить на «Союзе-11» экипаж дублеров основного состава: в качестве командира корабля Г.Т.Добровольского, бортинженера В.Н. Волкова и космонавта-исследователя В.И.Пацаева.

Георгий Тимофеевич Добровольский родился 1 июня 1928 года в г. Одессе. «Веселый Жора-одессит» — так его называли в отряде. В его манере держаться, шутить, мягком говоре и даже в имени — Жора — был тот самый особый одесский колорит, который отличает одесситов от всех других горожан мира. С детства он очень любил море. Но еще больше — небо. Не поступив в Одесскую мореходку, окончил в 1946 г. 10 классов спецшколы Военно-воздушных сил (ВВС) г. Одессы, а затем, в 1950 г., Чугуевское военно-авиационное училище летчиков. Служил в истребительных летных полках, заочно окончил Военно-воздушную академию (ныне им. Ю.А.Гагарина), был политработником и продолжал летать. В 1961 г. назначен начальником политотдела, заместителем командира по политической части 43-го отдельного авиационного полка истребителей-бомбардировщиков (АПИБ) 30-й Воздушной армии Прибалтийского военного округа. В 1962 г. был признан одним из лучших командиров авиазвена. В отряд космонавтов зачислен 10 января 1963 г.

Владислав Николаевич Волков родился 23 ноября 1935 г. в Москве. С детства мечтал стать летчиком, но по совету дяди, брата матери, решил сначала «освоить науку». В 1959 г. окончил Московский авиационный институт (МАИ) по специальности «инженер-электромеханик по АРУС». После окончания института его направили на работу в ОКБ-1 (п/я 651). Став инженером, он окончил Коломенский аэроклуб по курсу летчика-спортсмена на самолете ЯК-18А. Внешне был всегда спокоен, но за этим спокойствием скрывалась неукротимая русская

натура. Веселый, живой, он любил песню и пляску, крепкую шутку и риск. Поначалу мог показаться озорным хитрецом, любителем острых ощущений. Но впечатление это было обманчивым. Мечта испытывать космические корабли не оставляла Вадима (как его называли друзья) всю жизнь. 27 мая 1968 г. он был зачислен в отряд космонавтов. Первый полет, продолжавшийся 4 сут. 22 ч. 40 мин. 23 с. он совершил 12—17 октября 1969 г. в качестве бортинженера КК «Союз-7» вместе с А. Филиппенко и В. Горбатко.

Виктор Иванович Пацаев родился 19 июня 1933 г. в г. Актюбинске Казахской ССР. Он первым из космонавтов отпраздновал в космосе день рождения — 19 июня 1971 г. на борту орбитальной станции «Салют» ему исполнилось 38 лет. В 1955 г. окончил Пензенский индустриальный институт (ПИИ) по специальности «Приборы точной механики». В студенческие годы увлекался спортом — лыжами, велосипедом, стрельбой, фехтованием. С детства любил литературу, зачитывался Джеком Лондоном, знал наизусть многое из Лермонтова. Из учебных дисциплин отдавал предпочтение физике и математике. По окончании института был направлен на работу в Центральную аэрологическую обсерваторию, из обсерватории перешел в КБ, возглавляемое С.П.Королевым. Работая там, принял решение стать космонавтом. В отряд космонавтов зачислен 27 мая 1968 г. В Звездном прошел курс космической подготовки, изучил конструкцию и работу систем корабля «Союз» и орбитальной станции «Салют», приобрел практические навыки по выполнению научно-технических экспериментов. «Спокойная увлеченность», — говорил о нем В.Н.Волков, желая подчеркнуть, с одной стороны, влюбленность Виктора в свое дело, а с другой — его уравновешенность.

6 июня 1971 г. в 7 часов 55 минут по московскому времени «Союз-11» взял старт и 7 июня в 10 часов 45 минут космонавты блестяще выполнили стыковку корабля с научной станцией «Салют», став первыми обитателями «звездного дома». Их полет длился 23 дня 18 часов 21 минуту 43 секунды. Экипажем был выполнен большой объем научных исследований и экспериментов, внесших весомый вклад в решение комплекса фундаментальных проблем в области астрофизики, космической медицины, биологии. Особая роль отводилась медицинским экспериментам. Это был первый полет научной станции с мощным комплексом современной техники на борту. С борта «Салюта» космонавты фотографировали и спектрографировали земную поверхность и атмосферу, исследовали территорию страны с целью уточнения топографических карт, определения эрозии почв и выявления геологических структур, перспективных для поисков полезных ископаемых.

Экипаж испытывал разнообразные трудности. Это было и преодоление неправильно составленного режима дня (у каждого космонавта были свои «типичные сутки»), и достижение слаженности и продуктивности в работе с наземными службами и многое другое. На борту станции случались нештатные ситуации, проявлявшиеся в поломках оборудования, возгорании материалов, психологической несовместимости экипажа, обнаружившейся только в условиях космоса. Несмотря на это, программа полета была полностью выполнена. 29 июня 1971 г. в 21 час 28 минут произошла расстыковка и корабль «Союз-11» отошел от орбитальной станции. В 1 час 35 минут 30 июня включилась тормозная установка, проработавшая расчетное время, раскрылся парашют, сработали двигатели мягкой посадки.

Их уже ждали на Земле... Спускаемый аппарат плавно приземлился в заданном районе, группа поиска открыла люк... они, все трое, были уже за гранью вечности. В это было трудно, почти невозможно поверить. Врачи, входившие в группу спасателей, пытались что-то предпринять, делали космонавтам искусственное дыхание — но безуспешно. Этот момент, полный драматизма и отчаяния, запечатленный в кинодокументах, находящихся на хранении в

Российском государственном архиве научно-технической документации (РГАНТД), до сих пор производит сильное эмоциональное воздействие на зрителей.

Причины катастрофы были впоследствии установлены. В момент отделения спускаемого аппарата от корабля, перед входом в плотные слои атмосферы, за 30 минут до посадки, произошла внезапная разгерметизация кабины из-за преждевременного срабатывания пиропатрона в вентиляционном клапане спускаемого аппарата. Это был последний экипаж, не использовавший скафандры во время взлета и спуска на Землю.

Наряду с вышеупомянутыми кинодокументами (арх. № 1511), РГАНТД располагает целым рядом разнообразных материалов, освещающих историю трагической гибели экипажа «Союза-11». В канун 30-летия со дня этого события в журнале «Исторический архив» публикуется выступление жены космонавта-исследователя В.И.Пацаева Веры Александровны Пацаевой, фонозапись которого была сделана в г. Житомире на конференции «Человек и космос» 14 мая 1991 г. Хотя со дня ее выступления прошло 10 лет, оно не потеряло актуальности и сегодня. «Загадки» же этого полета, разъясненные Верой Александровной в ее докладе, еще долго будут тревожить умы научной общественности, сколько бы ни прошло лет. Имена членов экипажа «Союз-11» навсегда останутся в наших сердцах. В траурные дни лета 1971 г. поэт Расул Гамзатов написал стихотворение «Доблесть», в котором есть такие строки:

Беда предстала мне воочию,
И слезы скорби навернулись,
Когда они на землю отчую
Все трое мертвыми вернулись.
Вошли в пределы вечной повести,
И до конца чиста их совесть,
И доблесть не скрывает горести,
Ко взлетам будущим готовясь.

Публикацию подготовили Е.Ю.БАШИЛОВА и Т.А.ГОЛОВКИНА.

**Доклад кандидата физико-математических наук,
старшего научного сотрудника НПО «Энергия» В.А.Пацаевой
«Страницы истории. 20 лет полета орбитальной станции «Салют-1»^а**

г. Житомир

14 мая 1991 г.^б

Я благодарю от всего сердца организаторов конференции за то, что имею возможность вспомнить о том, что, наряду с 30-летием полета Юрия Алексеевича Гагарина, в этом году в июне месяце мы отмечаем 20 лет со дня полета первой орбитальной станции. Эта дата в истории космонавтики занимает особое место. Наша отечественная космонавтика, да и мировая космонавтика, считает первую ОС и последующее за ней двадцатилетие работы в космосе десяти ОС одним из важнейших этапов развития мировой космонавтики. Поэтому мне кажется очень важным сейчас рассказать не только о значении этого полета. Мы все

^а Заголовок документа.

^б Дата записи.

помним, как этот полет был воспринят мировой общественностью. После полета первого ОС в космосе побывало 10 советских ОС, о трех из них не писали. Писали американцы, японцы, англичане, это отмечено во всех энциклопедиях мировой космонавтики. Но отечественная пресса об этом не писала, потому что это было связано с неудачей либо на старте, либо в космосе. Также, как и история полета первой ОС, несмотря на такой триумфальный успех испытания этой станции, на то, что она дала дорогу в космос следующим «Салютам». Однако гибель космонавтов во время возвращения из космоса привела к тому, что об экипаже этой станции, об истории его гибели писали очень мало.

Готовясь к этому докладу, я пересматривала зарубежную прессу и столкнулась с некоторыми высказываниями американских историков. Американский историк пишет, что о полете первой ОС в Советском Союзе была издана одна единственная книга¹, на обложке которой изображены трое улыбающихся космонавтов у тренажера «Союза-6», то есть не того корабля, на котором они летали, и что вообще для Советского Союза характерно стремление преподнести информацию о работе в космосе исключительно как об успехе, а о трагедии космонавтов нигде не пишется. Это высказывание отражает состояние нашей прессы, нашей истории до последних лет, и только буквально год-два назад стали появляться в печати интересные статьи, действительно по документам пилотируемых полетов, связанных с авариями и неудачами. В своем докладе я постараюсь рассказать о полете первой ОС, о тех загадках, которые для историков космонавтики до сих пор не разгаданы. Ответить на некоторые из них я постараюсь в своем докладе.

Мы должны отметить, что за эти двадцать лет мы, слава Богу, работаем в космосе без аварий и катастроф, но все же надо отдать должное экипажу первой орбитальной станции. После этой трагедии произошла очень существенная переработка компоновки корабля «Союз»: введены скафандры новой конструкции, которые были испытаны на корабле «Союз-13», и принято много других мер безопасности для полета экипажей.

Но здесь есть один нравственный аспект, и прежде чем объяснить некоторые загадки первой орбитальной станции, я остановлюсь на нем. Именно этот аспект и заставил меня сейчас поднять вопрос о значении полета первой ОС и рассказать о ее загадках.

Так как здесь большинство присутствующих — музейные работники, для которых главное не только техника — она великолепна, замечательна, имеет большой коммерческий успех и является примером для подражания, — большое, колоссальное значение имеют люди, которые работают на наших пилотируемых кораблях и станциях. И дело не в том, чтобы прибавлять лавры нашим летавшим космонавтам, достойным звания героев, которые присуждает им страна, а в том, чтобы все же достойно помнить и помянуть добрым словом тех людей, которых нет, которые своим трудом способствовали совершенствованию этой техники.

Недавно, год назад, я прочла, и все вы читали в «Огоньке» беседу академика Василия Павловича Мишина² с корреспондентом этого жур-

нала — научным сотрудником Института естествознания и техники Солюхутдиновым о причинах гибели экипажа «Союз-11». Василий Павлович еще до этого, в октябре 1989 г., беседовал с корреспондентом газеты «Правда» Тарасовым, тоже отвечал на вопросы о причинах гибели экипажа. Собственно говоря, это первая публикация у нас в Союзе о причинах разгерметизации корабля и гибели экипажа. Василий Павлович был и остается другом нашей семьи. Он очень много сделал для семей погибших космонавтов как человек, будучи в то время главным конструктором КБ Королева³. У нас были всегда прекрасные отношения. Но, отстаивая верность своей конструкторской концепции, конструкторского замысла «Союза-11», он, как и большинство конструкторов, как мне потом объяснили летчики-испытатели, всю вину за гибель экипажа возлагает на сам экипаж. И вот там была такая фраза — вы, возможно, и не обратили внимания на нее, а для меня был просто шок какой-то, удар. Он говорит: «Аварию можно было предотвратить. Космонавты то ли растерялись, то ли недостаточно были подготовлены. Дыру можно было закрыть пальцем». Потом, однако, он пишет: «Правда, они в конце концов поняли, в чем причина аварии. Виктор Иванович Пацаев успел отстегнуть ремни, но не успел закрыть это отверстие, там была система ручной защиты, которой они могли воспользоваться, но не воспользовались. И вот они погибли».

Так вот, хотя у меня и до этого был собран большой документальный материал по истории полета первой ОС и по тем архивным документам, которые находятся в НПО «Энергия» и представляют собой материалы работы комиссии по выяснению причин аварии, я все же проделала такую работу: взяла интервью человек у двадцати — сотрудников КБ Королева, включая конструкторов, в том числе Константина Петровича Феокистова⁴ и некоторых наших других разработчиков и проектантов. Взяла интервью у наших космонавтов — тех, кто дублировал экипаж, был на связи с экипажем и перед полетом проводил проверку соответствия инструкции техническим документам на корабле.

Так что сейчас, в своем небольшом сообщении, я постараюсь раскрыть загадки этой первой орбитальной станции с учетом своего интервью.

Суть в том, что все претензии к экипажу несостоятельны. Ни в заключении этой комиссии, ни в тех актах, которые были составлены, нет материалов о том, что экипаж был либо плохо подготовлен, либо не смог воспользоваться ручной защитой.

Коротко все сводится к следующему. Н.Н.Рукавишников⁵, как дублиер экипажа, участвовал в моделировании спуска. Та система ручной защиты, о которой говорит главный конструктор, проверялась: уточнялось, сколько нужно времени, чтобы ею воспользоваться при такой аварии, которая случилась с дыхательной системой вентиляции в самом корабле. Поскольку эта авария вышибла клапан на высоте 180 км в тот момент, когда произошло разделение отсеков, космонавты сидели в креслах, привязанные ремнями, и они сразу же по сигналу сирены, предупреждающей об аварии, и по свисту воздуха определили причину аварии. Но для того, чтобы воспользоваться системой ручной защиты, им

надо было отстегнуть ремни, встать и закрутить вентиль ручной системы защиты, который находился над креслом командира. Сейчас он находится рядом с пультом управления и совсем другая система его закрытия, а им надо было сделать порядка тридцати вращений. По тому акту, который находится в деле комиссии, производилось много проверок, сам Рукавишников участвовал в этих проверках. Оказалось, что для проведения этой операции: встать, отстегнуть ремни и закрутить этот вентиль нужно около 30 сек. По диаграмме и барограмме, содержащихся в деле, воздух из кабины истекал достаточно быстро, отверстие было большое, и по истечении 15 сек. космонавты потеряли сознание. О том, что они пытались это сделать, тоже зафиксировано в акте. Ремни были отстегнуты у Добровольского и Пацаева, и огромный синяк на лице Пацаева, о котором пишут американские корреспонденты, но молчит наша пресса — хотя это действительно было: когда мы прощались с космонавтами, я все это видела — он говорит о том, что поскольку спуск происходил в положении, когда ремни были отстегнуты, то космонавт ударился лицом о пульт.

Извините за такое краткое документальное отступление. Документы я передаю музею, они будут находиться в Музее мемориальной космонавтики, с них снят гриф «секретно» в этом году.

Прошу прощения за такое отступление, оно связано с выступлением в печати нашего главного конструктора, оно вызвало очень бурную реакцию, однако в защиту наших космонавтов никто не выступил, а мне, как близкому человеку, приходится об этом говорить. Мое выступление должно было начаться не с этого. Я немного увлеклась эмоционально. Теперь о загадках первой орбитальной станции, о которых пишут американские историки и которые до сих пор не освещены подробно.

Первая загадка связана с тем, что вообще первая орбитальная станция «Салют», конечно, создавалась не за год и не на год два месяца, как пишут в своих воспоминаниях наши замечательные космонавты, есть книга К.П.Феоктистова, где он об этом говорит. Конечно, все началось не с конца 1969 г. и не с марта 1970 г., как он говорит в своей книге. Это была военная станция — орбитальная станция «Алмаз», разработанная в КБ Челомея⁶, и только транспортный корабль «Союз» был разработан в КБ Королева. Из политических соображений — вы тоже хорошо знаете историю космонавтики — в июле 1969 г. произошла высадка американцев на Луну. Мы тоже готовились к такой лунной программе, но неудача с нашим тяжелым носителем и с тем, что дальнейшее развитие пилотируемой лунной программы не имело смысла, привели к тому, что в конце 1969 г. состоялось совещание главных конструкторов, где присутствовал и директор завода Хруничева⁷ и где по инициативе Устинова⁸ была создана вот такая кооперация по использованию задела орбитальной станции «Алмаз» и передаче этой готовой станции под кураторство Королева⁹... В общем, это очень сложный период, я сейчас не буду о нем говорить, потому что интереснее об этом расскажет докладчик из КБ Челомея.

Прогулка по степи в окрестностях космодрома Байконур.
Июнь 1971 г. *Авт. А.Пушкарев*

В.Н.Волков, Г.Т.Добровольский, В.И.Пацаев отвечают на вопросы журналистов.
Байконур. Июнь 1971 г. *Авт. Н.Акимов*

Экипаж прощается с провожающими перед посадкой в КК «Союз-11». Байконур. Июнь 1971 г.

Ракета-носитель с КК «Союз-11» перед стартом. Байконур. Июнь 1971 г. *Авт. А.Моклецов*

Так вот, начало первой загадки — почему об этом не говорилось. Экипажи первой орбитальной станции «Салют» были сформированы из тех экипажей, которые готовились по пилотируемой лунной программе. О них тоже ничего не писали. Программа первой орбитальной станции состояла из трех этапов работы: первый этап — это первая экспедиция на орбитальную станцию «Салют» продолжительностью три недели. Первый экипаж состоял из командира космического корабля Шаталова¹⁰, бортинженера Елисеева¹¹ и космонавта-исследователя Рукавишников. Первый экипаж стартовал к орбитальной станции 24 апреля 1971 г., и 25 апреля была предпринята попытка стыковки. Механическая стыковка была. Была очень большая скорость сближения, раскачивания двух объектов. Это все есть в материалах радиопереговоров, сейчас они открыты, и все тоже передается в музей. На большой скорости сближения объектов амортизационное устройство сработало плохо, поэтому стягивания — такого, чтобы был электрический контакт, — не произошло. Сцепление сработало, механические замки закрылись, а электрического контакта не было. Пять часов они летали вместе с орбитальной станцией, делая попытки все же сблизиться настолько, чтобы на табло загорелся знак «стыковка есть». Сделать это так и не удалось, и после израсходования топлива на все эти маневры, связанные со сближением, — два раза повторялась такая стыковка — была дана команда на посадку, поскольку если нет топлива на дополнительные маневры, на коррекцию орбиты, — это безвыходное положение. Корабль сел 26 апреля. Американские и другие зарубежные агентства, конечно, не поверили тому сообщению ТАСС, которое появилось после посадки «Союза-10», где мы написали, что была проверка стыковочного узла, и экипаж сел. Они написали о том, что посадка была неожиданная, она произошла ночью, есть определенные неполадки, о которых советское правительство не пишет.

Сорвалась первая экспедиция. Это было большой трагедией для всего коллектива: и для КБ Королева, и для завода Хруничева, и, конечно, для отряда космонавтов.

Следующий, второй состав экспедиции, состоял из командира корабля А.А.Леонова¹², бортинженера В.Н.Кубасова¹³ и космонавта-исследователя П.И.Колодина¹⁴ (его имя до недавнего времени в истории космонавтики не упоминалось, сейчас уже упоминается).

После доработки стыковочного механизма, т.е. усиления механизма сцепления, корабль «Союз-11» прибыл на космодром в МИК, где было два экипажа — основной второй экипаж и дублиеры: командир Г.Т.Добровольский, бортинженер В.Н.Волков, космонавт-исследователь В.И.Пацаев. Вторая экспедиция, поскольку первая не удалась, должна была пробыть в космосе чуть больше трех недель, а следующая за ними экспедиция, на которую планировались дублиеры, — месяц.

4 июня 1971 г. на заседании Госкомиссии выяснилось, что у Кубасова аллергическое заболевание — затемнение в легких и он не может по состоянию здоровья быть допущен к космическому полету. В этом случае, когда замена экипажа происходит непосредственно на полигоне, меняется весь экипаж, и тогда Госкомиссия выносит решение: «Основной экипаж заменить дублерами». Так 4 июня было принято решение, и в космос полетел экипаж дублеров.

По свидетельству очевидцев, которые были на космодроме, по результатам сдачи экзаменов и по воспоминаниям космонавтов, экипаж дублеров был подготовлен не хуже основного. В составе экипажа дублеров было два инженера из КБ Королева — В.Н.Волков и В.И.Пацаев. Оба они проработали на предприятии больше пятнадцати лет, со времени запуска первого ИСЗ, причем, В.Н.Волков работал в службе главного конструктора, был ведущим по «Союзам», а В.И.Пацаев занимался системами станции «Салют». Это были испытатели тех объектов, которые они сами создавали, поэтому говорить о незнании ими систем никому из Госкомиссии по выяснению причин аварии и в голову не приходило.

Итак, старт состоялся 6 июня 1971 г., 7 июня произошла стыковка космического корабля «Союз-11» с орбитальной станцией «Салют». Стыковка произошла блестяще, открылись люки орбитальной станции, и экипаж перешел в нее. Программа испытаний первой орбитальной станции была выполнена полностью, несмотря на все возникающие трудности. А трудности были невероятные. На первой орбитальной станции, упоминания об этом в прессе появляются только сейчас, не открылась крышка люка научной аппаратуры, там находился солнечный телескоп, к работе с которым космонавты долго готовились, а также огромная масса другой спектральной аппаратуры по изучению атмосферы и характеристик Земли. Значительная часть научных экспериментов не могла быть выполнена, но была другая аппаратура. На орбитальной станции была первая астрофизическая обсерватория «Орион». Там стоял телескоп конструкции Бюроканской астрофизической обсерватории¹⁵, была выполнена огромная программа астрофизических экспериментов, получены спектрограммы ряда звезд, в том числе Веги в созвездии. Результаты были высоко оценены международной научной общественностью, кроме того, был предпринят очень интересный эксперимент по изучению электронного резонанса в верхней атмосфере с установкой «Эра» конструкции КБ Королева, который дал высокоточные результаты. С одной стороны, были блестяще проведены технические испытания этой станции, с другой — огромный цикл медико-биологических экспериментов. Когда Армстронг¹⁶ приезжал на похороны космонавтов, у американских врачей было такое мнение, что космонавты погибли от плохого перенесения организмом барьера перехода от невесомости к земной среде, поскольку это был первый в мире долговременный орбитальный полет.

Я рассказала о второй загадке первой орбитальной станции, а о третьей я сказала в самом начале — это причина гибели экипажа.

Не желая заканчивать свой доклад на такой пессимистической ноте, хочу сказать, что мы сделали прекрасную станцию и сейчас продолжаем работать с этими орбитальными станциями. Хочу пожелать нашим космонавтам и всем, кто связан с нашими космическими исследованиями, успеха. А всем, собравшимся здесь, хочу пожелать воспитывать наших людей в интересе к космонавтике и в памяти к тем, кто отдал жизни за успех нашей космонавтики. Спасибо за внимание.

Примечания

¹ Имеется в виду книга «"Салют" на орбите». Коллектив авторов. М., 1973. 160 с.

² *Мишин В.П.* (р. 18 января 1917 г.) — ученый в области механики, физико-механических проблем энергетики, проектирования, сложных ракетно-космических систем. Доктор технических наук (1956), профессор (1959), академик РАН (1966), почетный член Академии космонавтики им. К.Э.Циолковского (1992), действительный член Академии инженерных наук, академик Общественной академии наук и знаний России. Герой Социалистического Труда (1956).

³ КБ Королева — основано в 1946 г. Носило названия: Опытное конструкторское бюро-1 (ОКБ-1), Центральное конструкторское бюро экспериментального машиностроения (ЦКБЭМ), Научно-производственное объединение «Энергия» им. академика С.П. Королева (НПО «Энергия»), с 1994 г. Ракетно-космическая корпорация (РКК «Энергия»).

⁴ *Феоктистов К.П.* (р. 7 февраля 1926 г. в Воронеже). Окончил МВТУ им. Н.Э.Баумана (1949). Летчик-космонавт СССР. Герой Советского Союза (1964). Доктор технических наук (1967), профессор (1969). В отряде космонавтов с 1964 г. 12—13 октября 1964 г. совместно с В.М. Комаровым (командир корабля) и Б.Б.Егоровым (врач) совершил полет на КК «Восход» в качестве научного сотрудника. Полет продолжался 1 сутки 17 мин. 3 с. Лауреат Ленинской (1966) и Государственной (1976) премий.

⁵ *Рукавишников Н.Н.* (р. 18 сентября 1932 г. в Томске). Окончил ММИ (ныне МИФИ) (1957). Летчик-космонавт СССР. Дважды Герой Советского Союза. Кандидат технических наук (1980). В отряде космонавтов с 1967 г. 23—25 апреля 1971 г. совершил полет в качестве космонавта-испытателя КК «Союз-10» по программе первой экспедиции на ДОС-1 («Салют») вместе В.Шаталовым и А.Елисеевым. Полет продолжался 1 сутки 23 ч. 45 мин. 54 с.

⁶ *Челомей В.Н.* (1914—1984) — советский ученый в области механики и процессов управления. В 1937 г. окончил Киевский авиационный институт, член-корреспондент АН СССР (1958), академик АН СССР (1962), дважды Герой Социалистического Труда. Основные труды по конструкции и динамике машин, теории колебаний, динамической устойчивости упругих систем, теории сервомеханизмов. С 1952 г. профессор МВТУ им. Н.Э.Баумана.

⁷ Завод им. М.В.Хруничева — крупнейший производитель авиационной и ракетно-космической техники. 7 июня 1993 г. на базе завода и КБ «Салют» образован Государственный космический научно-производственный центр им. М.В.Хруничева.

⁸ *Устинов Д.Ф.* (1908—1984) — видный советский партийный, государственный и военный деятель, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, дважды Герой Социалистического Труда. В годы Великой Отечественной войны — нарком вооружения СССР; министр вооружения (1946—1953), министр оборонной промышленности (1953—1957), заместитель, 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР (1957—1965). С апреля 1976 г. министр обороны СССР.

⁹ *Королев С.П.* (1907—1966) — советский ученый и конструктор в области ракетостроения и космонавтики, главный конструктор первых ракет-носителей, ИСЗ, основоположник практической космонавтики.

¹⁰ *Шаталов В.А.* (р. 8 декабря 1927 г. в Петропавловске Северо-Казахстанской обл. Казахской ССР). Окончил Качинское Краснознаменное ВАУЛ им. А.Ф.Мясникова (1949), Краснознаменную Военно-воздушную акаде-

мию (КВВА) ВС СССР (ныне им. Ю.А.Гагарина). Летчик-космонавт СССР. Дважды Герой Советского Союза. В отряде космонавтов с 1963 г. Первый полет — 14—17 января 1969 г. в качестве командира КК «Союз-4». Полет продолжался 2 сут. 23 час. 20 мин. 47 с. Второй полет — 13—18 октября 1969 г. в качестве командира экипажа КК «Союз-8» (вместе с А.Елисеевым) и командира группы кораблей «Союз-6/7/8». Полет продолжался 4 сут. 22 ч. 50 мин. 49 с. Третий полет — 23—25 апреля 1971 г. в качестве командира КК «Союз-10» вместе с А.Елисеевым и Н.Рукавишниковым.

¹¹ *Елисеев А.С.* (р. 13 июля 1934 г. в г. Жиздра Калужской обл.). Окончил МВТУ им. Н.Э.Баумана (1957), аспирантуру МФТИ (1962). Летчик-космонавт СССР. Дважды Герой Советского Союза. В отряде космонавтов с 1964 г. Первый полет — 15—17 января 1969 г. на КК «Союз-5/Союз-4» в качестве бортиженера (старт вместе с Б.Волыновым и Е.Хруновым). Полет продолжался 1 сут. 23 ч. 45 мин. 45 с. Второй полет — 13—18 октября 1969 г. в качестве бортиженера «Союз-8» по программе группового полета «Союз-6/7/8». Полет продолжался 4 сут. 22 ч. 50 мин. 49 с. Третий полет — 23—25 апреля 1971 г. в качестве бортиженера КК «Союз-10» вместе с В.Шаталовым и Н.Рукавишниковым. Полет продолжался 1 сут. 23 ч. 45 мин. 54 с. Лауреат Государственной премии СССР (1980).

¹² *Леонов А.А.* (р. 30 мая 1934 г., село Листвянка Тисульского р-на Кемеровской обл.). Окончил Чугуевское ВАУЛ (1957), ВВИА им Н.Е.Жуковского (1968), адъюнктуру при ВВИА им. Н.Е.Жуковского (1981). Летчик-космонавт СССР. Дважды Герой Советского Союза. В отряде космонавтов с 1960 г. Первый полет — 18—19 марта 1965 г. в качестве второго пилота КК «Восход-2» вместе с П.И.Беляевым. В ходе полета совершил первый в мире выход в открытое космическое пространство. Полет продолжался 1 сут. 2 ч. 2 мин. 17 с. Второй полет — 15—21 июля 1975 г. в качестве командира КК «Союз-19» по программе ЭПАС вместе с В.Кубасовым.

¹³ *Кубасов В.Н.* (р. 7 января 1935 г. в г. Вязники Владимирской обл.). Окончил МАИ (1957), аспирантуру ЦК БЭМ (1968). Летчик-космонавт СССР. Дважды Герой Советского Союза. В отряде космонавтов с 1966 г. Первый полет — 11—16 октября 1969 г. в качестве бортиженера КК «Союз-6» вместе с Г.Шоным по программе группового полета «Союз-6/7/8». Полет продолжался 4 сут. 22 ч. 42 мин. 47 с. Второй полет — 15—21 июля 1975 г. в качестве бортиженера КК «Союз-19» по программе ЭПАС вместе с А.А.Леоновым. Полет продолжался 5 сут. 22 ч. 30 мин. 51 с. Третий полет — 26 мая — 3 июня 1980 г. в качестве командира КК «Союз-36» по советско-венгерской программе посещения ОС «Салют-6» вместе с космонавтом ВНР Б.Фаркашем. Полет продолжался 7 сут. 20 ч. 45 мин. 44 с.

¹⁴ *Колодин П.И.* (р. 23 сентября 1930 г., село Ново-Васильевка Ново-Васильевского (Приазовского) р-на Запорожской обл.). Опыта космических полетов не имеет. В отряде космонавтов с 1963 г.

¹⁵ Бюроканская астрономическая обсерватория — построена в 1946 г. недалеко от Еревана Армянской ССР. Основатель — один из крупнейших астрофизиков мира академик В.А. Амбарцумян.

¹⁶ *Армстронг Нил* (р. в 1930 г. в Уапаконете, штат Огайо) — американский астронавт, первый человек, ступивший на Луну. С 1962 г. в группе космонавтов НАСА. 16 марта 1966 г. совместно с Д.Скоттом совершил полет в качестве командира КК «Джемини-8». Полет продолжался 10 ч. 41 мин. 26 с. 16—24 июля 1969 г. совместно с Э.Олдрином и М.Коллинзом на КК «Аполлон-11» в качестве командира корабля совершил первый в истории человечества полет на Луну. Общая продолжительность пребывания на Луне 21 ч. 36 мин. 21 с.

АКАДЕМИК Е.В.ТАРЛЕ И ВЛАСТЬ

Письма историка И.В.Сталину и Г.М.Маленкову.
1937—1950 гг.

В изучении биографии Е.В.Тарле, начатой в середине 60-х годов XX столетия¹, большое значение играет его эпистолярное наследие. В течение своей жизни Евгений Викторович переписывался со многими известными деятелями науки, культуры и искусства. С большинством из них он поддерживал личные дружеские отношения. Корреспонденция Тарле позволила его биографам наиболее полно воспроизвести этапы творческого пути ученого, историю создания крупнейших монографий, показать не только крупного специалиста исторической науки, но и неординарную личность, общественного деятеля, патриота своей Родины. Часть этой, рассредоточенной более чем по 30 фондам архивов и отделов рукописей библиотек Москвы, Ленинграда, Киева, переписки Тарле уже составляла предмет отдельных публикаций². Последние жизнеописания, основанные на документальных источниках из ранее закрытых архивных фондов, приподняли завесу умолчания над некоторыми страницами жизни ученого. Во многом они развенчали сложившиеся в застойные годы представления о Тарле, как исключительно «благополучном» официальном историке, находившимся в полной гармонии с властью предрежущими.

Среди документов, позволивших по-новому взглянуть на неизвестного ранее Тарле, определенное место заняла его официальная переписка. Адресатами маститого академика были не только его единомышленники, соратники и друзья. По разному жизненно важным вопросам Евгению Викторовичу неоднократно приходилось апеллировать в высшие государственные и партийные инстанции. Зачастую это вызывалось необходимостью доказывать свою лояльность к политическому режиму, чтобы избежать причисления к сонму «еретиков».

Письменные обращения Тарле к руководству партии и страны интересны не только с точки зрения иллюстрации нюансов жизненного пути одного из столпов отечественной историографии. В сущности, они являют собой ценнейший материал

¹ См.: Антюхина-Московченко В.И. Ученый-патриот Е.В.Тарле // Новая и новейшая история. 1966. № 4. С. 26—41; Рутенбург В.И. Тарле — ученый и общественный деятель // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 5—17; Троицкий Н.А. Евгений Викторович Тарле. 1875—1955 // Историографический сборник. Саратов, 1977. Вып. 6. С. 3—57; Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977 и др.

² См.: Цыпкина З.М. Два письма Тарле // Французский ежегодник. 1965. М., 1966. С. 282—285; Из писем Е.В.Тарле Е.Л.Ланну и своим ученикам // Проблемы истории международных отношений. М., 1972. С. 79—87; Шумейко М.Ф. Письма Е.В.Тарле В.Я.Богучарскому // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 357—360; Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. М., 1981. С. 164—269; «Это был Евгений Викторович Тарле...». Письма [историка к Л.Е.Белозерской-Булгаковой, 1936—1952 гг.] // Звезда. 1993. № 9. С. 160—170; Каганович Б.С. Письма академика Е.В.Тарле к А.Д.Люблинской // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 153—161.

для изучения условий, определявших магистральные направления развития советской исторической науки с конца 20-х до середины 50-х гг. XX столетия. Извлеченная из фондов различных архивохранилищ, переписка Тарле с руководящими партийными и государственными органами может составить ценную документальную коллекцию, имеющую важное значение для понимания проблемы взаимоотношений научной интеллигенции и власти в тоталитарном государстве.

Письма Евгения Викторовича к И.В.Сталину, М.Н.Покровскому, наркому просвещения В.П.Потемкину, секретарям ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову, М.А.Суслову, А.С.Щербакову стали известны широкой общественности благодаря архивным изысканиям Б.С.Кагановича, Н.А.Троицкого, Е.И.Чапкевича, А.А.Чернобаева и других историков, использовавших официальную переписку Тарле в своих работах³. Три письма Тарле к вождям, недавно опубликованные В.Д.Есаковым⁴, свидетельствовали о наличии скрытых резервов для углубленного изучения этой стороны биографии выдающегося ученого. Продолжая уже вполне сложившуюся традицию, мы публикуем письма Тарле к И.В.Сталину и Г.М.Маленкову. Выносимые на суд читателя документы ныне хранятся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Два письма, написанные Тарле в 1937 г. к Сталину, отложились в единице архивного хранения, озаглавленной «Переписка Сталина И.В. с Тарле Е.В.»⁵. В 1999 г. эта переписка была рассекречена и вместе с комплектом других документов передана в РГАСПИ из Архива Президента РФ. В деле в хронологической последовательности подшито несколько документов. Первый из них — письмо Сталина к Тарле от 30 июня 1937 г. Оно написано по поводу разгромных статей в «Правде» и «Известиях» на первое издание книги Тарле «Наполеон»⁶. Полный текст письма

³ См.: Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н. Предисловие // Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Отв. ред. В.П.Леонов. СПб., 1993. Вып. 1. С. XXXVII; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 83; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. Саратов, 1991. С. 47; Чапкевич Е.И. «Пока из рук не выпало перо...». Жизнь и деятельность академика Е.В.Тарле. М., 1994. С. 153, 167; Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992. С. 207.

⁴ См.: Есаков В.Д. Три письма Е.В.Тарле вождям (1934—1938)// Отечественная история. 1999. № 6. С. 106—111.

⁵ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 807.

⁶ Рецензии были опубликованы одновременно 10 июня 1937 г., однако уже на следующий день, из-за вмешательства Сталина, газеты поместили редакционные опровержения. В письме Сталин предоставлял историку возможность определить форму и место ответной публикации на критические выступления «Правды» и «Известий». Этот исторический сюжет уже обстоятельно изучен в литературе 90-х гг. (См.: Чернецовский Ю. Как Сталин спас Наполеона: Страницы биографии академика Тарле // Советская культура. 1989. 5 декабря; Чапкевич Е. И. Страницы биографии академика Е.В.Тарле // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 47—48; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 43—46; Кен О.Н. «Работа по истории» и стратегия авторитаризма. 1935—1937 // Личность и власть в истории России XIX—XX вв. СПб., 1997. С. 108—117; он же. Между Цезарем и Чингисханом. «Наполеон» Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х гг. // Клио. СПб., 1998. № 3 (6). С. 67—83 и др.).

опубликован Б.С.Кагановичем⁷. Документ вводился в научный оборот по первому экземпляру машинописной копии, подписанной Сталиным и отправленной Тарле⁸. Теперь установлен первоисточник — карандашный автограф сталинского письма⁹. Вместе со вторым экземпляром его машинописной копии он хранится в данном архивном деле.

До настоящего времени оставалось неизвестным, что 6 июля 1937 г. из Ленинграда историк отправил И.В.Сталину ответное, благодарственное письмо. Оно подшито к сталинскому посланию от 30 июня 1937 г. и представляет собой автограф, выполненный чернилами на стандартном листе линованной бумаги¹⁰. Фабула послания объясняет, почему Тарле, несмотря на поддержку, открыто не вступил в полемику со своими рецензентами: покровительство Сталина, столь явно выраженное в письме от 30 июня, делало для него такую дискуссию неактуальной. Ведь протекция вождя давала определенные гарантии личной неприкосновенности и перспективу дальнейшей научной деятельности. В духе своего времени, Тарле пытался закрепить проявленное к нему свыше благосклонное расположение. Отсюда его заверения «с еще большей энергией работать» над выполнением сталинских указаний «касательно преподавательской и исследовательской работы в области истории». Содержащиеся здесь экспрессивно-нелицеприятные характеристики положения дел на историческом «фронте» и «личного состава наших историков» можно объяснить стремлением автора письма усилить внимание адресата к верноподданническим заявлениям. Содержание краткой резолюции Сталина свидетельствует о том, что вождь остался вполне удовлетворенным сделанными Тарле увещеваниями.

Как мы уже упомянули, историк писал не только Сталину, но и другим высокопоставленным партийным чиновникам. Одно из таких посланий Тарле, к Г.М.Маленкову от 18 сентября 1945 г., отложилось в «запасниках» архивных документов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Оно не было заявлено в заголовок архивного дела. По этой причине документ остался незамеченным для ведущих биографов Тарле — Е.И.Чапкевича и Б.С.Кагановича, известных обстоятельной проработкой архивов в ходе создания своих монографий. Наше знакомство с данным источником также оказалось скорее счастливой случайностью, нежели результатом целенаправленных архивных изысканий. Письмо представляет собой автограф, выполненный чернилами на официальном бланке Тарле. Первый лист содержит резолюцию М.А.Суслова.

Письмо историка к секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову связано с критикой известной работы Тарле «Крымская война», прозвучавшей со страниц партийного журнала «Большевик»¹¹. Резкие выпады, допущенные в публикации против научных воззрений ученого, заставили его «искать правды» в вышестоящей инстанции.

В историографии причины критики в адрес «Крымской войны» объяснялись по-разному. В период «застойных лет» этого вопроса касались весьма осторожно, не акцентируя внимания на острых вопросах¹². В середине 90-х гг. сюжет с рецен-

⁷ См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 59.

⁸ Письмо хранится в фонде Е.В.Тарле в Архиве РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 85.

⁹ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 807. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 3—3об.

¹¹ См.: Яковлев Н. О книге Е.В.Тарле «Крымская война» // Большевик. 1945. № 13. С. 63—72.

¹² Так, Е.И.Чапкевич в своей первой монографии о Е.В.Тарле, написанной в 1977 г., критику этой работы в печати связывал только с недостаточным освещением

зированием «Крымской войны» гораздо обстоятельней проанализировал и дополнил Б.С.Каганович. Он особо выделил публикацию «Большевика», связав ее с проводимым в 1944 г. в ЦК ВКП(б) совещанием ведущих советских историков. По мнению исследователя, критической статьёй ЦК партии выразил свое отношение к спору историков, разгоревшемуся на совещании¹³. Правда, достаточно веских доводов в обоснование этой точки зрения не приводилось.

Письмо Тарле Маленкову позволяет более аргументировано прояснить данный вопрос. На особое положение критической рецензии партийного журнала указывает сам факт обращения историка непосредственно в ЦК ВКП(б). Если с предыдущими рецензентами автор «Крымской войны» полемизировал в печати¹⁴, то после публикации в «Большевике» он обращается за разъяснениями непосредственно к секретарю ЦК, курирующему разработку идеологических вопросов партии. В письме сквозит явная озабоченность тем, как партийное руководство оценивает его научную деятельность. Поэтому он спрашивает конкретно: чем является статья, личным ли суждением ее автора, или указанием, что «моя (Тарле — И.Ш.) исследовательская деятельность вообще признается ненужной... доверяют ли мне или нет?». Ясно, будь Тарле уверен, что партийный критик выражает собственную точку зрения, он дал бы ответную публикацию, а не выяснял бы отношения в Центральном Комитете. Письмо академика к Маленкову показывает, что такой уверенности у Евгения Викторовича не было. Скорее всего, ученый подспудно связывал подоплеку журнальной критики с предшествующими дискуссиями на совещании историков в ЦК.

щением в ней русского общественного мнения о войне. О статье в «Большевике» в данном случае вообще не упоминалось. В последующем Чапкевич считал, что критические замечания советских историков в адрес первого издания «Крымской войны» были вызваны отсутствием анализа экономических факторов. При этом статья в «Большевике» была поставлена в один ряд с рецензиями Н.М.Дружинина и А.М.Панкратовой. Чапкевич не обратил внимания, что в партийном журнале рецензировалось не первое, а повторное издание книги и критика по ряду вопросов имела принципиальные отличия от других оппонентов (См.: Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле. С. 104—105; он же. «Пока из рук не выпало перо...». С. 139, 187).

¹³ См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 83—84. Относительно недавно были уточнены сроки проведения указанного совещания — с 1 июня по 8 июля (с перерывами) 1944 г. Из последних публикаций известно, что поводом для его созыва послужила попытка историков переосмыслить внешнюю политику Российской империи в XIX в. В русле новых веяний Тарле ратовал за пересмотр ряда устоявшихся в советской историографии положений. Одним из них Евгений Викторович считал ставший к тому времени классическим вывод Ф.Энгельса о царской России, как жандарме Европы. Кроме того, территориальные приобретения России в XIX в. Тарле расценивал как важнейший фактор победы советского народа над фашистской Германией. Эти и некоторые другие взгляды историка, в том числе и на Крымскую войну, критиковались в ходе завязавшейся на совещании 1944 г. дискуссии (Подробнее о совещании историков и участии в нем Е.В.Тарле см.: Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) / Публ. И.В.Ильиной // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 188—205; Каганович Б.С. Указ. соч. С. 80—83; Чапкевич Е.И. «Пока из рук не выпало перо...». С. 152—153.

¹⁴ См.: Тарле Е.В. О Крымской войне // Исторический журнал. 1945. № 4. С. 112—113; Дружинин Н.М. Основные вопросы истории Крымской войны // Там же. С. 113—120.

Отсюда и постановка вопроса о партийном доверии *вообще*, и, вполне объяснимая, тревога, что его «научной и общественной деятельности, очевидно, отныне будут чиниться препятствия».

Содержание письма раскрывает еще один факт, не упомянутый ни в одном сочинении о творческой деятельности маститого академика. Это касается вопроса об участии Тарле в работе журнала «Вопросы истории». Как видно из письма, ученый являлся одним из организаторов нового периодического издания. Поэтому он, вполне оправданно, видел себя в качестве члена редакционной коллегии. Задержку с избранием в руководящий орган журнала историк связывал с общей позицией ЦК в отношении своей научной деятельности.

Резолюция М.А.Суслова, оставленная на документе, не дает четкого представления о том, как в дальнейшем развивались события. По архивным документам проследить этот вопрос не удалось. Возможно, исполнитель должен был учесть замечания Тарле при разработке партийных документов, или подготовить ответ историку с разъяснением позиции партии по поводу критики его работы. Так или иначе, Тарле с учетом позиции партийного журнала существенно переработал и дополнил новое издание «Крымской войны»¹⁵. На этот раз инцидент не получил громкой огласки и был исчерпан.

В 1950 г. Тарле еще раз обращался к Сталину. Очередное послание вождю было связано с окончанием работы историка над книгой «Шведское нашествие на Россию в 1708—1709 гг.». Известно, что данное сочинение писалось по поручению Сталина и являлось первой частью задуманной вождем трилогии «Русский народ в борьбе против агрессоров в XVIII—XX вв.». 12 июня 1950 г. ученый, вместе с сопроводительным письмом, представил рукопись на суд заказчика. Ранее этот факт в литературе не упоминался, поскольку не имел документального подтверждения.

Письмо исполнено в двух экземплярах: автограф на официальном бланке историка¹⁶ и машинописная копия с отметками Сталина и его резолюцией¹⁷. Рукопись книги, приложенная к письму, составила три единицы архивного хранения¹⁸. Наше знакомство с документами и литературой, прошедшими через сталинские руки, свидетельствует о том, что он, практически всегда, оставлял на них свои отметки. В рукописи Тарле, выполненной по сталинскому же заказу, таковые отсутствуют. С учетом крайне неопределенной резолюции на сопроводительном письме можно утверждать, что Сталин глубоко не выikal в содержание нового труда. По всей видимости, загруженность работой и состояние здоровья не оставляли ему времени для углубленной проработки данного сочинения. Вероятно, Сталин предполагал переадресовать работу Тарле для рецензирования, но в последний момент отказался от этой мысли, оставив рукопись у себя. Отсутствие четких указаний вождя может служить объяснением, почему публикация «Шведского нашествия на Россию в 1708—1709 гг.» была задержана и работа увидела свет под другим заглавием лишь в 1958 г.¹⁹

Письма публикуются по правилам современной орфографии, с сохранением стилистических особенностей документов. Слова, подчеркнутые в оригинале, выделены курсивом.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук И.А.ШЕИН.

¹⁵ См.: Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М.—Л., 1950.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 807. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Там же. Д. 808, 809, 810.

¹⁹ См.: Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

№ 1

Е.В.Тарле — И.В.Сталину

*Ленинград 41, Набережная 9 января, 30, кв. 4**6 июля 1937 г.*

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Позвольте выразить Вам свою глубочайшую благодарность за Ваше письмо. Теперь, когда для меня ясно отношение Ваше и партии к данному вопросу, дальнейшая полемика против Кутузова и Константинова¹ в самом деле потеряла для меня всякий интерес, и я лишь попутно коснусь чисто фактических их извращений во 2-м издании «Наполеона».

Ваше внимание побудит меня с еще большей энергией работать на нашем очень неблагоприятном историческом фронте, над делом проведения в жизнь Ваших неоднократных, но до сих пор фактически почти вовсе не выполняемых указаний касательно преподавательской и исследовательской работы в области истории.

Вы указали прямой и широкий выход из тупика, куда заведена была советская историография, но до сих пор нынешний слабый и количественно и качественно личный состав наших историков почти ровно ничего не сделал, чтобы в самом деле не только на словах пойти по указанному пути и завоевать советской историографии подобающее ей высокое место в мировой науке.

Еще раз, благодарю Вас, глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович. Только мое болезненное состояние (перед хирургической операцией) помешало мне в тот же день ответить на породававшее меня Ваше письмо.

Искренне и глубоко Вас почитающий

Евг. Тарле

На первой странице в левой верхней части резолюция И.В.Сталина: «Архив».

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 807. Л. 3—Зоб. Автограф.

№ 2

Е.В.Тарле — Г.М.Маленкову

*Москва, 72. Дом правительства, кв. 188**18 сентября 1945 г.*

Уважаемый Георгий Максимилианович.

Пишу к Вам с целью выяснить жизненно важный для меня вопрос, который, поскольку и партия и правительство постоянно требуют от меня работы, не лишен, может быть, и некоторого общего значения.

Я академик, дважды лауреат Сталинской премии 1-й степени, член Чрезвычайной государств[енной] комиссии по расследованию немецких злодеяний, работаю в одной из комиссий НКВД; заведую кафедрой (по назначению В.М.Молотова) в Институте международных отношений, сотрудник «Известий» и «Нового времени» (б. «Война и рабоч[ий]

класс»), меня лично вызвал и поручил мне *очень* ответственную статью И.В.Сталин (для II тома «Истории дипломатии»), которую я и написал.

К изумлению (не только моему) Н.Яковлев² поместил в ж[урнале] «Большевик» месяца два тому назад рецензию на мой труд о Крымской войне, в которой буквально *ни одно* возражение не имеет иных оснований, кроме небрежного чтения Яковлевым моей книги, ибо решительно все, что он считает пропущенным в моей книге, там есть³.

Конечно, цитировать ругань Энгельса, укорявшего русскую армию в Севастополе, я не мог и не хотел. Н.Яковлев, очевидно, не прочел статьи Иосифа Виссарионовича об ошибках Энгельса (в майской книжке «Большевика» за 1941 год)⁴. Что касается общих установок моего двухтомного исследования, то достаточно вспомнить, что именно *эта* вводная большая глава напечатана в журнале «Большевик». Таков был прием со стороны Н. Яковлева, который сам признает мой труд «ценным». Это ничуть не помешало его резкостям.

Теперь — последствия такого рода выступления. Основывается журнал «Вопросы истории»; когда мы принимали во время 220-летнего юбилея⁵ иностранных ученых, они ликовали по тому поводу, что, наконец, у нас будет научный исторический журнал, который выступит на настоящую научную борьбу против европейских (и американских) фальсификаций истории. Что я буду одним из членов редакции этого журнала, никто из европейских, ни из советских историков не сомневался. Но после такого явления, как статья в «Большевике», мое приглашение в редакцию оказалось, очевидно, «неудобным». А одновременно, редакция официально просит меня давать отзывы на поступающие рукописи и очень просит дать им старые. Я не могу давать им ни того, ни другого — не зная, что означает мое неприглашение в редакцию (где 11 человек) и не зная, чем является абсолютно немотивированная, по существу, статья Яковлева: личным ли его суждением, или указанием, что моя исследовательская деятельность вообще признается ненужной, хотя именно за труд о Крымской войне мне была единогласно присуждена Сталинская премия 1-й степени, и хотя у нас научных исследований по истории являлось за последние годы крайне мало. Я веду и большую лекционную работу, выступаю по настоянию А.Я.Вышинского⁶ в Колонном зале, выступаю *постоянно* в закрытых лекциях в военных учреждениях, в клубах НКВД, на курсах НКВД, и чуть не ежедневно Совинформбюро и Радиокomitee требуют от меня выступлений по радио для Европы и Америки.

Мне для спокойной работы нужно знать: доверяют ли мне или нет? Правильно ли или ошибочно неприглашение меня в редакцию журнала (хотя редакция этой работы от меня хочет), — того журнала, о создании которого я так давно хлопотал и мечтал. Я состою членом Британской Академии наук (с сентября 1944 г.), почетным доктором французских университетов, дважды Сталинским лауреатом и мне представляется абсолютно незаслуженным оскорблением и статья Н.Яковлева, и те, особенно, «оргвыводы», которые из этой статьи делаются.

Моей научной и общественной деятельности, очевидно, отныне будут чиниться препятствия, которые пользы ни с какой стороны не принесут. Выходит так: потрачено несколько лет упорнейшего архивного труда, написано два больших тома, где совсем по новому и по новым, мной найденным материалам, освещен узловой момент истории XIX века, — все это заслуживает только вот того, что автор получил от Н.Яковлева, и, следовательно, спокойнее было бы ровно ничего не делать или повторять старые шаблоны?

В наши сталинские времена мы должны выйти на научную арену для борьбы за марксистско-ленинские идеалы, за историческую философию классиков марксизма, против «научных» фальсификаторов, оставшихся в таком изобилии от гитлеровщины в центральной Европе, от лавалевщины во Франции, от махрового фашизма в США.

Мы должны идти на эту борьбу во всеоружии научного авторитета, и он у нас есть (мои книги переведены на 8 иностранных языков), — и в это самое время наш авторитет подкашивается такими неожиданными и ничем не вызванными выступлениями, как статья Н.Яковлева, и вызванное ею устранение из единственно у нас исторического органа такого человека, который на этом научном боевом советском посту был бы определенно нужен.

Советские историки глубоко чтут Вас и Вас мы все (я говорю не только от своего имени) знаем, уважаем и любим⁷. Я хотел лично говорить с Вами, но предпочел не отнимать у Вас время своим визитом. Отдаю на Ваш суд свои недоумения.

Вам преданный

Е.В.Тарле

На первом листе письма резолюция М.А.Суслова: «Поручено т. Горюдецкому» (Управление пропаганды и агитации ЦК). Суслов. 11.12.1945».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 108—110об. Автограф.

№ 3

Е.В.Тарле — И.В.Сталину

Москва

12 июня 1950 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович!

Препровождаю Вам экземпляр моего исследования «Шведское нашествие на Россию в 1708—1709 гг.»^а. Это первая часть того труда о «Русском народе в борьбе с агрессорами», который, по Вашей мысли и желанию, я взял на себя. Вторая часть (о нашествии Наполеона в 1812 г.) частично уже разрабатывается мною.

Но — я всей душой стремлюсь приняться за третью и последнюю часть (о немецко-фашистской агрессии и ее позорном провале в 1941—1945 гг.). Я не хочу умереть, не успев закончить этого трехтомного

^а Карандашная приписка Е.В.Тарле: «См. 3 папки рядом».

труда, инициатором и вдохновителем которого Вы были. Может быть, и мне не удастся удовлетворительно выполнить задачу и дать научный и в то же время доступный широкой читающей массе рассказ о том, в самом деле ни с чем несравнимом подвиге, который совершил Советский Союз под Вашим водительством. До сих пор эта задача не удавалась ни одному из пробовавших за нее браться историков. Повторяю, может быть, не удастся и мне. Но я хочу посвятить остающееся мне время жизни этой попытке, — а мне уже 75 лет. Я буду торопиться, потому что сейчас советская историография обязана поскорее дать отпор бесчисленным фальсификациям войны 1941—1945 гг., выходящим в Америке, Англии, Западной Германии. Без поддержки партии и правительства, без доступа к нужным мне материалам — моя задача невыполнима⁹.

Работа, которую я теперь представил Вам (О шведском нашествии), пусть будет в Вашей личной библиотеке, даже если Госполитиздат будет продолжать делать попытки портить мой текст своими придирками и поправками и мешать появлению в свет этой книги в неискаженном виде¹⁰.

Сердечно Вас любящий и преданный Вам

Евг. Тарле

В левой верхней части письма резолюция И.В.Сталина: «К пл»[?]; («К ну»[?])¹¹

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 807. Л. 4. Копия. Машинопись.

Примечания

¹ Кутузов и Константинов — фамилии авторов критических рецензий, опубликованных в «Правде» и «Известиях». Как полагают, псевдонимы.

² Автор рецензии *Николай Никифорович Яковлев* (1898—1970) являлся не столько историком, сколько ответственным партийным работником. С июля 1943 г. он заведовал отделом школ ЦК ВКП(б). Одновременно с этой должностью Н.Н.Яковлев руководил работой Государственной библиотеки им. В.И.Ленина, кафедрой истории ВКП(б) в Высшей школе парторганизаций при ЦК ВКП(б), подготовкой аспирантов в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) и, наконец, преподавал историю СССР в Высшей партийной школе. Столь многочисленное совмещение высоких должностей в одном лице указывает на Н.Н.Яковлева как на номенклатурного работника и «полномочного» представителя аппарата ЦК. Основной круг его научных интересов был далек от внешней политики России XIX века. Н.Н.Яковлев являлся специалистом по узкой историко-партийной проблеме. К 1945 г. в его научном арсенале числилась лишь защищенная в 1943 г. кандидатская диссертация «Большевистское подполье в тылу Колчака» (См.: История СССР. 1966. № 6. С. 222). Научное и должностное положение рецензента «Крымской войны» служит определенным свидетельством, что он выражал официальную линию партии. Как высокопоставленный партийный чиновник, Н.Н.Яковлев мог авторитетно представлять ЦК. Однако как историк он вряд ли по собственному почину взялся бы судить о состоятельности научных взглядов крупнейшего научного авторитета советской исторической науки. Без санкции свыше жестко критиковать в центральном теоретическом органе партии труд, одобренный самим Сталиным, было практически невозможно.

Доказательством того, что Н.Н.Яковлев являлся выразителем точки зрения ЦК может служить использование в статье некоторых положений проекта тезисов ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР», составленных по итогам совещания в ЦК в 1944 г. Это касалось партийных оценок о том, что Е.В.Тарле пытался оспорить вывод царской России как жандарме Европы», «неправильно и ненаучно» утверждал, «что главным фактором сопротивления советских войск гитлеровской агрессии являются огромные пространства нашей страны», ковал «свое идейное оружие» в «насквозь реакционной буржуазно-монархической школе Милюкова». Указанные тезисы в открытой печати не публиковались и были известны только работникам Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Почти дословное совпадение текста статьи с партийным документом позволяет утверждать, что Н.Н.Яковлев знакомился с материалами совещания и пользовался ими при подготовке своей рецензии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222. Л. 53, 55, 56, 58, 62, 63. Ср.: Яковлев Н. О книге Е.В.Тарле «Крымская война» // Большевик. 1945. № 13. С. 70, 72).

³ Жалоба Е.В.Тарле на необоснованность и недобросовестность партийной критики помогает, хотя и косвенно, уточнить некоторые моменты, связанные с ходом упомянутого совещания историков 1944 г. В настоящее время у историографов не сложилось единого мнения о заключительной части совещания. Речь идет о принятии итогового решения. Некоторые из современных историков считают, что ЦК принял постановление, которое было оглашено перед ученым собранием. В монографии Е.И.Чапкевича по этому поводу мы находим следующую посылку: «Александров перед закрытием совещания подготовил и огласил проект постановления «О недостатках научной работы в области истории», который предлагалось опубликовать от имени ЦК ВКП(б)». Тут же, со ссылками на РГАСПИ, приведены выдержки из указанного документа, осуждавшие научные позиции Е.В.Тарле (См.: Чапкевич Е.И. «Пока из рук не выпало перо...». С. 153). По мнению других исследователей, конкретного решения не принималось. Б.С.Каганович конец совещания описывает по-другому. В его интерпретации «секретари ЦК на совещании не выступали. В конце Щербаков пообещал, что ЦК обсудит итоги дискуссии и примет решение». В публикации И.В.Ильиной также нет указаний на то, что проект постановления оглашался в конце совещания (См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 83; Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) / Публ. И.В.Ильиной // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 188—189).

Из письма Е.В.Тарле к Г.М.Маленкову можно усмотреть, что партийное резюме не афишировалось и о нем ничего не было известно в научных кругах. Для академика, и, как он сам отмечает, не только для него, критическая статья в «Большевике» была полной неожиданностью. Такое заявление, само по себе, говорит о том, что ученый находился в неведении относительно оценок его научных взглядов в официальных партийных документах. Следовательно, ничего не знал он и о наличии таких документов. Именно поэтому Евгений Викторович считал критические пассажи Н.Н.Яковлева ничем не мотивированными. Недоумение Е.В.Тарле, по-видимому, усиливалось и тем, что после критики его воззрений на совещании ученый уже разъяснял свою точку зрения в письме к А.С.Щербакову, в котором, ссылаясь на сталинские оценки внешнеполитической деятельности царской России, отвергал все обвинения в свой адрес (См.: Чапкевич Е.И. «Пока из рук не выпало перо...». С. 153). Возможно, к моменту опубликования статьи Н.Н.Яковлева историк полагал инцидент исчерпанным. Однако такое мнение оказалось ошибочным.

Объективно судить об этом дискуссионном вопросе можно по стенограмме совещания историков и проектам постановлений ЦК. Обратимся к этим документам. В официальной стенограмме нет никакого упоминания о принятии заключительного решения. Завершая работу совещания, А.С.Щербаков заметил, что «далее, вероятно, ЦК обсудит итоги дискуссии и, надо полагать, по ряду вопросов, которые здесь затрагиваются, будут даны историкам указания». На вопрос А.М.Панкратовой, когда они получат такие указания, секретарь ЦК ответить затруднился (РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 254).

Порядок разработки партийного решения удалось восстановить по сопроводительным запискам, приложенным к проектам итоговых документов. Из них явствует, что начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александров представил на рассмотрение А.С.Щербакова упомянутый Е.И.Чапкевичем проект постановления «О недостатках научной работы в области истории» 12 июля 1944 г. Резолюция секретаря ЦК достаточно красноречива: «Не годится». Доработка документа была возложена на заведующего отделом науки и вузов ЦК ВКП(б) Ю.А.Жданова, который переработал проект постановления Г.Ф.Александрова в тезисы ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР». Судя по сопроводительной записке, тезисы были направлены для утверждения А.С.Щербакову 14 августа 1944 г. В целом секретарь ЦК содержанием документа остался удовлетворенным. Такой вывод напрашивается после сравнения его с другим, более поздним, вариантом тезисов, составленным Ю.А.Ждановым в начале сентября 1944 г. и измененным только по форме, а не по содержанию (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222. Л. 1, 11, 48).

Приведенные факты показывают, что партийное решение выработывалось в течение нескольких месяцев *после совещания*. Поэтому не выдерживает критики утверждение Е.И.Чапкевича о том, что решение ЦК оглашалось перед историками. Ведь заключительное заседание проходило 8 июля, а с упомянутым проектом постановления Г.Ф.Александрова А.С.Щербаков знакомился *на четвертый день после окончания совещания* — 12 июля 1944 г. Вряд ли Г.Ф.Александров мог делать какие-либо итоговые заявления без предварительного согласования их со своим руководством. Эта версия выглядит еще более убедительной потому, что первоначальный вариант постановления А.С.Щербаковым был забракован.

⁴ Речь идет о письме И.В.Сталина А.С.Щербакову «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”, которое было направлено членом Политбюро в 1934 г. и опубликовано в № 5 «Большевика» в 1941 г. Е.В.Тарле упомянул о нем не случайно.

Ссылка академика на сталинское письмо проясняет общую картину положения дел в исторической науке, отразившегося в частном вопросе о закрытости материалов совещания историков 1944 г. Историографы по этой проблеме придерживаются различных точек зрения. Е.И.Чапкевич отказ от публикации подготовленного постановления ЦК связывал со стремлением партийных верхов «выяснить позиции ведущих историков, с тем, чтобы спустя некоторое время навязать им сталинскую точку зрения, направленную на оправдание внешней политики царизма» (См.: Чапкевич Е.И. «Пока из рук не выпало перо...». С. 153).

Б.С.Каганович объяснял такое положение тем, что «в высшем руководстве еще не была выработана окончательная точка зрения» на поднятые в ходе совещания проблемы. По его мнению, «решение высшей инстанции, очевидно, было принято через год» и оно отразилось в статье Н.Н.Яковлева (См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 83).

Такой вывод видится нам более приемлемым. Скорее всего, итоги совещания историков 1944 г. в открытой печати не освещались из-за явного расхожде-

ния позиции ЦК со сталинскими выводами. «Великий кормчий» еще с 1934 года критически относился к энгельсовской характеристике внешней политики царской России. При этом вождь считал, что завоевательная политика «вовсе не составляла монополию русских царей», а была присуща «не в меньшей, если не в большей степени, королям и дипломатам всех стран Европы» (См.: Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 3).

Перед совещанием, в мае 1944 г., Г.Ф.Александров, докладывая своему руководству о положении дел в исторической науке, сетовал на недостаточную проработку и даже прямое замалчивание этих сталинских положений в работах советских историков (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222. Л. 104). Такие оценки были неоправданными. Активным сторонником проведения в жизнь установок вождя был Е.В.Тарле. Его первое издание «Крымской войны» во многом строилось на подобной методологической базе. Впоследствии, когда историка упрекали в попытке ревизии положений Ф. Энгельса, он постоянно апеллировал к сталинскому выводу. Например, в письме к нарком просвещения В.П.Потемкину от 22 августа 1944 г. Е.В.Тарле прямо указывал, что «о выступлении 1934 г. все эти эпигоны и последыши Покровского старались уже забыть» (Архив РАН. Ф. 574. Оп. 4. Д. 58. Л. 3). Эта же тема затрагивалась и в упомянутом письме ученого к А.С.Щербакову, также написанном после совещания.

В послании к Г.М.Маленкову от 18 сентября 1945 г. Е.В.Тарле, как бы полемизируя с Н.Н.Яковлевым, обращал внимание высокопоставленного партийного босса на сталинские выводы. Конечно, при этом подразумевался не столько сам Н.Н.Яковлев, сколько аппарат ЦК, допустивший появление критической статьи в «Большевике».

Письма Е.В.Тарле в высшие инстанции, в том числе и к Г.М.Маленкову, свидетельствуют, что в Секретариате ЦК имели ясное представление о сложившейся ситуации. Для них не являлось секретом, чьи взгляды развивал Е.В.Тарле. Критика воззрений ученого рикошетом попадала в самого «Хозяина». Такое положение должно было быть учтено при вынесении окончательного решения по итогам работы совещания историков в ЦК. Согласование возникшей проблемы заняло длительное время. Разработанные Ю.А.Ждановым тезисы ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР» находились в производстве Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) вплоть до мая 1946 г., когда их сдали в архив (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222. Л. 48). По всей видимости, руководство идеологического сектора ЦК так и не решилось опубликовать тезисы в полном объеме. Мнение высшей инстанции решили довести посредством частного выступления в виде критической статьи в «Большевике». К этому подвернулся и подходящий случай — очередное издание «Крымской войны» Е.В.Тарле. Хотя взгляды историка, изложенные в работе, критиковались в ходе совещания, она была вновь издана без переработки и дополнений. Поэтому ученого решили «поправить», и, заодно, таким способом, сориентировать историков в нужном направлении.

Позиция ЦК, несмотря на ее противоречие духу сталинских установок, на что обратил в своем письме к Г.М.Маленкову Е.В.Тарле, все же была обнародована. Б.С.Каганович такую непоследовательность объяснял текущими внешнеполитическими задачами Советского государства. По его мнению, «создание социалистического лагеря в Восточной Европе после 1945 г. нельзя было обосновать идеями русского великодержавия» (Каганович Б.С. Евгений Викторович Е.В.Тарле и петербургская школа историков. С. 83). Это и определило отношение партийных функционеров, вероятно, не без участия самого Сталина, к спору историков. Такое объяснение вполне логично. Представляется, что критиче-

ская статья в журнале «Большевик» преследовала цель не столько разоблачить «ошибки» Е.В.Тарле, сколько определить общую тенденцию в развитии советской историографии послевоенного периода. Однако, чтобы не дискредитировать вождя, открыто выступившего против основоположника марксизма, новую линию проводили подспудно, без прямых ссылок на Центральный Комитет.

⁵ Имеется в виду юбилей Академии наук СССР.

⁶ *Вышинский А.Я.* (1883—1954) — в 1939—1944 гг. заместитель председателя СНК СССР, в 1940—1953 гг. на руководящих постах в МИД СССР.

⁷ Подобные указания на свою полезность для идеологической работы партии и восторженные дифирамбы в адрес Г.М.Маленкова наглядно свидетельствуют, что Евгений Викторович чутко следил за отношением к своему творчеству в партийных верхах, всячески стремился подчеркнуть полную лояльность к существующему режиму и готовность к сотрудничеству с ним. Письмо должно было развеять возможные на этот счет сомнения. В связи с этим видятся не вполне обоснованными суждения о том, что историк, после критики, пересматривал свои научные взгляды «вынужденно, в разладе с самим собой» (Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 49).

⁸ *Городецкий Е.Н.* (1907—1993) — историк, в 1942—1949 гг. лектор ЦК, руководитель группы консультантов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

⁹ В некоторых современных биографических исследованиях о творчестве Е.В.Тарле медлительность историка с написанием последней части трилогии (о роли Сталина в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.) объяснялась принципиальным нежеланием академика прославлять исторические заслуги «великого кормчего». Так, по мнению В.А.Дунаевского и Е.И.Чапкевича, ученый, «не разделяя всеобщей... эйфории по поводу роли И.В.Сталина в Великой Отечественной войне... под различными предлогами уклонялся от этого требования». Учитывая свой возраст и возраст своего «покровителя», Е.В.Тарле «действовал по принципу известной притчи об эмире, Хадже Насреддине и его осле» (Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. Навеки в памяти народной// Тарле Е.В. Отечественная война 1812 года. Избранные произведения. М., 1994. С. 483). Настоящее письмо рисует другую картину. Как видно, Е.В.Тарле подробно информировал высокопоставленного адресата о своих настроениях и творческих планах. Возможно поэтому, в августе 1951 г., когда взгляды ученого в очередной раз подверглись жесткой критике, И.В.Сталин пошел навстречу ученому, предоставив ему страницы партийной печати для своей защиты (Подробнее об этом см.: Каганович Б.С. Указ. соч. С. 98—100; Чапкевич Е.И. «Пока из рук не выпало перо...». С. 163—164; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 46—48 и др.).

¹⁰ Данный абзац письма выделен сбоку карандашом вождя, который обратил внимание на просьбу и жалобы историка. Косвенно это объясняет причину, почему Сталин оставил рукопись у себя.

¹¹ Содержание резолюции установить не удалось. Фраза оборвана на полуслове и может иметь различное прочтение (*К лл[енуму]— ?; К ну[нкту]— ?*). Незавершенность отдаваемого распоряжения служит дополнительным аргументом в пользу версии, что И.В.Сталин решил, в последующем, сделать о работе Е.В.Тарле самостоятельные суждения.

ДНИ СКОРБИ

Дневник барона Н.Н.Врангеля. 1914—1915 гг.*

II

[8 августа 1914 г.]

Господи, Боже мой, какие ужасы: сейчас Вел[икая] Кн[ягиня] Мария Павловна¹ сообщила по телефону моим родственникам² содержание последней телеграммы о деле^а, где участвовали гвардейские полки и среди них Л-гв. Конный, где служит мой брат³. В этом полку

Убиты: два брата Катковы, Михаил и Андрей⁴, Д.Суровцов⁵, Бобриков, Михаил⁶, два брата [та] Курченинова⁷, Князев⁸, Зиновьев⁹.

Ранены: Бобриков¹⁰, Гартман¹¹, бар[он] Торнау¹², кн[язь] Накашидзе (в голову)¹³, и раньше — гр[аф] Бенкендорф¹⁴ и бар[он] Багге-аф-Боо¹⁵.

Скоро пол-Петербурга будет в трауре.

Мне думается, что это только предверие того ада, в который скоро превратится весь мир. Ужасы бесчисленных убийств во всей Европе, страшное неминуемое разорение ея, должны перевернуть и преобразить жизненный и социальный строй всего земного шара. Затаив дыхание, глядишь на это великое и чудовищное событие и не можешь объять его непомерного значения и высокой тайны.

Господи, воля Твоя!

10-го августа

Вчера видел еще один пример мелочно-житейского тщеславия. Это — письмо гр[афини] Гогенфельзен¹⁶ А.И.Путилову¹⁷, в коем графиня просит помочь деньгами на устройство лазарета. Письмо заканчивается подписью: «графиня Гогенфельзен, супруга Великого Князя Павла Александровича»¹⁸.

Это напоминает мне одну визитную карточку из моей коллекции курьезов, где какой-то господин аттестует себя «сыном подполковника».

12-го августа]

Наконец-то устроился в Красный Крест в распоряжение главноуполномоченного Северного района¹⁹. Дела пока немного, но ожидается усиленная работа, когда начнется прилив раненых в Петербург.

Слышал сегодня очень забавную историю от очевидца. Один мой знакомый ехал в трамвае, где сидели две какие-то старушки — вероятно, из «русских немок», все время говорившие между собой на немец-

* Продолжение. Начало см.: Исторический архив. 2001. № 2. С. 129—152.

^а «6-го авг[уста] при деревне Каушен в Восточ[ной] Пруссии» (Примеч. баронессы М.Д.Врангель).

ком языке. Какой то патриот из публики счел долгом «протестовать» и обратился к старушке с просьбой прекратить разговор «на собачьем языке». Старушка молча посмотрела, ничего не ответила и спокойно продолжала свою беседу. Негодующий пассажир обратился ко всем присутствующим, возмущаясь поведением немки. Строго взглянув на него сверх очков, старушка приподнялась со своего места и подойдя к нему спокойно отчеканила: «Ви глуп, как... Вильгельм II!»

Можно себе представить восторг публики и конфуз «патриота», ментально скрывшегося при хохоте пассажиров.

16-го авг[уста]

Все возмущены беспорядками в военно-полевых лазаретах. Раненые не эвакуируются, днями лежат на земле, не имеют ни питья ни пищи. Об этом единогласно свидетельствуют все офицеры, возвращающиеся в Петербург²⁰.

На этих днях Императрица Мария Федоровна²¹ посещая лазарет Л.-гв. Конного полка, спросила раненого гр[афа] П.Бенкендорфа об уходе за ранеными на поле битвы.

«Отвратительно» — был короткий и энергичный ответ.

Сегодня на Заседании нашего Северного района в присутствии главных представителей военного Ведомства все негодовали на действия военно-полевых лазаретов и санитарных поездов и в частности на стоящего во главе их А.Я.Евдокимова²².

По свидетельству уполномоченных, видевших воочию эти безобразия, раненые по три дня остаются без горячей пищи, а перевозят их в товарных вагонах в то время как специально сооруженные, стоившие очень дорого, военно-санитарные поезда стоят на запасных путях «для декорации»!

18-го авг[уста]

«Немая война» — вот название для происходящих событий. Никто ничего не знает и не понимает и отрывочные краткие сведения появляющиеся в газетах составлены столь бестолково, что не только [не] успокаивают, но просто пугают публику.

Главный Штаб вполне прав, скрывая военные тайны, но, тем не менее его прямая обязанность, если не давать подробности, то хотя бы сообщать кратко: «Бой продолжается; результаты будут сообщены при первой возможности». Такие, ничего не говорящие фразы были бы все же лучше молчания, которое во время войны всегда кажется зловещим. В такие минуты люди должны питать свое воображение хоть какиминибудь фактами и не имея сведений, они сами измышляют всякий вздор, который, переходя из уст в уста достигает геркулесовых столпов глупости.

За последние дни петербургская молва повесила несколько командиров армий, расстреляла многих командиров дивизий, бригад и полков и умертвила всех офицеров гвардии, плодя опасные в это время страхи.

19-го [августа]

Зловещие слухи подтвердились и сегодняшнее правительственное сообщение гласит о серьезных неудачах. Тем бестактнее Высочайшее повеление опубликованное сегодня о переименовании Петербурга в Петроград. Не говоря о том, что это совершенно бессмысленное распоряжение прежде всего омрачает память о Великом Преобразователе России, но обнарудование этого переименования «в отместку немцам» именно сегодня в день нашего поражения, должно быть признано крайне неуместным.

Кто подбил Государя на этот шаг — неизвестно, но весь город глубоко возмущен и преисполнен негодования на эту бестактную выходку²³.

Однако, мне думается, что такого рода факты не случайные эпизоды, а предзнаменование весьма значительное. Это один из признаков того падучего и глупого ложного национализма, который в завтрашний день нашего существования обещает стать лозунгом дня. Это самодовольная влюбленность в себя и свою псевдокультуру и будет одним из признаков российско-славянского одичания.

Пожалуй, что это одичание постигнет не только нас, но и весь мир. Ужасы войны, необходимость борьбы чисто житейской — око за око и жизнь за жизнь — вызовут к деятельности доселе дремавшие чистоживотные силы. Страшное обнищание всей Европы, возведение в культ грубой силы побеждающего кулака — задавят все духовные интересы, уничтожат все потребности культуры и просвещения. Словом, думается мне, что наконец то пришла кончина усталому миру культуры вчерашнего дня. Одичалые народы, позабудут все свои идеалы и стремления, но именно из некоего периода такой дикости и вырастит *новый* нежданный и прекрасный мир.

Это переходное состояние умов, переживаемое ныне нами, кажется мне заслуживающим глубочайшего внимания, но, к сожалению, едва ли оно проходит запечатленным. Ибо ежедневная пресса, занятая сенсационными сообщениями телеграмм и обзором внешних событий, оставляет без внимания все моральные переживания и думы людей. Вот почему мне пришло в голову заняться изданием альманахов, цель которых объединить ряд статей, отражающих душевное состояние русского общества в эпоху переживаемых событий. Я скоро нашел и название такой книги, озаглавив ее: «Русская жизнь в дни мирового смятения» (мысли и переживания). Поделился этими планами с В.А.Верещагиным, и мы решили приступить к работе по составлению таких альманахов и обратиться к ряду лиц, могущих помочь нам в этом деле.

Сегодня я был у А.Ф.Кони²⁴, впервые познакомившись с ним. Кони был очень ко мне любезен, назвал себя моим «давнишним почитателем» и наговорил много милых слов о моих книгах и статьях. К мысли издания альманахов он отнесся сочувственно, обещав не только свою поддержку, но даже статью. Он хотел рассказать в ней о своих давних впечатлениях о русско-турецкой войне, проведя параллель между то-

²³ «Смотри 2 письма Кони А.Ф. в памятке бар[она] Н.Н.Врангеля, при дневнике приложенных, одно печатное, другое рукописное» (Примеч. баронессы М.Д.Врангель)²⁵.

гдашним и нынешним состоянием умов русского общества. Кони говорил очень долго и, как всегда — умно — и я просидел у него вместе с Верещагиным целый час и ушел, окрыленный надеждой.

Мысль об издании альманаха кажется мне живой и жизненной и надо попытаться осуществить ее возможно полнее.

20-го [августа]

Как меняется точка зрения в зависимости от того — сочувствуешь или не сочувствуешь тому или иному факту. Негодяя на немецкие зверства, все с пеной у рта повторяют преувеличенные слухи о жестокостях немцев по отношению к русским, попавшим к ним в руки.

А в 1812 г., возмущаясь армией наших нынешних друзей французов, восхваляли поступки русских людей, которые вызвали бы возмущение будь это действия неприятеля. Вспомним хотя бы карикатуры и прибаутки, кстати сказать, довольно плоские: «Старостиха Василиса²⁶ колет вилами лежачего француза, в Терентьевна доколачивает башмаком!»

21-го [августа]

Я думаю, что еще не было войны, столь братоубийственной как эта. Все возрастающий космополитизм создал множество родственных отношений между людьми разных наций. В прежние времена было редкостью, чтобы русская девушка выходила за немца, теперь это обычное явление. В результате, в нынешнюю войну сплошь и рядом самые близкие родственники должны воевать один против другого.

Недавно мне рассказывали, что ген[ерал] Крузенштерн²⁷ — бывший командир варшавских улан, — ныне командующий одной из частей в русской армии, имеет *родного брата*, германского подданного, командира одной из гвардейских дивизий. Не мало таких же случаев и в других, особенно балтийских семьях. Можно себе представить, какой ужас должен пережить брат, убивающий брата, или дядя — племянника!

23-го [августа]

Военно-санитарная часть что ни день, то выказывает себя в ужасном свете. На последнем заседании Красного Креста ген[ерал] Е.Волков²⁸ — главноуполномоченный Северного района — желая узнать сколько мест могут предоставить раненым военные госпитали, обратился с этим вопросом к представителю военно-санитарной части.

— «Сто, — последовал ответ.

— Т.е. сто мест? — переспрашивает Волков.

— Так точно, Ваше Превосходительство.

— Да, не может же быть — ведь, это ничтожное количество!

— Ах, виноват, Ваше Превосходительство, не сто мест, а сто госпиталей (заглядывая в бумажку, поправился представитель военной части).

— Сто госпиталей? Да, не может быть, это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Виноват, Ваше превосходительство, не сто, а только девять, остальные же девяносто один предположено устроить!»

24-го [августа]

Сегодня опубликовано Правительственное сообщение о немецких зверствах над русскими²⁹. Занимательна здесь следующая трагикомическая фраза: «Кроме того большинство из дам получили по несколько плевков в лицо: княгиня Белосельская-Белозерская, госпожа Раевская, графини Литке и Тотлебен, графиня Бревен и др.»

Не хватало еще прибавить, на подобие описаний балов в «Петербургской Газете»: «среди оплеванных назовем au hasard!»^a.

25-го [августа]

Работы по Красному Кресту все больше и больше, так что буквально весь день проводишь в хлопотах. Приходится ездить на вокзалы встречать раненых для распределения их по лазаретам. К сожалению, нельзя не отметить факта возмутительного поведения праздной публики, скопляющейся у вокзала. Ничего не делающие ротозеи, толпами сходятся поглазеть, словно на диких зверей на раненых и запружая перрон вокзала мешают движению санитаров и заставляют бедных больных долго ждать помощи, ибо сквозь густую толпу невозможно к ним пробираться.

Ожидая иногда часами прибытия часто опаздывающих поездов, я достаточно наслушался разговоров в толпе и должен заметить, что побуждающие их причины такого скопления вызваны отнюдь не патриотизмом, а простым и весьма вредным для дела любопытством. Красному Кресту пришлось просить Министра Внутренних Дел принять против этого безотлагательные меры.

Занимателен эпизод, характеризующий тихую покорность и отсутствие инициативы у русской толпы. Один из наших уполномоченных А.В.Давыдов заведывал посадкой раненых в городские трамваи на площади у Николаевского вокзала. Кругом — многотысячная молчаливая толпа. Вдруг, пробираясь сквозь толпу, подходит к Давыдову полицейский чин:

- Ваше Высочество, дозвоьте обратиться с просьбой.
- Ну, что такое?
- Ваше Высочество, дозвоьте проявить патриотическое одушевление и кричать толпе «ура».
- Разрешаю!

26-го [августа]

Как жаль, когда на ряду с высокими и благородными проявлениями великодушия приходится отмечать мелкое и ничтожное тщеславие людей.

Сегодня я по поручению Красного Креста посетил один частный лазарет, устраиваемый каким то купцом Александровым, владеющим роскошным и безвкусным особняком на Сергиевской³⁰.

^a Случайно (фр.).

Меня встретили две толстые купеческие дочери с бриллиантами, величиной с булыжник, в ушах. В аляповатых в «рококовом» стиле залах расставлены кровати для раненых.

«Ведь мы также имеем среди военных родственников» — многозначительно сказала одна из девиц, желая отметить, что они хотя и купеческой фамилии, но все же «причастны к офицерству».

Оказывается, что владелицы дома совсем не желают приютить у себя нижних чинов, а *непременно* хотят «офицеров или вольноопределяющихся». При этом в роскошных покоях этих миллионеров нет даже операционной комнаты, так как по словам барышень их «интересуют только легко раненые».

Явно, что это простая ловушка богатых купчих, желающих выйти замуж за военных!

Такая корыстолюбивая благотворительность достойна наказания: пошло им двенадцать офицеров, но ... немецких или австрийских³¹.

27-го [августа]

Сегодня опять известия, что мы бьем австрийцев, но о делах в Восточной Пруссии ничего не слышать. Это напоминает мне французскую поваренную книгу, в которой сказано: «La carne aime a être écorchée vine[?]; la truite préfere attendre»³¹.

28-го [августа]

Офицеры и уполномоченные Красного Креста рассказывают об огромном количестве убитых. Около Инстербурга число трупов столь велико, что за 5 верст невозможно дышать от запаха разлагающегося людского мяса. Раненых не успевают убирать с поля сражения и сама уборка производится столь поспешно, что иногда невозможно точно отделить убитого от раненого, потерявшего сознание.

Отсюда *несомненно*, что зачастую тяжелораненых хоронят живьем!

31-го [августа]

Слышал следующую историю. Сегодня привезли в Петербург тела некоторых убитых офицеров. Мать одного из них просила выдать ей тело сына для перевозки его в имение. Ей ответили, что гроб ей выдадут, но *не ручаются*, что это именно тот, кого она ищет, так как гробы перепутали в дороге.

1-е сент[ября]

Сегодня опубликованы известия о нашем отступлении по всему фронту в Восточной Пруссии. Такое известие несомненно повергнет в уныние русскую публику, ибо ее единственное стратегическое суждение: если идут вперед — побеждают, если — назад — побеждены.

Конечно это происходит от наивности и полной невежественности в военных вопросах, ибо для стратега интересен только вопрос о пригодности позиции для сражения, а находится ли она на неприятельской,

³¹ «Рыбе нравится быть пойманной на крючок, и потому она предпочитает ждать» (фр.).

занятой нами территории, или на нашей — для исхода операций безразлично.

2-го сент[ября]

Вчера утром у меня был Кони, но я еще лежал в кровати и не мог его принять. Сегодня получил письмо в котором Кони советует мне просить статью о настроениях русского общества к Алексея Лугового³². Думаю также пригласить Ремизова³³ и Гершензона³⁴.

В Красном Кресте новые осложнения. Боюсь, что при такой системе управления как нынешняя репутация Красного Креста совершенно погибнет, да и не без основания.

Необходимое во время войны единство власти заменено высочайшей неразберихой и не знаешь, кого считать хозяином положения и кого слушаться. Вдовствующая Государыня требует одного, Императрица Александра Федоровна³⁵, стоящая во главе Верховного Совета [Красного Креста] — как раз противоположного; Великая Княгиня Мария Павловна, честолюбие коей положительно переходит в манию — всегда желает играть роль и опять клонит в свою сторону.

Наконец, только что назначен в Красный Крест еще новый «хозяин» — принц Александр Петрович Ольденбургский³⁶. Этот симпатичный безумец несомненно принесет своей нечеловеческой энергией *некоторую* пользу, но также несомненно, что его сумасбродство нанесет столь же значительный вред. А, главное, — это нелепая система многовластия и борьба «высочайших» самолюбий от которой всегда так горько приходится нашему бедному отечеству.

Кстати о самолюбиях любопытно отметить дамскую благотворительность в деле ухода за ранеными. Теперь это стало и модой и вслед за трогательными и великодушными жертвователями потянулись и наши mondaines⁶, относящиеся к этому с чисто спортивной точки зрения. Я уверен, что многие из них готовы молиться Богу, дабы Он послал побольше раненых, лишь бы они попали в их дамский лазарет.

Каждый день в Красном Кресте слышишь про происки и интриги разных бездельниц, стремящихся во что бы то ни стало заняться благотворением. На этих днях, вопреки распоряжениям эвакуационной комиссии, — какие то дамы в автомобиле налетели на поезд с ранеными и на глазах опешивших распорядителей буквально *похитили* солдат. Похитительницей оказалась петербургская помещица, с торжеством умчавшая свою «добычу» в пригородный лазарет имения.

³² «Примеч[ание]. Ныне (5-го марта 1915 г.) просматривая эти записи, должен с грустью отметить, что несмотря на мое обращение ко многим из упомянутых лиц, я не получил ни одного ответа. Исключение составил Луговой, да и тот через месяц умер!» (Примеч. автора)³⁷.

⁶ Светские дамы (фр.).

**ОБЩЕСТВО
ЗАЩИТЫ И СОХРАНЕНИЯ
ВЪ РОССИИ
ПАМЯТНИКОВЪ ИСКУССТВА
И СТАРИНЫ.**

Общество Защиты и Сохранения въ Россіи памятниковъ искусства и старины, начиная свою дѣятельность, считаетъ долгомъ обратиться къ Вашему просвѣщенному содѣйствію.

Цѣль нашего общества: препятствовать разрушенію, поддерживать и способствовать сохраненію въ Россіи всѣхъ памятниковъ, имѣющихъ художественную или историческую цѣнность, независимо отъ эпохи созданія ихъ. Архитектурныя постройки, памятники кладбищъ, картины, бронза, фарфоръ, скульптура, гравюры, предметы художественной промышленности — все это, составляющее культурное достояніе Россіи, подлежитъ сохраненію и защитѣ. Съ этой цѣлью Общество имѣетъ въ виду самую широкую пропаганду для развитія въ массахъ уваженія и любви къ предметамъ старины и искусства. Обществомъ будутъ издаваться брошюры и художественныя изданія, читаться лекціи и устраиваться выставки. Въ случаѣ, если какимъ либо памятникамъ искусства и старины грозитъ гибель, Общество будетъ вступаться въ защиту ихъ, какъ ходатайствомъ передъ соотвѣтственными властями и учрежденіями, такъ и путемъ воззваній къ публикѣ въ газетахъ и журналахъ.

Наконецъ, общество займется регистраціей памятниковъ и художественныхъ собраній, находящихся въ Россіи.

Въ виду вышесказаннаго, Общество Защиты и Сохранения въ Россіи памятниковъ искусства и старины, желая объединенія со всѣми лицами, работающими на этомъ поприщѣ, надѣется, что Вы не откажете въ своемъ содѣйствіи и нравственной поддержкѣ. Если Вамъ угодно будетъ примкнуть къ дѣятельности Общества, то благоволите за всѣми справками обращаться къ секретарю барону Николаю Николаевичу Врангелю, С.-Петербургъ, Бассейная, 27. Членскій взносъ 5 рублей въ годъ.

С О В ъ Т Ъ О Б Щ Е С Т В А :

Предсѣдатель: Ею ИМПЕРАТОРСКОЕ Высочество Великій Князь НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧЪ.

Товарищи Предсѣдателя: Александръ Н. Бенуа и Е. Н. Волковъ.

Секретарь: Баронъ Н. Н. Врангель.

Казначей: Кн. С. В. Оболенскій.

Члены Совѣта: П. П. Вейнеръ, В. А. Верещинъ, В. А. Волкова, С.-К. Маковский, А. Ф. Милюткина, А. В. Муравьевъ, Гр. В. В. Мусила-Пушкина, Кн. О. А. Оболенская, Кн. А. В. Оболенскій, Н. А. Фомиинъ, А. В. Щусевъ.

3-е [сентября]

Многие думают, что нынешняя война является разрешением давно назревших политических вопросов. Конечно так и, конечно, что она борьба за освобождение от германского гнета, но глубокая сущность ее еще значительнее. Истребление друг друга — необходимое «кровопускание» без которого обветшалый мир не мог существовать дальше. В небесах, а не на земле написано это решение исторической судьбы народов и помимо войны несомненно, мор и поварные болезни должны способствовать этому грядущему обновлению.

Твердо верю я и в то, что не по политическим, а по чисто психическим причинам к настоящей европейской бойне неминуемо примкнут и все доселе нейтральные государства — Турция, Греция, Румыния, Болгария, Италия, Испания и Португалия и даже — Бог ведает, если скандинавские страны^а останутся безразличными к духовной заразе? Ибо настоящая война — несомненно ярко выраженная психическая эпидемия, на подобие эпидемий крестовых походов, средневековых религиозных безумств, движения Савонаролы³⁸, войнам Наполеона и всем тем массовым заболеваниям народной психики, которые через известные периоды охватывают мир³⁹.

Нервная напряженность человечества нашего времени, более чем когда-либо склонна к такого рода аффектам, — вряд ли кто либо на территории Европы сможет удержаться от воинственных безумств. Ибо психология народа складывается из ряда единичных впечатлений каждого индивидуума, а кто же в нынешние дни — от младенца и до старика — на всем протяжении европейского материка не заражен воинственным безумием? Это непреодолимое психическое начало и будет причиной повальной войны всей Европы и не надо быть пророком, чтобы предсказать грядущее всеевропейское бедствие.

5-го [сентября]

Я глубоко возмущен организацией или правильнее дезорганизацией Красного Креста и особенно Северного района. Поступая в это «заведение» я гордился, что могу быть хоть чем либо полезен делу помощи раненым, теперь же я стыжусь своего участия в Красном Кресте.

Казалось бы, что в такие минуты, как нынешние надо бы позабыть и о мелких самолюбиях и о распрях и о тщеславных достижениях. На деле же мы видим другое. Все ссорятся, интригуют, завидуют — мало, кто хочет действительно помочь. Северный район напоминает сумасшедший дом, где все мечутся, не зная что кому делать.

Дельный Волков почти всегда в служебных поездках, а уполномоченные им лица не имеют самых элементарных организаторских способностей. То, что может отлично исполнить один человек — исполня-

^а «На психическую заразу я смотрю точно так же, как на физическую, и потому допускаю возможность, что окраинные государства избегут заразы» (Примеч. автора).

ют 10, мешая друг другу и от такой «работы» дело идет отвратительно. Сидишь в Красном Кресте весь день до поздней ночи и — в результате почти что ничего, так скверна организация и отсутствие общего плана.

Не менее утешительно обстоит дело и в других отделах общей организации помощи раненым. Так, мой приятель гр[аф] В.П.Зубов⁴⁰, уполномоченный санитарного поезда Военного министерства, рассказывал мне о возмутительном поведении «министерши» Сухомлиновой⁴¹. Вмешиваясь во все дела, она отвлекает всех от работы и сегодня, например, она более 2-х часов задержала на вокзале начальника военных сообщений, заставляя его выбирать новые обои для санитарного поезда, так как ей не по вкусу был первоначальный цвет стен. И на такие пустяки приходится терять драгоценное ныне время!

Боюсь, что такой же хаос творится на театре войны и с ужасом думаю о тех последствиях, которые он вызовет.

13-го [сентября]

Если будущий историк нынешней войны обратится к газетам нашего времени, то его постигнет горькое разочарование. Современная повседневная пресса напоминает мне газеты конца XVIII века, когда в печать поступали лишь официальные известия, в сущности не имеющие никакой цены, и не дающие материала для какой либо характеристики переживаемых событий.

Так день за днем течет наше существование страшное и слепое. Знаешь, что по соседству с тобой творятся неслыханные в мировой истории события, но ты глух, и не слышишь их стона. Будто закованный в цепях пленник, томящийся в тюрьме, современный человек испытывает несказуемое чувство огромной тяжести от невозможности если не делом, то хоть сознанием принимать участие в происходящем.

Каждое утро и днем и вечером с жадностью бросаешься на газеты в надежде увидеть, хоть что либо новое, связующее здесь оставшихся с теми, кто защищает нас. Но газеты немые и только зловещие белые пятна — вынутых в печати гранок — говорят о каких-то ужасах и горе о которых мы все не должны знать.

16-го [сентября]

Сегодня, наконец, мне попался № «Сельского Вестника»⁴², о новой программе которого я много слышал.

Оказывается, что Кривошеин, так внимательно отнесшийся к нашей идее об издании специального органа, толкующего народу войну и связанные с нею события и лишь не нашедший возможности достать на этот предмет деньги — поступил предательски по отношению к нам, авторам проекта. Смекнув, что это дело хорошее и нужное он решил преобразовать именно по нашей программе орган Министерства Земледелия

⁴⁰ «(Директор Института изящ[ных] Искусств)» (Примеч. баронессы М.Д.Врангель).

и Землеустройства «Сельский Вестник» и достал нужные для этого 150 тысяч рублей!

Жалко, однако, что дело не доведено до конца и газета обслуживает лишь сельское население, армия же по прежнему остается без известий и теряет свою спайку с семьей и хозяйством.

18-го [сентября]

Сегодня для меня самый радостный день со времени начала военных действий. Мне наконец удалось устроит[ь]ся на санитарный поезд и, вероятно, уже через две недели я поеду на войну.

Радость от этого известия, однако, несколько омрачила статья А.Бенуа⁴³, «Искусство и Война», напечатанная в сегодняшней «Речи». Талантливый неврастеник — по недоразумению считающийся историком — разразился целым дождем возмущенных фраз против «Манифеста» журнала «Старые Годы», извещающего подписчиков о том, что в виду происходящих событий и невозможности спокойно работать и отдавать себя искусству, выход журнала временно прекращен⁴⁴.

Бенуа патетически называет нас всех отрекшимися от своих богов, считая, что мы только от праздности и «играли в искусство», теперь же в *уюду* обстоятельствам занялись другим.

Взволнованный и возмущенный, я сейчас же в 1/2 часа написал ответ и послал его в «Речь» с просьбой напечатать возможно скорее.

19-го [сентября]

Сегодня мне рассказывали забавную историю, якобы происшедшую с Вел[иким] Князем Сергеем Михайловичем⁴⁵.

Завтракая на днях у Государя, Великий Князь, очищая фрукты, порезал себе палец ножом. Кровь выступила довольно обильно и, видя, что она не останавливается Государь посоветовал перевязать палец.

«Нет, не надо, — ответил Великий Князь, — я хочу, чтобы из меня вытекла последняя капля немецкой крови».

20-го [сентября]

Появилась в «Речи» моя статья — ответ Бенуа — почему то названная «письмом в редакцию».

Ключ к сердцу (письмо в редакцию^а)⁴⁶

Статья Александра Бенуа «Искусство и Война» искренно меня огорчила. Ибо в такую минуту, как настоящая, когда люди разных партий, вкусов и мнений объединяются под одним стягом — грустно видеть рознь в тех, кто вчера еще считались близкими. Вот почему мне особенно тяжело объяснять то, что, казалось, должно быть понятно всякому и прежде всего тем, кто, действительно, носит в душе Бога. И только тому, кто горит и трепещет от искусства, хочется мне ответить и, думается мне, — всякому, кто понимает, что искусство не только «три знатнейших художества», а вся радость жизни — относятся эти слова.

^а Ответ А.Н.Бенуа будет напечатан завтра.

Говоря о происходящих событиях в деле разрушения любимых нами памятников человеческого гения и нашего отношения к ним, надо, во-первых, ясно разграничить два понятия: разрушение и забвение.

Первое — осуществляющее мечтания футуризма — конечно, глубоко отвратительно всякому, кто еще не совсем одичал. Ясно, что каждый из нас несказуемо возмущен и опечален гибелью Реймского собора и Лувена⁴⁷ и ясно, что наши боги вчерашнего дня ничуть не померкли от новых событий, и любовь к ним та же, и даже еще пламеннее. Но забвение, или, вернее, временное забвение многого, чем мы еще вчера жили, кажется мне не только нужным, но необходимым для обновления человечества. Это не значит, что нам надо отречься от своих богов, но это показывает, что надо осилить свое стремление к молитве, веруя в то, что соучастие в действительности — та же литургия божеству.

Отсюда ясно, что, останавливая до конца войны свою деятельность, группа лиц, изучающих и любящих давние годы, поняла, что сейчас наша жизнь столь необычайно увлекательна и значительна, что великий смысл ее поглощает все остальное. И, конечно, *не слишком*, а *недостаточно* оцениваем мы все происходящее мировое смятение, и каждый миг, посвященный не ему, — преступление перед историей, творимой Богом. Ибо только Им движутся настоящие события, и присутствие Его во сто крат прекраснее и значительнее проявления человеческого гения в области искусства за многие века. Нет, не «старым годам», «не нам, а Имени Твоему» утолить острую боль, и мы даже не можем смочь, — не из трусости, а из сознания своей маленькой доли, — говорить о том, что вчерашним днем будет спасен мир. Говорить о врачевании души хорошо тому, кто знает, чем лечить ее недомогание. Ибо, если человеку, у которого оторвало ногу — смазывать горло, то от такого лечения его здоровье не улучшится.

В настоящую *минуту* великая война, начавшаяся не по воле людей, а являющаяся решением мировых вопросов — требует иного врачевания и иной духовной пищи, чем та, которой питалось и жило еще вчерашнее поколение. Теперь, *сегодня*, и только сегодня, нужно иное и, конечно, не воспоминаниями о прошлом суждено нести облегчение нынешнему страданию России.

Будем же скромны и признаем, что не нам дано спасти человеческую душу, и, смиренно притаясь, будем, не отрекаясь от своих богов, верить, что любовь и братство сейчас более нужны, столь же прекрасны, и только им должны нести все свое посильное старание.

История в тысячах примеров подтверждает эту мысль. Кто из нас не ощущал святой прелести и ласки средневекового творчества, но, конечно, в эпоху Возрождения его временно нужно было забыть. Кто из нас не любил и не волновался от созерцания гениев Франции конца XVIII века, но и они в годы Великой Революции были *временно* излишни. И разве не забыли, хотя бы на несколько миггов, своих старых кумиров люди «Войны и Мира» — далекие прообразы нашего страдания?

Да, в слове «временно» и заключается весь житейский такт тех, кто, не считаясь со своим внутренним желанием, готов принести свою ра-

дость от красоты в жертву необходимости велений Рока, и в этом смирении не слабость, а сила человека. Будем же смиренны и, склоняясь с крестом в руке перед великими событиями, поймем и осознаем, что *сегодня* нужен для человечества иной ключ к сердцу.

Барон Н.Врангель

[21-го сентября]

Ответ Бенуа бледен и бессодержателен⁴⁸. Мне он поет дифирамбы, восхваляя и мою деятельность и мою статью «Ключ к сердцу», но свой принцип все же пытается отстаивать, что, однако, ему плохо удастся.

23-го [сентября]^a

Дела по оборудованию поезда, на котором я назначен уполномоченным много. Приходится закупать весь инвентарь, ездить по разным делам с утра до вечера. К счастью значительное облегчение приносит организация склада Е.В.Сухомлиновой, снаряжающей эти поезда⁴⁹.

Сухомлинова женщина очень не глупая, сухая и расчетливая карьеристка, отлично понявшая чем надо в настоящую минуту создать себе славу и умеющая извлечь все выгоды из своего положения в складе «при квартире военного министра» — ее мужа — является центром всевозможных организаций, связанных с войной.

Должен сказать, что дело ведется превосходно, без каких-либо лишних формальностей и переписок: просто, ясно и быстро и можно только удивляться распорядительности и организаторскому — совсем не женскому — уменью Сухомлиновой⁵⁰. Эта женщина, которая умеет из всего извлечь пользу, необычайно честолюбивая и властная. Карьера ее подтверждает эту характеристику. Дочь бедного мелкого чиновника Гошкевича — содержателя меблированных комнат в Киеве и его жены еврейки, Екатерина Викторовна была в первом браке за Бутовичем⁵¹ с которым, однако, скоро развелась, каковая скандальная история развода и связанных с ним, разных несправедливостей закона к ее мужу известна всей России⁵².

Выйдя за Сухомлинова и преобразившись в *grande dame*⁶ — Екатерина Викторовна теперь держит себя, по крайней мере, как высочайшая особа. Мужа своего она окончательно забрала в руки и он исполняет все ее желания беспрекословно. Избрав себе мужа министра для положения, Сухомлинова отлично поняла, что одного положения недостаточно в наше время и без денег многого не сделать. На это второе *emploi* ею выбран Леон Манташев⁵³ бакинский архимиллионер, которого один вид «жены министра» уже приводит в любовный экстаз. Пользуясь этим нефтяным снобом Сухомлинова благоденствует на право и на лево, строит санитарные поезда, посылает два вагона вещей для раненых ка-

^a В тексте, вероятно, ошибочно, указано: 30 сентября.

⁶ Знатной дамой (фр.).

ждую неделю и проч. и проч.; Манташев держится «в черном теле» и вся слава всецело падает на Екатерину Викторовну⁵⁴.

Конечно, из этих тщеславных затей все же выходит много полезного, но, тем не менее немало времени тратится и на всякий вздор — лишь бы затмить своих соперниц по благотворительности.

Отвратительно при этом то подхалимство, которое проявляют все генералы и прочие подвластные «военной министерше» чины. Генералы Беляев (Начальник Главного Штаба)⁵⁵ и Всеволожский (Начальник военных сообщений)⁵⁶ держат себя настоящими лакеями, угодливо льстя Сухомлиновой, готовые сделать любую несправедливость по ее приказанию. Пользуясь этим, она без стеснения отдает приказания на право и на лево и всюду, куда только являешься от ее лица — встречаешь не только любезный но даже льстивый прием.

Конечно, в связи с делом возникают и интриги и «вечерний чай» в квартире Сухомлиновой в присутствии ее супруга представляет целый муравейник сплетен, происков и достижений, которые часто тут же и получают завершение из уст самого военного министра.

27-го сент[ября]

Видел сегодня начавший выходить лишь несколько дней назад «Солдатский Вестник»⁵⁷, газету осуществляющую наконец тот план, который мы когда то затеяли. Хотя и несколько поздно, но пора хоть теперь подумать о солдатах и дать им какое-либо чтение^a.

7-го окт[ября]

Сегодня профессор Оппель⁵⁹, вернувшийся с театра военных действий рассказывал много занимательного. Между прочим, в Ковно, по его свидетельству, был замечательный случай немецкого шпионажа. Появился какой то офицер гвардейского экипажа, выдававший себя за графа Остен-Сакена — ординарца Ренненкампа. Под этим наименованием он прожил в Ковно довольно долго и только случайно был обнаружен обман, но в последнюю минуту офицер неожиданно скрылся.

8-го окт[ября]

Наконец-то закончены почти все работы по сооружению санитарного поезда Вел[икой] Кн[язьны] Ольги Николаевны⁶⁰, уполномоченным коего я назначен. В будущих условиях жизни меня, однако, несколько страшит одно: боюсь озверения или, правильнее охамения, которому так подвержены все, проводящие жизнь в военной обстановке. Вот вредная моральная сторона нынешней очистительной войны, полной столь красивых и чистых обновлений.

Видя и наблюдая многих офицеров и сестер милосердия «из общества» возвращающихся с войны, я поражен с одной стороны, их неуме-

^a «Отлично поставленный «Армейский Вестник» выходит только для Южной Армии» (Примеч. автора)⁵⁸.

нием реагировать и анализировать события, а с другой той переменной к худшему и огрубением, которые сказываются во всех их суждениях и поступках. Конечно, я не говорю здесь только о «хороших манерах», но и о более значительных житейских взаимоотношениях.

Думаю, что торжество военной силы (и надо сознаться, как ни любим мы ее теперь — силы грубой и животной) — даст совсем новые формы для житейского обихода, выдвинет на первый план те отвратительные черты, которые развились в Германии после франко-прусской кампании. Конечно, у нас они скажутся в иных проявлениях, но все же и это может быть крайне вредным для культурного роста духовной мощи Европы.

Странное дело, но гуляя вот уже два дня в высоких «черного товара» сапогах и солдатской шинели, подвязав к поясу шашку (тупую) и кобуру от револьвера — так полагается по форме — я начинаю чувствовать, что и моя душа будет скоро «в высоких сапогах»!

10 окт[ября]

Сегодня военный министр рассказывал мне о возмутительных чисто немецких зверствах наших будущих офицеров — воспитанников Николаевского Кавалерийского училища.

На днях в училище разгорелся скандал и военный министр приказал исключить 6 воспитанников, разжаловав их рядовыми в пехоту.

Дело в том, что традиционные шутки старших над младшими («зверьми») в настоящее время превратились в настоящие зверства. Несчастных жертв старшего курса [sic] подвергают невероятным пыткам: бьют, мучают, заставляют носить непосильные тяжести, съесть 20 пирожков в 3 минуты, садиться голым телом на огонь, 300 (!!!) раз обегать вокруг стола — не отрывая глаз от свечи, стоящей посреди его — словом учиняют пытки самого сурового Средневековья.

И это у нас в год войны и горя издеваются над совершенно невинной молодежью, позволяя себе при этом возмущаться «немецкими дикарями»!

По словам Сухомлинова эти безобразия вовсе не случайны и то же творится и в Тверском и в Елисаветградском кавалерийских училищах, из-за чего в последнем недохват 60% учеников!

Вот еще лишний пример озверения не только немцев, но и наших милых соотечественников от условий военщины и связанных с ней грубых нравов.

Нельзя не приветствовать решения Сухомлинова и будем надеяться, что суровое наказание 6 оболтусов послужит назиданием многочисленным их «единомышленникам»⁶¹.

13-го окт[ября]

Слышал забавный анекдот: Когда Государь Император ездил в Москву для объявления войны⁶² кто то подслушал в толпе следующий разговор. Корявый мужиченка, стоя на Красной площади и наблюдая Государя и Его Свиту спрашивает соседа фамилии всех.

- Кто это?
- Граф Фредерикс⁶³.
- А этот?
- Граф Бенкендорф⁶⁴.
- А тот с одноглазкой[?]
- Барон Корф, обер-церемониймейстер⁶⁵.
- А этот, старый?
- Фон Грюнвальд⁶⁶.
- А этот[?]
- Флигель-адъютант Дрентельн⁶⁷.
- Ишь ты, сколько немцев в плен забрал. Да, только зачем это они с собой возит!

16-го окт[ября]

Война между Турцией и Россией началась. По улицам ходят процессии манифестантов с пением гимна. Пожар всей Европы разгорается!..

Сегодня в «Вечернем Времени» напечатано:

Уничтожение котелков

«В Москве было несколько случаев демонстративного уничтожения некоторыми москвичами своих собственных шляп-котелков, являющихся, по мнению протестантов, прототипом германской каски и немецкой выдумкой»⁶⁸.

Милые «патриоты»!

17-ое окт[ября]. Пятница

Мой поезд готов и мог бы тронуться хотя бы сегодня. Однако, я получил приказание ждать до четверга по той причине, что Ее Величеству угодно в первую очередь освятить поезд Вел[икой] Княжны Марии Николаевны⁶⁹, который сооружается самой Царской Семейю, а затем уже поезд имени Ольги Николаевны.

Из-за этих глупых «местничеств» и церемоний задерживается почти на неделю помощь раненым!

Не менее возмутителен другой приказ той же Императрицы Александры Федоровны. Мне и всем уполномоченным именных поездов приказано привозить в Петроград *преимущественно* офицеров шефских полков, а также окраинных частей никогда не выдавших Государя. Повидимому «хотят воспользоваться удобным случаем» (если можно так назвать поранение), — дабы показать нашим воинам «обожаемого Монарха».

Грустно подумать, что в такую тяжелую минуту, когда, кажется, можно бы позабыть о разных категориях и различиях между защитниками отечества — занимаются такими ничтожными пустяками! Конечно, это приказание я «принял к сведению», но, конечно исполнять его не буду, а стану привозить всех, кто нуждается в помощи.

ОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1380. Ед. хр. 10. Л. 1—67.

(Окончание следует)

Примечания

¹ Имеется в виду либо *Мария Павловна-младшая* (1890—1958) — великая княгиня, дочь великого князя Павла Александровича и Александры Георгиевны (греч. принцесса), сестра великого князя Дмитрия Павловича, однополчанина барона П.Н.Врангеля; в первом браке за принцем Вильгельмом Шведским герцогом Зюндерманландским, сыном шведского короля Оскара II; во втором — за князем М.С.Путятым; либо *Мария Павловна-старшая* (урожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская, до принятия православия — *Мария-Александрина*) (1854—1923) — великая княгиня, жена великого князя Владимира Александровича (с 1874). С 1919 в эмиграции во Франции.

² Великая княгиня скорее всего звонила жене барона П.Н.Врангеля — баронессе *О.М.Врангель (урожденной Иваненко)* (1883—1968). Семья ротмистра л.-гв. Конного полка барона П.Врангеля жила на Ново-Исаакиевской улице, 26 (тел. — 3100), барон Николай Врангель вместе с родителями — на улице Бассейной, 27 (тел. — 5247).

³ *Врангель Петр Николаевич* (1878—1928) — барон, ротмистр лейб-гвардии Конного полка. За конную атаку под Каушеном, в ходе которой была захвачена неприятельская батарея, он был награжден (23 августа 1914) орденом св. Георгия IV степени. 10 октября того же года был принят Николаем II (*Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 491*). В декабре 1914 получил чин полковника. С августа 1918 — в Добровольческой армии. С апреля 1920 — главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. В ноябре 1920 вместе с армией эвакуировался в Турцию. В 1924 возглавил Русский общевоинский союз (РОВС). Умер в Брюсселе. В 1929 перезахоронен в Белграде.

⁴ *Катков Михаил Андреевич* — корнет л.-гв. Конного полка.

Катков Андрей Андреевич — вольноопределяющийся.

⁵ *Суровцов Дмитрий Владимирович* — шт.-ротмистр.

⁶ *Бобриков Михаил Георгиевич* — вольноопределяющийся.

⁷ *Курченинов I Александр Сергеевич* — поручик.

Курченинов II Дмитрий Сергеевич — корнет.

⁸ *Князев Владимир Сергеевич* — корнет.

⁹ *Зиновьев Георгий Александрович* — корнет.

¹⁰ *Бобриков Николай Николаевич* — шт.-ротмистр.

¹¹ *Гартман Борис Егорович* — барон, полковник.

¹² *Торнау Михаил Александрович* — барон, корнет.

¹³ *Накашидзе Константин Тимофеевич* — князь, корнет.

¹⁴ *Бенкендорф Петр Александрович* — граф, шт.-ротмистр.

¹⁵ *Багге-аф-Боо II Карл Карлович* — барон, корнет.

¹⁶ *Гогенфельзен Ольга Валерьяновна (урожденная Карнович)* (род. 1865) — по первому браку Пистолькорс (жена генерал-майора Эрика Августа II), жена великого князя Павла Александровича (с 1902), после признания Николаем II брака в 1904 получила титул графини Гогенфельзен. «Когда началась война, — вспоминал А.Мосолов, — графиня не пожелала более носить немецкой фамилии. По ходатайству великого князя Государь пожаловал его семье фамилию Палей — казачьего атамана, бывшего в родстве с Карнович (девичья фамилия Ольги Валериановны) — с княжеским титулом» (Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 135).

¹⁷ *Путилов Алексей Иванович* (1866 — не ранее 1937) — финансист, политический деятель, товарищ министра финансов в кабинете графа С.Ю.Витте, председатель правления Русско-Азиатского банка (1910). Состоял также председателем правлений Англо-Русского нефтяного общества, акционерного общества механических и трубных заводов «Продамет», нефтяного общества «Лианозова Г.В. сыновья», членом правлений табачных фабрик «Лаферм», Асмолова и «Дукат», Глузорского и Чудовского цементных заводов, ряда железных дорог и речных пароходств, Юзовских металлургических заводов, бумажных фабрик, книгоиздательства А.Ф.Маркса в Петербурге, вагоностроительных заводов и др. (всего 19 компаний). После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

¹⁸ *Павел Александрович* (1860—1919) — великий князь, сын императора Александра II. Первым браком женат на Александре Георгиевне (греческая принцесса); вторым — на О.В.Пистолькорс. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В 1916 назначен командующим 1-м гвардейским корпусом, затем генерал-инспектором войск гвардии. В 1919 расстрелян в Петропаловской крепости.

¹⁹ Ранее барон Н.Н.Врангель составил по просьбе издательства Красного Креста «Путеводитель по Русскому Музею императора Александра III», выход в свет которого был задержан войной (Венок Врангелю. С. 19).

Стоит отметить, что тетя Николая Николаевича — баронесса Вера Егоровна Врангель (1832—1915) была известной деятельницей Российского Общества Красного Креста: во время русско-турецкой и болгаро-сербской войн она ездила на Балканы, где организовала лазареты для раненых воинов (Geschichte... Р. 380—381). Впоследствии она была сестрой-настоятельницей петербургской Общины св. Георгия, заведующей Обществом попечения о бедных при Мариинской и Александровской больницах (Личный состав учреждений Российского Общества Красного Креста. Пг., 1915. С. 153). Во время мировой войны в Красном Кресте работала и баронесса М.Д.Врангель (Шевеленко И. Указ. соч. С. 12).

²⁰ «А наладить дело с госпиталями давно пора, — писал великий князь Николай Михайлович, — неурядица идет полная, раненые прибывают, а во всем недостатки — в марле, в белье, даже в медикаментах. На днях в Бродах, по словам члена Государственной Думы Демидова, творилось что-то невообразимое. На том пункте, где прибывали раненые, не хватало воды, не только для варки пищи, но и питьевой; люди не ели по 3 дня, у многих ничего не перевязали. Думскому отряду на 100 кроватей, при 2-х врачах и 2-х сестрах, пришлось иметь дело с 6000 ранеными. Конечно, большинство поехало дальше, не получив медицинской помощи. Из этих шести тысяч четыре прибыли в Ровно, большая часть которых была плохо перевязана, а вследствие этого у многих появились признаки заражения крови. Вот она — эта медицинская помощь! Ведь Москва и Киев не за горами, а уже в начале войны обнаруживаются те же недостатки, как и в японскую кампанию» (Романов Н.М. Записки. С. 148).

«После первых боев, — свидетельствует М.Родзянко, — начали приходить известия с фронта о возмутительной постановке санитарного дела по доставке раненых с фронта. Неразбериха была полная. В Москву приходили товарные поезда, где лежали раненые без соломы, часто без одежды, плохо перевязанные, не кормленные несколько дней. В то же время из отрядов Елизаветинской общины моя жена, попечительница ее, получала известия, что такие поезда проходят мимо их отряда и даже стоят на станциях, а сестер в вагоны не пускают, а стоят они без дела, не развернувшись. Между военным ведомством и ведомством Красного Креста было соревнование. Каждое ведомство действовало самостоятельно, и не было согласованности. Всех хуже была подача первой помощи у военного ведомства: не было ни повозок, ни лошадей, ни перевязочных

средств, а между тем другие организации вперед не допускались» (Родзянко М.В. Крушение Империи. Харьков, 1990. С. 96).

Санитарное дело, — вспоминал П.Милюков, — «находилось в плачевном состоянии. Докторский персонал был недостаточен; самых необходимых медикаментов не было; раненых сваливали на полу товарных вагонов, без медицинского присмотра, и они сотнями умирали в поездах» (Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 170).

²¹ *Мария Федоровна* (1847—1928) — императрица, жена императора Александра III, мать Николая II, дочь датского короля Христиана IX Дагмара-Софья-Доротея.

²² *Евдокимов Александр Яковлевич* — почетный лейб-медик, доктор медицины, начальник Главного военно-санитарного управления, член Главного управления Российского Общества Красного Креста.

«Вот, признаться, тройка, — писал В.Пуришкевич, — которую я давно сбросил бы с Тарпейской скалы: Евдокимова — главного медицинского инспектора, и двух его пристяжных — Гюбенета, западного фронта и Двукарева, северного; сколько зла приносят они нашим армиям — и не перечить, а самое главное и ужасное зло — это вечное их стремление скрыть истину и ставить палки в колеса учреждениям Красного Креста работающим на фронте, ибо им кажется, что каждый отряд не их ведомства, работающий в наших армиях, эвакуирующий и питающий раненых, является живым укором их деятельности, свидетельствуя о малой ее продуктивности и слабой постановке» (Пуришкевич В.М. Дневник. «Как я убил Распутина». М., 1990. С. 17).

«В[еликий] к[нязь] Николай Николаевич писал мне, — свидетельствует М.Родзянко, — что на удалении Евдокимова он давно настаивал, но его не удалили, потому что он пользовался расположением Сухомлинова и императрицы Александры Федоровны, которая убедила Государя оставить его на месте. Говорили, что императрица Александра Федоровна настаивала на этом только потому, что желала сделать наперекор императрице Марии Федоровне» (Родзянко М.В. Указ. соч. С. 97).

²³ Мнение Николая Николаевича о переименование северной столицы приведено в одном из диалогов романа князя С.Волконского:

« — [Врангель] О перемене имени? Вы знаете, что в одной немецкой юмористической газете было? Что русские так испугались нашествия немцев, что Двор и все министерства переехали из Петербурга в какое-то маленькое местечко, которого ни на одной карте нельзя найти и которое называется Петроград.

— Да, — сказала Вава [Крестовская], — и самое прелестное во всем этом, что никто не знает, почему это совершилось...

— Более того, — взвизгнул Врангель своей «суперлативной фистулой», как кто-то про него сказал, когда он начинал входить в полосу комически-негодующего непонимания мотивов того, о чем говорил. — Никто даже не знает, кто это выдумал. Только Государь мог бы сказать, откуда идет первая мысль, но Государь, говорят, никому не признается, кто ему первый об этом проэkte заговорил. Императрица Мария Федоровна пожимает плечами и говорит: «Скоро мне мой Петергоф назовут Петрушкин Двор»...

— Да, сказал Андрей [Конинский], — это то анонимное существо, которое именуется духом времени. Само анонимное, а другим меняет имена» (Волконский С.М., кн. Последний день. Роман-хроника. Берлин, 1925. С. 404). Подробнее см.: Тхоржевский И.И. Как Петербург стал Петроградом // Он же. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 177—179.

Лаконичная запись в дневнике К.Сомова: [19 августа] «Поражение наших войск, уничтожено два корпуса, убит Самсонов. Позорное переименование Петербурга в Петроград!» (Сомов К.А. Указ. соч. С. 133).

См. также запись в «синей книге» З.Гиппиус: [29 сентября 1914] «По манию царя Петербург великого Петра — провалился, разрушен. Худой знак! Воздвигнут некий Николоград — по казенному «Петроград». Толстый царедворец Витнер подсунил царю подписать; патриотично, мол, а то что за «бург», по-немецки (!?!)» (Гиппиус З. Указ. соч. С. 27).

²⁴ Кони Александр Федорович (1844—1927) — юрист, судебный и общественный деятель, получивший большую известность после процесса по делу В.И.Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова (1878). Суд присяжных под его председательством вынес оправдательный приговор, после чего он был отстранен от работы. Впоследствии — академик, член Государственного Совета (с 1907), профессор уголовного судопроизводственного права в Петроградском университете (1918—1922).

²⁵ Первое письмо опубликовано в номере «Старых годов», посвященном памяти барона Н.Н.Врангеля. А.Кони, в частности, писал: «Я не был с ним (Врангелем. — А.М.) знаком лично. 1915. Июль—август. С. 117).

Второе — адресовано баронессе М.Д.Врангель:

«VIII. 29 [1915]

Милостивая Государыня Мария Дмитриевна.

На днях сестра моя Людмила Федоровна напомнила мне, что я по старческой слабости памяти забыл, что имел честь и удовольствие видеться и беседовать с Вашим безвременно угасшим сыном Николаем Николаевичем. Я немедленно написал В.А.Верещагину о соответствующем исправлении моей статьи-письма о покойном и вчера поехал к Верещагину по тому же поводу в первую свободную минуту. К несчастью это было уже поздно: письмо оказалось уже напечатанным и сегодня появилось в «Старых Годах». Приношу Вам мое извинение в этом невольном, хотя и непростительном упущении обстоятельств, какие предостоят предо мною со всею яркостью.

Верещагин находит излишним напечатание поправки, которые, по его мнению, не изменяют самого характера письма и мне остается лишь просить Вас приобщить это письмо к тому месту дневника покойного, где он говорит о свидании со мною.

Со слов моей сестры, я справлялся у неперменного секретаря Академии наук и узнал, что дневник и другие рукописи барона Н[иколая] Н[иколаевича] Академия охотно примет на сохранение в запечатанном Вами пакете, с подписью о времени, когда Вы разрешаете его открыть, чтобы сделать содержание предметом ученых и литературных трудов.

Относительно коллекции книг и каталогов художественного значения я писал в Библиотеку педагогического женск[ого] Института и ответ буду иметь честь сообщить на Ваше усмотрение.

Примите уверение в моем глубоком уважении. А.Кони» (РГИА. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 7—8).

В декабре 1915 г., выступая на собрании, устроенном Обществом защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в память бывшего секретаря Общества, А.Кони сказал: «мимолетная и случайная встреча с бароном Врангелем не дает возможности говорить о живом впечатлении от его личности, о ее характерных чертах... Но тут выводит из затруднения одно из изречений Вольтера, который сказал, что есть книги и статьи, читая которые *впервые* ис-

пытываешь чувство приобретения друга, а когда *перечитываешь*, то встречаешь уже старого друга. Автором таких *друзей* был ... Врангель» (Венок Врангелю. С. 47).

²⁶ *Кожина Василиса* — партизанка Отечественной войны 1812 года, старости-ха хутора Горшкова Сычевского уезда Смоленской губернии. Организовав из подростков и женщин отряд партизан, вооруженных косами, вилами, топорами и т.п., Кожина уничтожала и брала в плен солдат наполеоновской армии во время их отступления из России. Была награждена медалью и денежной премией.

²⁷ *Крузенштерн Николай Федорович* — фон, генерал от кавалерии, команд. 18 армейского корпуса.

²⁸ *Волков Евгений Николаевич* — генерал-майор свиты Его Императорского Величества, управляющий Кабинетом, товарищ председателя Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

²⁹ См., например: Речь. 1914. 24 августа (6 сентября).

³⁰ *Александров Иван Михайлович* — потомственный почетный гражданин. Адрес дома — Сергиевская ул., 28.

³¹ В июле 1915 года в лазарете И.Александрова — перевязочная, старший врач А.А.Лейбович — находилось 14 нижних чинов, свободных мест не было (Краткий отчет Главноуполномоченного Северного района Российского Общества Красного Креста. Пг., 1916. С. 152).

³² *Луговой Алексей* — псевдоним беллетриста Алексея Алексеевича Тихонова (1853—1914).

Через два дня барон Н.Н.Врангель послал ему письмо (на бланке: «Русская жизнь в дни мирового смятения (Литературный сборник). Редакция»):

Милостивый Государь Алексей Алексеевич,

Направленный к Вам Анатолием Федоровичем Кони, позволяю себе обеспокоить Вас по следующему поводу. Настоящие тяжелые минуты, переживаемые всей Россией столь значительны и необычны во всей мировой истории, что было бы непростительным преступлением, если бы люди нашего времени не запечатлели бы все мысли и переживания, которые вызывает настоящая мировая война. Все мы, участвующие в тех или иных событиях, или только созерцающие их так поглощены всем происходящим перед нами, что почти не подводим итогов своим ощущениям.

Что же касается до прессы, то сообщая только факты и слухи, связанные с настоящими событиями, она также оставляет в стороне состояние умов русского общества в эти минуты.

Такое положение дела и дало группе лиц мысль выпустить в свет литературный сборник «Русская жизнь в дни мирового смятения» (мысли и переживания), цель коего соединить наиболее яркие документы настоящего времени. Нам важно не то, *что* происходит, а *как* воспринимаются события, нам важны не факты, а отражение их в наиболее замечательных умах русского общества во всех его слоях, начиная с престолярства и кончая наиболее культурными его представителями.

Отсюда ясна и наша задача и потому я и позволяю себе обратиться к Вам с настоящей покорнейшей просьбой. Быть может Вы согласитесь дать какую либо статью в наш сборник, выбрав тему, какую Вы пожелаете, лишь бы она отразила Ваше душевное состояние в настоящий знаменательный миг и Ваше личное восприятие того или иного факта. Я уже заручился согласием А.Ф.Кони и надеюсь получить статьи и от Д.В.Философова, Ремизова, Гершензона и проч.

В ожидании Вашего любезного ответа, прошу Вас принять уверение в моем совершенном уважении. Барон Врангель» (ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 60. Ед. хр. 7290. Л. 70—70об.).

³³ Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — русский писатель. С 1921 — в эмиграции. Барон Н. Врангель упоминается в воспоминаниях писателя среди основателей издательства «Сириус», первой книгой которого был ремизовский «Пруд» (1908) (Ремизов А. Встречи. Париж, 1981. С. 74).

³⁴ Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — русский историк литературы и общественной мысли.

³⁵ Александра Федоровна (до принятия православия — Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса) (1872—1918) — российская императрица, жена Николая II (с 1894). Дочь великого герцога Людвига IV Гессенского и Рейнского, по матери — внучка английской королевы Виктории. Расстреляна вместе с семьей в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

³⁶ Ольденбургский Александр Петрович (1844—1932) — принц, генерал. Участник русско-турецкой войны (1877—1878); командовал Гвардейским корпусом (1886-1889); член Государственного Совета (с 1896); Главном начальником военно-санитарной и эвакуационной части (1914—1917).

³⁷ А.А. Луговой умер 25 октября 1914 г.

³⁸ Савонарола (Savonarola), Джироламо (1452—1498) — флорентийский религиозно-политический деятель.

³⁹ На стороне Антанты в войну вступили: Италия (23 мая 1915 г.), Португалия (9 марта 1916 г.), Румыния (27 августа 1916 г.), Греция (29 июня 1917 г.). Союзниками германского блока стали: Турция (29 октября 1914 г.), Болгария (14 октября 1915 г.). Испания и скандинавские страны сохранили нейтралитет.

⁴⁰ Зубов Валентин Платонович ((1885—1969) — граф, директор Института истории искусств (основан в 1910, открыт — 2 марта 1912). «Под помещение этого института, — рассказывал Б. Берг, — был отведен весь нижний этаж большого Зубовского особняка на Исаакиевской площади. Здесь он собрал все лучшие сочинения и периодические издания по искусству и здесь же устроил аудиторию для чтения лекций. Открытие Института задержалось по разным причинам, и Врангель, всегда любивший подтрунивать над Вале́й, стал рассказывать, что Зубов собирается открыть совсем другой институт, выдумывая разные анекдоты, сочиняя стихи совершенно нецензурного характера и создавал ему совершенно невозможную репутацию. Сначала это все очень забавляло Валею, но потом он был не рад той молве, что о нем пошла» (Цит. по: Прилежаева-Барская Б.М. «Бродячая Собака» // Минувшее. 23. СПб., 1998. С. 409).

Образчиком является пассаж в одном из писем С.Маковскому (1911) — Кока Врангель, заканчивая обстоятельный обзор своей деятельности в Париже по организации выставки французской живописи, шуточно заметил: «По «делам похабным» мало интересного, так как времени совсем нет. Но для будущего также заручился многим. Выписал сюда Зубова, который закупил и увозит для Института: опиум и трубки, кокаин, эктеозол, гашишь, дилдою (вставлять в жопку), бархатные члены, собрание фотографий и живую девочку-француженку в качестве инструкторши (очень хорошенькая)» (ОР ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Ф. 124. Ед. хр. 1006. Л. 6об.).

Образ друга — в воспоминаниях графа В.Зубова: «создатель истории русского искусства XVIII и XIX веков барон Николай Николаевич Врангель, дорогой, незабвенный Кока, обаятельный циник, ученый без учености, значительный без значительности, саркастический и добрый, скептик и мистик, прекрасный оратор, но как бы с ноткой небрежности, обижавший серьезных глупцов (для меня он был другом какого встречаешь лишь раз в жизни...) — он в этом

первом году читал о русской живописи XVIII века» (Зубов В.П., гр. Указ. соч. С. 91).

⁴¹ *Сухомлинова Екатерина Викторовна (рожденная Гошкевич)* — в первом браке за Бутовичем, во втором — за В.Сухомлиновым (с 1909).

Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) — генерал от кавалерии, генерал-губернатор Киевской, Волынской и Подольской губерний (1904—1908), начальник Генерального Штаба (1908—1909), военный министр (1909—1915). В 1917 приговорен к бессрочным каторжным работам, в мае 1918 амнистирован советским правительством как достигший 70 лет. В эмиграции (с 1918).

⁴² «Сельский Вестник» — ежедневная газета (с 1906).

⁴³ *Бенуа Александр Николаевич* (1870—1960) — живописец, историк искусства.

⁴⁴ 31 августа 1914 г. редакция «Старых годов» обратилась к подписчикам со следующим оповещением:

«Редакция ежемесячника «Старые Годы» имеет честь известить г.г. подписчиков, что выход летнего и последующих выпусков журнала отсрочен на неопределенное время. Война за Отечество захватила все наши мысли и чувства, жизнь в области искусства замерла, интерес к нему в среде читателей тоже естественно заглушен... С другой стороны, военные обстоятельства мешают общению с иностранными друзьями Редакции, некоторые ближайшие сотрудники отвлечены от обычной работы призывом на военную службу или иную общественную деятельность и, наконец, правильность самой доставки журнала при настоящих условиях не обеспечена. Поэтому Редакция решается прервать выход «Старых Годов» до более благоприятного времени.

Не предрешая, при этом, дальнейшей программы издательства, редактор-издатель подтверждает, что лица, подписавшиеся на текущий 1914 год, непременно будут, едва к тому представится возможность, полностью удовлетворены согласно обычной программе» (Цит. по: Старые Годы. 1914. Октябрь—декабрь. С. 119).

Журнал «Старые годы» организовал лазарет для нижних чинов на 13 мест, с перевязочной (старший врач — Н.Г.Куковеров) (Краткий отчет... С. 153).

«С течением времени, однако, — сообщалось в журнальной хронике, — удовлетворительное выяснение ряда практических вопросов издательства, возвращение некоторых сотрудников к обычным занятиям, а также множество запросов и заявлений подписчиков, недовольных перерывом в выходе журнала, побудили Редакцию возобновить его выпуск. Поэтому, 31 декабря подписчиком разослано следующее объявление:

«Редакция ежемесячника «Старые Годы» имеет честь известить г.г. подписчиков, что ныне заканчивается печатанием тройной выпуск за месяцы октябрь, ноябрь и декабрь, который будет разослан в январе наступающего года. Что же касается летнего выпуска (июль—сентябрь), то работы по таковому прервались на половине, вследствие отъезда некоторых авторов на войну, что остановило печатание номера на неопределенное время; по этому срок его выхода сейчас установлен быть не может. По получении недостающих статей выпуск будет закончен печатанием немедленно и разослан дополнительно, вместе с указателем за весь год.

Применяясь таким образом, к сложившимся условиям, Редакция в то же время надеется по мере возможности осветить и вопросы художественной жизни, особенно заинтересовавшие читателей своей связью с волнующими мир военными событиями» (Старые Годы. 1914. Октябрь—декабрь. С. 119—120).

⁴⁵ *Сергей Михайлович* (1869—1918) — великий князь, флигель-адъютант (с 1899), командир 2 л.-гв. Конной артиллерийской бригады, начальник Главного артиллерийского управления (1914—1915).

⁴⁶ Газетная вырезка вклеена в тетрадь.

⁴⁷ «Старые годы», рассказывая о разрушениях немецкими бомбами Реймского собора, в частности сообщали: «своды недавно еще держались. Часть бесчисленной замечательной наружной скульптуры (только у входа было 122 статуи) превратилась в крошево. Что сделал пожар внутри — не выяснено.. В Лувене [Бельгия] ... уцелела только ратуша, разрушены собор св. Петра, где были знаменитые картины Дирка Боутса, Рожье ван дер Вейдена, и другие церкви, целые старинные кварталы, всего до 1500 домов, в том числе библиотека, университет; частью сожжена, частью ограблена картинная галерея..» (*Старые Годы*. 1914. Октябрь—декабрь. С. 121—123).

⁴⁸ 21 сентября А.Бенуа опубликовал в «Речи» «Ответ барону Н.Н.Врангелю».

Запись в дневнике М.Пришвина: «[24 сентября] Спорят в газетах Бенуа с Врангелем: следовало ли закрываться «Старым годам»? Ну, кому нужны теперь «Старые годы»? А, между тем, верно и то, что кому можно, нужно оставаться на своих местах» (Пришвин М.М. Дневники. М., 1991. С. 88).

Возвращаясь к своей полемике с Николаем Николаевичем, А.Бенуа писал после смерти друга: «Я по-прежнему считаю, что он был не прав. Но, во всяком случае, Врангель совершил свою «измену», не изменяя существу своей натуры. В войне он увидал то же своего рода «художественное лицо» жизни, в войне он понадеялся найти исток переизбытку своей энергии и все того же энтузиазма... Но в высшей степени характерно для Врангеля то, что лишь только он несколько освоился с новой обстановкой, как снова обратил свои заботы на свое прекрасное дитяще и уже в октябре можно его было видеть в вагоне-лазарете держащим в свободное от трудов по эвакуации раненых время корректуры своим художественным статьям и даже пишущим новые, и сверяющим материалы» (*Современное искусство*. 1915. 27 июня).

В анонсе «Старых годов» на 1915 г. сообщалось о выходе «в ближайших выпусках» статей барона Н.Н.Врангель: Портреты «Princesse de Ligne», «Пастели Гатчинского дворца» (Старые годы. 1914. Октябрь—декабрь).

⁴⁹ Склад «при доме военного министра» (Мойка, 67) был открыт 29 июля 1914 года.

⁵⁰ «Я не выношу Сухомлинову, — писал в дневнике В.Пуришкевич, — эту, по-моему, международную авантюристку типа Марии Тарновской... но дело — прежде всего и, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок... У Сухомлиновой на Мойке работает целый муравейник девиц и дам. Работа, видимо, спорится... По временам в этот склад в кургузой тужурке петанлерчиком, чинно сходит военный министр Сухомлинов, находящийся, очевидно, — сужу по манере обращения с ним его жены, — в бесконечном ей подчинении и решительном на все смотрящий ее глазами» (Пуришкевич В.М. Указ. соч. С. 37).

⁵¹ *Бутович Владимир Николаевич* (род. 1873) — помещик Полтавской губернии. Первый муж Е.В.Сухомлиновой.

⁵² «Это моя третья супруга, — писал В.Сухомлинов, — когда я с нею познакомился, была уже на пути к разводу со своим мужем, который недостойно обращался с нею и обманывал. Ее первый муж, в первоначально данном согласии на развод, отказал ей в этом, когда узнал, что Екатерина Викторовна собирается выйти за меня замуж. Потребовался продолжительный бракоразводный процесс, со всеми неприятными подробностями и в конце концов — изблечение ее первого мужа в том, что он превратил брак в дикую жизнь и ходатайство моей будущей жены перед Государем о повелении прекратить ее мучения» (Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 323). О «деле киевского помещика В.Н.Бутовича» см.: Алушкин В.А. Генерал от поражений В.А.Сухомлинов. Л.,

1925. С. 26—33; Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 гг. М., 1924. Т.1. и др.

⁵³ *Манташев Левон (Леон) Александрович* — предприниматель, нефтяной магнат, председатель правлений Нефтепромышленного и торгового общества «А.Н.Манташев и К^о» и Нефтепромышленного и торгового товарищества «Братья Мирзоевы и К^о», член правления Нефтепромышленного общества «И.Е.Питоев и К^о», член советов Азовско-Донского коммерческого и Тифлисского коммерческого банков.

⁵⁴ «Крупные промышленники принимали деятельное участие в этом деле, — вспоминал В.Сухомлинов, — в том числе и нефтяной король Манташев и его друзья, князь Накашидзе, Габаев и многие другие, помогавшие не только деньгами и подарками, но также и личным участием в организации и ведении дела. Вскоре отделение Екатерины Викторовны стало одним из наилучше организованных и богатых. Еще до Рождества Христова ей удалось составить поезд «прачешная-баня», которые доходили до последней этапной станции, там солдаты меняли белье, которое тут же стиралось, и люди мылись в бане. В конце ноября 1914 года начался сбор средств на эти благотворительные учреждения и к Рождеству ей удалось отправить несколько поездов с подарками на фронт» (Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 316).

⁵⁵ *Беляев Михаил Алексеевич* (1863—1918) — генерал от инфантерии, начальник Генерального Штаба (1914—1917), военный министр (январь—февраль 1917). После Февральской революции был арестован и находился под следствием по делу о недостатках боевой подготовки армии. После октября 1917 — освобожден.

⁵⁶ *Всеволожский Сергей Сергеевич* — генерал-майор, начальник отдела военных сообщений Главного управления Генерального Штаба.

⁵⁷ «Солдатский вестник» — газета Петроградского военного округа. Первый номер вышел 31 августа 1914 г. Редактор — полковник П.А.Риттих.

⁵⁸ «Армейский вестник» — газета, издававшаяся при Штабе Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта с 10 (23) августа 1914 г. по 12 (14) ноября 1917 г.

⁵⁹ *Оппель Владимир Андреевич* — доктор медицины, профессор Императорской Военно-медицинской академии. В августе-сентябре профессор В.Оппель находился на Северо-Западном фронте в качестве «консультанта при Главноуполномоченном Красного Креста» этого района. См.: «Отчет о деятельности на театре военных действий консультанта Красного Креста профессор Императорской Военно-медицинской академии В.А.Оппеля за время от 11 августа по 1 октября 1914 г.» (Вестник Красного Креста. 1915. № 7. С. 2961—2986).

Среди сестер милосердия, помогавших профессору, была баронесса О.М.Врангель, о которой он, в частности, писал: «не могу не заметить, что в самом начале наркозы взяла на себя сестра-волонтерка баронесса Врангель и все их провела прекрасно» (Там же. С. 2963).

⁶⁰ *Ольга Николаевна* (1895—1918) — великая княжна, старшая дочь Николая II и императрицы Александры Федоровны. Расстреляна в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

⁶¹ В бумагах барона Н.Н.Врангеля сохранилось рекомендательное письмо военного министра:

Военный министр

Предъявителю сего, Барону Николаю Николаевичу *Врангелю*, уполномоченному отделом склада Ея Величества, при доме Военного Министра для главного

руководства деятельностью военно-санитарного поезда №81, — Ея Императорского Высочества Ольги Николаевны, — прошу оказывать всякое содействие.

Петроград. 20 окт[ября] 1914 года

Генерал Адъютант *Сухомлинов*

[Печать] (ОР ГРМ. Ф. 96. Ед. хр. 2. Л. 1).

⁶² Император Николай II приезжал в Москву 4—5 августа 1914 года.

⁶³ *Фредерикс Владимир Борисович* (1838—1927) — барон, граф (с 1913), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного Совета, министр Императорского Двора и уделов (1897—1917).

⁶⁴ *Бенкендорф Павел Константинович* (1853—1921) — граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, обер-гофмаршал, член Государственного Совета.

⁶⁵ *Корф Павел Павлович* — барон, обер-церемониймейстер.

⁶⁶ *Грюнвальд (Гринвальд) Артур Александрович* (род. 1847) — фон, генерал от кавалерии, обер-шталмейстер, завед. придворной конюшенной частью.

⁶⁷ *Дрентельн Александр Александрович* (1868—1925) — фон, флигель-адъютант, шт.-офицер для поручений, прикомандированный к Императорской Главной квартире (с 1906), генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, командир Л.-гв. Преображенского полка (1915).

⁶⁸ Газетная вырезка вклеена в дневник.

⁶⁹ *Мария Николаевна* (1899—1918) — великая княжна, дочь Николая II и императрицы Александры Федоровны. Расстреляна в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

«В ПРОМОЦИИ ВАШЕЙ Я ВСЕГДА БЫЛ УВЕРЕН»

Письма П.Н.Милюкова С.Ф.Платонову. 1890 г.

В личном фонде С.Ф.Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся адресованные ему более 70 писем П.Н.Милюкова (ОР РНБ. Ф. 585. Д. 3546—3548). Они относятся к 1886—1900 гг., однако наиболее интенсивно переписка велась с 1890 по 1892 г. (56 писем). И корреспондент и получатель — известнейшие фигуры в истории отечественной науки, самоидентифицирующие себя с различными научными школами — московской и петербургской. В рамках названных школ все явственнее обозначались происходившие в то время изменения сложившейся ранее конфигурации — письма П.Н.Милюкова позволяют зафиксировать стремление молодых москвичей и петербуржцев к усвоению достижений друг друга, к преодолению заданной традицией демаркационной линии между школами, что, безусловно, отражало внутренние тенденции развития историографии на рубеже веков.

В биографии П.Н.Милюкова 1890-е гг. оказались чрезвычайно насыщенными, невероятно плодотворными и одновременно драматичными. Многие жизненно важные линии для ученого — печатание монографии, защита диссертации, стремление сделать академическую карьеру и утвердиться в Московском университете — оказываются тесно связанными с фигурой С.Ф.Платонова. К этому времени Сергей Федорович уже крепко стоял на ногах, житейская премудрость, по Милюкову, казалась у него врожденной. С точки зрения москвича, С.Ф.Платонов, «что называется, «столичная штучка». Для него в известных обстоятельствах жизни слово — серебро, а молчание — золото»¹. В 1888 г. С.Ф.Платонов получил магистерскую степень, а в 1890 г. в связи с болезнью Е.Е.Замысловского приступил к исполнению обязанностей профессора русской истории; незадолго до этого по приглашению В.Г.Васильевского он стал членом редакции «Журнала Министерства народного просвещения»².

«Живая» судьба П.Н.Милюкова задает особый ритм переписке, которую можно назвать романом в письмах, где есть завязка (надежды на академическую карьеру и удачный преподавательский дебют), кульминация (обострение взаимоотношений с В.О.Ключевским и несостоявшаяся надежда на докторство) и развязка (отлучение от университетской кафедры, ссылка в Рязань и переезд в Софию). На последней почтовой открытке П.Н.Милюкова мы находим карандашную помету

¹ Милюков П.Н. Два русских историка: С.Ф.Платонов и А.А.Кизеветтер // Современные записки. Париж, 1933. Т. 51. С. 314.

² См.: Колобков В.А. Академик С.Ф.Платонов и его учебник русской истории // С.Ф.Платонов. Учебник русской истории. М., 1992. С. 8; Чернобаев А.А. Сергей Федорович Платонов // Историки России XVIII—XX веков. Вып. 2. М., 1995. С. 14—15; Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч. 1—2 и др.

С.Ф.Платонова: «Больше сношений никаких с Милюковым не было после 11.3.1900». Разворот в милюковской линии жизни в сторону от карьеры профессионального историка предопределил и исчерпанность коммуникативных связей с С.Ф.Платоновым. Уже в эмиграции, в 1933 г., он откликнулся на смерть С.Ф.Платонова: «Я лично имел не один случай убедиться в сердечной теплоте моего старого петербургского коллеги»³.

Магистральными темами переписки историков стали следующие: работа П.Н.Милюкова над диссертацией и издание монографии «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого» при прямом посредничестве С.Ф.Платонова; сближение П.Н.Милюкова с А.С.Лаппо-Данилевским и подготовка по поручению Академии наук отзыва на его работу; взаимоотношения П.Н.Милюкова с В.О.Ключевским, попытки упрочиться в Московском университете. Но за этим, отчетливо выраженным событийным рядом, прочитывается и иной контекст — состояние и динамика академического сообщества с определенными правилами игры, сложившейся иерархией, конвенциями, ценностями, миром профессорской субкультуры. Д.Н.Овсянко-Куликовский в своих воспоминаниях, апеллируя к собственному опыту, описывает психологические сложности вхождения в профессорскую субкультуру: «Что такое «молодой ученый» в начальном периоде преподавательского стажа в высшей школе, получивший доцентуру или приват-доцентуру? ...Это такой «молодой ученый», в котором еще живехонек студент, незрелый адепт науки, воспринимающий ее одновременно и с наивностью, и с самонадеянностью неопита... Он еще не приспособился к новому положению, он в синклите ученых — homo novus, но ему с первых же дней приходится играть роль «настоящего» ученого, «настоящего» профессора... очень трудно выдержать роль, не сбиваясь с тона»⁴.

На этом этапе огромное значение приобретают внешние факторы — влияния. «Формирующий» период сменяется «продуктивным», в течение которого ученый перерабатывает накопленный опыт, преобразуя его в свои внутренние установки и взгляды, и «отдает» в виде своих научных результатов. На этой стадии значение «влияний», хотя и остается, но заметно ослабевает. Последовательное прохождение указанных этапов считается в научном сообществе нормой, а границей, рубежом, как правило, воспринимается защита магистерской диссертации.

Несмотря на задержку с защитой диссертации, научная судьба Милюкова не укладывается в данный канон, «формирующий» период невероятно уплотняется и все более приобретает черты «продуктивного», провоцируя, тем самым, неоднозначность восприятия его старшими коллегами. В самом деле, еще до защиты диссертации он приобретает авторитет известного «нового историка конца XIX века», «в Санкт-Петербурге Вы котируетесь хорошо...» — сообщал ему петербуржец С.Ф.Платонов⁵; несколько лет спустя, в 1896 г., Платонов назовет Милюкова серьезным ученым, сочетавшим «и знание, и талант в такой мере, что между его учеными сверстниками ему, бесспорно, отводится одно из самых первых мест...»⁶. Милюков почти одновременно заявил о себе как ученый в различных отраслях исторической науки (историографии, исторической географии, истории России XVIII в., истории культуры).

³ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 314.

⁴ Овсянко-Куликовский Д.Н. Воспоминания // Овсянко-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы. В 2 т. М., 1989. Т. 2.

⁵ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Ч. III. Д. 3949. Л. 37об.

⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1477. Л. 1—1об.

На начальном, формирующем этапе он, как и всякий молодой ученый, стремился усвоить «правила игры» в профессорском сообществе, уподобить себя этой среде. Важное место в переписке занимают вопросы отношения к нему со стороны маститых ученых (К.Н.Бестужева-Рюмина, В.Г.Васильевского и, конечно, в первую очередь, В.О.Ключевского), а также его собственное отношение к ним. Он высоко ценит внимание, положительные рецензии, похвалу в свой адрес. В то же время в процессе адаптации Милюков оценивает научную среду на предмет соответствия идеалам и ценностям высокой науки (напомним, что адаптация неизбежно включает и избирательность, ассимиляцию, «уподобление себе»). Как участник процесса — внимательный и часто недоброжелательный его наблюдатель — Милюков фиксирует слабости и промахи маститых ученых, например, В.И.Герье, Н.С.Тихонравова, но наиболее жесткие характеристики он дает своему учителю В.О.Ключевскому.

В письмах П.Н.Милюков раскрывается читателю как личность более сложная и противоречивая, чем в портретной зарисовке, сделанной его современником Е.Ф.Шмурло, хотя многие характеристики, безусловно, совпадают: «Что за симпатичный человек! Со всеми хорошими свойствами радушия и благородной простоты отношений, прекрасный работник, он много знает, на нем видна хорошая школа; 30 лет, а он знает столько, сколько не узнаю я в 40; методол[огические] системы — все это ему не чуждо. Приказы, варяжский вопрос, историография — вы чувствуете, что это не нахватано, а прочувствовано, продумано и споры с ним — это не ложку облизать. Он и философию нюхал, и во всеобщей истории не незнайка. Лето провел в Италии, занимался искусством — мы в этой области во многом сошлись с ним — большие способности к языкам, владеет немецким, французским и литературным английским, учится шведскому — и при всем бездна молодости, жизни, энергии и самой симпатичной простоты отношений»⁷. Молодости не свойственна сдержанность и чопорность — письма П.Н.Милюкова, несмотря на драматические коллизии его судьбы, погружают нас в атмосферу едкой шутки, острого слова, иронии, особой легкости молодого интеллектуала.

Письма публикуются по правилам современной орфографии, с сохранением стилистических особенностей оригиналов. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Слова, подчеркнутые автором, выделены курсивом.

Публикацию подготовили кандидат исторических наук В.П.КОРЗУН, М.А.МАМОНТОВА, кандидат исторических наук А.В.СВЕШНИКОВ. Автор вступительной статьи В.П.КОРЗУН.

№ 1

25 февраля 1890 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Давно следовало бы мне уже ответить на Ваше письмо и поблагодарить за интересные сведения о «Журн[але] мин[истерства] н[ародного] пр[освещения]» и за другие петербургские новости. По-видимому, Вы хотели намекнуть, что Васильевский¹ с избранием в академики уже не будет кандидатом на редакторство и потому, с оставлением журнала

⁷ ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. Карт. 7774. С. 73.

Майковым², редактором будет какое-нибудь другое лицо? Впрочем, не могу у Вас вытягивать дальнейших намеков и буду ждать, пока об этом можно будет говорить прямо.

Правда ли, что Замысловский³ оправляется? Мне говорил об этом Якубов⁴, приехавший заниматься сюда в Арх[ив] ин[остранных] д[ел]. Кстати, кто сей Якубов, у Вас в Питере я, как будто, не слышал его имени? Кизеветтер⁵ — мой слушатель, уже с год или два как оставленный при университете; его считают самым серьезным из оставленных; я лично, впрочем, знаю его очень мало, хотя он и бывает у меня довольно часто: в работе мне не случалось его видеть, а печатать он до сих пор ничего не начал, кроме маленьких рецензий в «Книжном вестнике». Латкинской рецензии до сих пор не видал потому, что не получил еще три книжки [...]»^а.

От Дружинина⁶ я получил вчера письмо с просьбой сообщить, куда и сколько нужно заплатить за «Время»? Так как я боюсь, что ему долго придется ждать ответа, если я отложу ответ до письма к нему, то позвольте ответить ему в моем письме к Вам: Вы с ним, кажется очень близки. За 4-ю кн. 1887 г. — 3 р.; за 3 и 4-ю 88 г. — 4 р.; на 1889 [г.] принимается подписка — 8 р.; на 1890-й — 8 р. 50 коп. Отправлять эти деньги нужно в Архив иностр[анных] дел (Воздвиженка), Сергею Алексеевичу Белокурову⁷; книги будут доставляться аккуратно, так как Белокуров не то, что Елпидифор⁸; он человек распорядительный.

Скоро выйдет дневник, я издал сброшированной книжкой; оставили ли Вы свой адрес Трутовскому⁹ для получения его? Если нет, позвольте предложить свои услуги. У меня есть и личный интерес в том, чтобы Вы его получили поскорее: именно, мне хочется, чтобы Вы показали Васильевскому изложение моего реферата (впрочем, не знаю, как оно будет сделано: я отдал реферат Слудскому¹⁰) и потом, при случае, написали бы мне о том, что он скажет; разумеется, Вы можете ему сказать, что я желал бы знать его мнение. Дринов¹¹ на диспуте со мной согласился, а Успенский¹² не высказал никаких строгих возражений; мотивированное мнение Васильевского было бы для меня весьма интересно. Ваши возражения Забелину¹³ Трутовский переврал немилосердно, сокращал мой отчет о заседании; я ему уже раза два говорил, чтобы он исправил эту, и другие ошибки — в опечатках; не знаю вдолбил ли.

Жена Вам кланяется и радуется вместе со мной тому впечатлению, которое Вы увезли с собой из Москвы; теплый тон Вашего письма напоминает мне тон нашей последней беседы в театре: то и другое я вправду, думаю, считать признаком нового фазиса в истории нашего знакомства.

Преданный Вам

П. Милюков

^а Два слова неразборчивы.

Жене Вашей сердечный привет от меня и от моей жены, которая надеется когда-нибудь с ней познакомиться.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 3—4.

№ 2

Москва

15 марта 1890 г.

Итак, Вы закрепляете новый фазис в наших отношениях; позвольте же мне для начала отбросить то «многоуважение», с которым я до сих пор к вам обращался и с которым я ужасно не люблю обращаться к лицам, относящимся ко мне дружественно и к которым я отношусь дружественно. Пишу к Вам после целой недели университетских волнений, начавшихся в прошлую среду вследствие беспорядков в Петровской академии¹⁴. Там были свои внутренние причины: борьба с директором Юнге¹⁵, введение нового устава и т.д.; в результате чуть не всю Академию перевели в пересыльную тюрьму, — теперь 30 человек исключили и закрыли три старшие курса до осени. У нас появились прокламации, приглашавшие поддержать петровцев и выставлявшие разные требования, напр[имер], университетской автономии, уничтожение еврейского процента, полицейской власти инспекции, свободного доступа всем в университет и т.д. Требования их поддерживались на сходках, на к[ото]рых полиция забирала присутствующих, отводила в манеж, потом разводила по участкам и в пересыльную тюрьму. Таких арестов было целых три: в перв[ый] раз 386 чел[овек], во второй 70, в третий 60. Теперь относительно первой категории правление уже постановило решение: 3-х исключить, ок[оло] 40 человек исключить с правом поступления в другие университеты, ок[оло] 280 заставить выразить сожаление о случившемся и принять, остальных принять после карцера. Вероятно, теперь решено и о других, но я еще не слыхал ничего. Теперь все затихло, — по крайней мере на три дня. Высылают из Москвы в большом количестве.

Очень было мне интересно прочитать Ваши сведения о реформе преподавания истории в гимназиях. Не знаю, что предлагала подкомиссия Гуревича¹⁶, но то, что принято, как раз соответствует моим желани-ям: в прошлом году, когда директор Лазаревского института собирал материалы для записки, которую должен был предоставить в министерство, ко мне приехал знакомый учитель истории оттуда, и я проектировал как раз то самое, что принято; любопытно было бы знать, — играла ли тут роль записка Кананова?¹⁷

Скажите, могу ли я *теперь же* прямо обратиться к Васильевскому для личных переговоров, или это нужно отложить до мая. Мне было бы интересно выяснить теперь же: 1) С какого месяца можно будет начать печатание; Лаппо-Данилевский¹⁸ по собственному почину говорил с Васильевским о печатании моей диссертации, и пишет, что это, «пожалуй,

возможно, если начать с осени»; если нельзя раньше, то я готов согласиться и на осень, но для меня важно было бы, чтобы хоть часть я мог напечатать уже летом; 2) Напечатает ли «Ж[урнал] М[инистерства народного просвещения]» приложения, хотя бы часть их; это для меня имеет значение, потому что в случае отрицательного ответа я теперь же бы принял решение, печатать ли их отдельно в «Чтениях», или же на свой счет, чтобы сброшюровать вместе; 3) Можно ли *теперь* поднять вопрос о том, что запросит «Ж[урнал] М[инистерства народного просвещения]» за лист, если я пожелаю получить еще 600 оттисков? Вы, конечно, понимаете, что это вопрос деликатный; я, разумеется, задаю его не для того, чтобы торговаться с «Ж[урналом] М[инистерства народного просвещения]», а чтоб выяснить, может ли гонорар покрыть расходы на приложения, в случае если печатать их на свой счет; если нет, то я теперь же и решу — печатать приложения в «Чтениях».

Я перечисляю три пункта, которые желательно выяснить, *не с тем*, чтоб навязать Вам их выяснение; Вы только напишите мне, можно ли с такими запросами обращаться к Васильевскому и когда именно. Если Вы найдете, что последний вопрос нельзя или неловко задавать Васильевскому, я хотел бы знать Ваши собственные предложения на этот счет, как человека, знакомого с условиями, предлагавшимися редакцией в разных случаях.

Как прошел диспут? У нас, кажется, тоже будет диспут; Якушкин¹⁹ напечатал «Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII в.»; может быть, защита будет еще весной.

Я получил из Исторического общества извещение, что надо вносить 5 руб. Дружинину. Скажите ему, что если он не послал еще за «Чтения», можно бы было устроить так, чтобы он послал пятью рублями меньше, чем следует; я заплачу тут, а он пусть внесет там.

Неужели Замысловский у Вас опять отберет все часы?

Преданный Вам

П. Миллюков

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 5—6.

№ 3

23 марта 1890 г.

О Шамонине²⁰ известия довольно неутешительные. Он, действительно, один из 30—40 чел[овек], не подписавших раскаяние. Вчера, за четверть часа до моей справки о нем, он подал в канцелярию прошение о выдаче бумаг и сегодня их получит, как и другие товарищи по положению. Что будет за тем? Во-1-х, его могут выслать из Москвы, и это самое неприятное, что может его ожидать; права поступить в университет он сохраняет; но я вчера узнал от нашего приват-доцента Трубецкого²¹, родственника попечителя, — Капнист²² уверен, что осенью не

подписавшим можно будет вернуться в университет, — по крайней мере, некоторым, — стало быть конечно, и Шамонову, потому что он у инспекции на хорошем счету. Но все эти соображения может перевернуть вверх дном полиция, которая высылает, карает и милует очень случайно. Если он поступит опять осенью, тогда последствием всего этого останется только отметка о «хорошем» поведении в аттестате, что равняется четверке, это знаю по собственному опыту, потому что в 1881 г. попал аккуратно в тоже положение, как теперь Ваш бедняга, только в наше время отношение к этой четверке было благодущное, и получивший ее мог, как видите, пробраться в приват-доценты; теперь этого, конечно, нельзя.

Относительно предложения рецензировать Сергеевича²³ — думаю отказаться; книги я до сих пор не видал, но, во всяком случае, *теперь* мне некогда писать *серьезную* рецензию, а писать какую-нибудь — имеют право только постоянные участники журнала, как я, например, в «Р[усской] м[ысли]». На диспуте Якушкина, верно, мне не миновать официального оппонентства и связанной с ним возни; поэтому теперь спешу допечатывать свою разрядную, привожу в порядок материалы для диссертации, пишу ее, словом, дел по горло. Весьма благодарен Вам, любезнейший Сергей Федорович, за Ваши справки и сообщения о «Журн[але] Мин[истерства] н[ародного] пр[освещения]»; Васильевскому буду писать на днях, руководствуясь Вашими указаниями. О содержании Ваших возражений Чечулину²⁴ узнал с удовольствием: значит, в главном мы сходимся. Что Ч[ечулин] хочет непременно отвечать мне, нахожу очень существенным: к этому должны принуждать его, во-первых, задетое самолюбие, во-вторых, мне кажется, и не совсем чистая совесть; в интересах первого он будет нападать, в интересах второй — оправдываться; и мне интересно, какой элемент перевесит. Отвечать я ему не буду.

Преданный Вам

П. Милюков

Пишу не у себя дома, боясь задержать письмо.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 7.

№ 4

Москва

13 апреля 1890 г.

Поздравляю Вас с новым назначением — в Ученый комитет; сколько могу понять, это, кажется, значит, что Вы из «новичков» вышли, и даже «с городом» больше не служите, а попали «в выбор» и, чего доброго, скоро будете «жить в думе». В добрый час. Васильевский не так меня понял; я, действительно, спрашивая его о возможности печатать приложения *раньше* текста, не упомянул, что это — мой частный заказ; но не упомянул, вероятно, потому, что мне ведь хорошо известно, что

«Ж[урнал] М[инистерства народного просвещения]» приложений не печатает; я думал, что это само собой разумеется. Исходя из этого положения, я и Вас спрашивал о гонораре. Обозначил же я ему мои приложения, чтобы приблизительно указать, как велика будет работа для *типографии*; я и спрашивал его, когда будет свободна *типография*, а не редакция — печатать приложения. Вы пишете, что редакция примет под свое покровительство приложения, когда я пришлю рукопись диссертации. На сие отвечаю: рукопись мне было бы удобно присылать частями, главами, по мере того, как она будет печататься; приложения же хотелось бы напечатать ранее, чтобы иметь возможность ссылаться на них в тексте. Приложения я мог бы присылать немедленно; над текстом же, особенно над первой главой, я буду сидеть без конца, пока мне не скажут: довольно, пожалуйста к такому-то числу такого-то месяца вашу рукопись. Вы понимаете, почему мне важно связать себя сношениями с редакцией как можно ранее. Итак, найдете ли Вы удобным и уместным с моей стороны просить Васильевского допустить печатание приложений (разумеется, на мой счет) раньше присылки рукописи? Если это, по Вашему мнению, затруднит его, тогда единственное, что я имею спросить у него, — это когда именно, т.е. в каком месяце, и какое количество листов или страниц текста (*maximum*) могу я напечатать в первый раз. Вы, пожалуйста, будьте сами судьей, что у него спросить и чего не спрашивать, потому что я, как видите, не умею спрашивать и попадаю в просак.

Спасибо за известия о событиях; предстоящая отставка Деянова²⁵ и у нас известна (через попечителя), хотя Кареев²⁶ и уверял, что он сидит [прочнее], чем когда-либо. Он у нас тут произвел два историософических реферата, на которых, впрочем, я не присутствовал; кажется, *ab ut magister, quasi laterna unctus oleo*, еже есть впроще реши — не солоно хлебавши^a. Но у Вас, судя по тону напечатанной в «Р[усской] мысли» статьи, он ведет себя довольно царственно; так и чувствуется между строк: «Историческое общество — это я». Про Якушкина и здесь говорят то же, что и у Вас; я только что дочитал книжку и ему, признаться, не завидую: диссертация вышла довольно позорная; во всей книге страниц 75 относятся к теме, да и тема-то, вдобавок, не понятна, т.е. взята с несущественной стороны: разве в размере надела *суть* нашей аграрной политики XVIII [века]? В первую половину века, вопреки всем его нятяжкам, никакой аграрной политики не было, а во второй была — относительно *государственных* крестьян, только совсем не в хлопотах о размере надела состояла, а в проведении вотчинной власти государства над госуд[арственными] крестьянами; самые яркие признаки усиления вотчинной власти: *оброчная* подать с крестьян, введенная Петром, и введение общинного хозяйства по межевой инструкции; факты, действитель-

^a Учитель ускользнул, словно фонарь, т.е. проще сказать — очевидно, имеется в виду, что он — П.Н.Милюков — остался не солоно хлебавши.

но, крупные, последний даже — огромный, а он их и не заметил; не будь их, не было бы сословия «госуд[арственных] крестьян», а были бы прежние черносошные, ясачные да однодворцы. А заметили Вы рабскую зависимость от Неволлина²⁷ в первой половине? А какова натяжка в этой схеме, что в XVII в. правительство заботилось о поместном, а в XVIII в. о крестьянском наделе! Он винит тех исследователей, которые вопрос о наделе разбирают по отношению к помещичьим крестьянам; но, конечно, только относительно помещичьих крестьян этот вопрос имеет юридический смысл и исторический интерес; сам же он, расширив произвольно потери надела, оставил за ним специфические черты, к[ото]рыми отличается оно только по отношению к помещичьим крестьянам. От Безобразова²⁸ ничего путного и нельзя было ожидать: хорош ученый, который пишет книгу, чтоб решить, был Пселл²⁹ мерзавцем или порядочным человеком!

Если хотите, могу послать в «Библиограф» свой реферат на [...]а, который не собирался печатать до издания «Трудов».

Кончил разве Лаппо-Данилевский диссертацию? Мне он последних листов не присылал.

Ваш П. Милюков

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 9—10.

№ 5

22 апреля 1890 г.

Не знаю, найдете ли во мне подходящего советчика: прежде всего напомним Вам то, что говорил здесь, именно, что мы с Ключ[евским]³⁰ теперь в самых отвратительных отношениях; он проявлял уже не раз враждебность ко мне, в случаях настолько мелких, что надо было быть или очень мелочным, или уж очень раздраженным, чтобы не воздержаться от таких проявлений. Его мнения о Вас я не знаю, потому что ко времени его ознакомления с Вашей диссертацией мы с ним уже не вели интимных разговоров. Если Вы, все-таки, хотите знать мое мнение, писать или не писать к Ключ[евскому], — по совести советую не писать. Пользы Вы от этого почти наверное никакой не получите: советы, особенно людям мало знакомым, он дает крайне неохотно; но в этом случае было бы и трудно дать совет, потому что выбор между двумя Вашими темами может быть сделан и так, и сяк, судя по свойству выбирающего субъекта и по тем данным, которые во всей подробности могут быть известны лишь самому выбирающему субъекту. Итак, пользы не ждите; но вред может произойти при той болезненной мнительности, которая проявляется теперь у Кл[ючевского] по отношению к самым близким ему людям: объяснить поступок из дурных побуждений

^a Далее неразборчиво.

он, действительно, легко может даже при полном отсутствии поводов к такому объяснению.

За сообщение соображений Майкова и Вас[ильевского] насчет печатания приложений очень Вам благодарен, и даже не согласен с Вами, что эти соображения не ведут к добру; это как раз то, что мне нужно было знать. Их расчет расходится с моим в двух отношениях: во-1-х, я думаю, что у меня выйдет *более* 15 л[истов] текста; во-2-х, я полагал, что в типографии журнала печатание будет стоить *дешевле*, чем оказывается: у нас можно напечатать рублей за 25 лист, даже дешевле, а там выходит 40 р[ублей]. При этих обстоятельствах, конечно, выгоднее и удобнее печатать приложения в Москве.

От Васильевского письма еще не получал; зато получил от Кареева с предложением участвовать в библиографии. Объясните, пожалуйста, кто у вас составляет «библиографическую комиссию нашего исторического общества», от имени которой он ко мне обращается.

Статью в «Библиограф» пришлю Вам, как только достану ее из портфеля Уваровой; у Шмурло³¹ есть черновик, который я ему послал для обзора в «Ж[урнал] М[инистерства народного просвещения]», но я его несколько изменил.

17-го мая будет диспут Якушкина; я назначен 2-м оппонентом.

Ваш П. Милюков

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3546. Л. 11—12.

(Окончание следует)

Примечания

¹ *Васильевский Василий Григорьевич* (1838—1899) — историк, византист, профессор Петербургского университета, академик (с 1890 г.).

² *Майков Леонид Николаевич* (1839—1900) — историк русской литературы, академик (с 1889 г.), редактор «Журнала Министерства народного просвещения».

³ *Замысловский Егор Егорович* (1841—1896) — историк, с 1883 по 1889 г. профессор Петербургского университета по кафедре русской истории, член-корреспондент АН.

⁴ *Якубов Константин Иванович* (?—1900) — историк, выпускник Петербургского университета, специалист по истории скандинавских стран.

⁵ *Кизеветтер Александр Александрович* (1866—1933) — историк, ученик В.О.Ключевского, профессор Московского университета, специалист по русской истории XVIII в., активный деятель партии кадетов, с 1922 г. в эмиграции.

⁶ *Дружинин Василий Григорьевич* (1859—1937) — историк, специалист по истории раскола, секретарь Русского археологического общества.

⁷ *Белокуров Сергей Алексеевич* (1862—1918) — историк, археограф, в 1886 — 1918 г. работал в Московском главном архиве Министерства иностранных дел.

⁸ Имеется в виду *Елпидифор Васильевич Барсов* — этнограф, археолог, библиотечарь русского и славянского отделения Румянцевского музея в Москве, с

1881 г. секретарь «Общества истории и древностей российских», редактор «Чте-ний» этого Общества.

⁹ *Трутовский Владимир Константинович* (1862—1932) — секретарь Московского археологического общества.

¹⁰ Вероятно, речь идет о *Слудском Федоре Алексеевиче* (1841—1897) — профессоре теоретической механики Московского университета, с которым П.Н.Милюков был знаком через Географическое общество.

¹¹ *Дринов Мерин Степанович* (1838—1906) — славист, автор трудов по истории Балканского полуострова, с 1890 г. был председателем Харьковского историко-филологического общества.

¹² *Успенский Федор Иванович* (1845—1928) — историк, основатель и директор Русского археологического института в Константинополе (1894—1914), академик Петербургской АН (1900 г.).

¹³ *Забелин Иван Егорович* (1820—1908) — историк и археолог, автор трудов по истории XVI—XVII вв., по истории Москвы.

¹⁴ Волнения студентов в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии проходили в знак протеста против введения реакционного университетского устава (См.: Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России. 1899—1907. М., 1971. С. 26).

¹⁵ Юнге — директор Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии.

¹⁶ *Гуревич Яков Григорьевич* (1843—1906) — педагог, директор частной гимназии и реального училища в Петербурге, приват-доцент Петербургского университета, специалист по всеобщей истории, основатель журнала «Русская школа».

¹⁷ *Кананов Г.И.* — директор Лазаревского института восточных языков.

¹⁸ *Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич* (1863—1919) — историк, академик, специалист по отечественной истории и методологии исторической науки.

¹⁹ *Якушкин Вячеслав Евгеньевич* (1856—1912) — исследователь русской истории и истории русской литературы, в 1890 г. защитил магистерскую диссертацию «Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII—XIX вв.», приват-доцент Московского университета.

²⁰ *Шамонин Николай Николаевич* — родственник жены С.Ф.Платонова, журналист, преподаватель истории в 6-й Московской гимназии.

²¹ *Трубецкой Сергей Николаевич* (1862—1905) — философ, с 1900 г. профессор Московского университета.

²² *Капнист Павел Алексеевич* (1842—1904) — с 1880 г. попечитель Московского учебного округа.

²³ *Сергеевич Василий Иванович* (1832—1910) — историк и историк права, с 1872 г. профессор Петербургского университета.

²⁴ *Чечулин Николай Дмитриевич* (1863—1927) — историк, выпускник Петербургского университета, в 1890 г. защитил магистерскую диссертацию «Города Московского государства в XVI веке».

²⁵ *Делянов Иван Давыдович* (1818—1897) — граф, с 1882 по 1897 г. министр народного просвещения.

²⁶ *Кареев Николай Иванович* (1850—1931) — историк, академик, специалист по истории Западной Европы и методологии истории.

²⁷ *Неволин Константин Алексеевич* (1806—1855) — историк, член-корреспондент АН с 1853 г., автор трудов по истории российского гражданского права, местного управления в XVI — XVII вв.

²⁸ *Безобразов Павел Владимирович* (1859—?) — византист, с 1888 г. приват-доцент Московского университета, 8 апреля 1890 г. защитил в Петербургском университете диссертацию «Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл».

²⁹ *Пселл Михаил* (1018—1097) — византийский политический деятель, писатель, ученый-энциклопедист.

³⁰ *Ключевский Василий Осипович* (1841—1911) — историк, академик, профессор Московского университета.

³¹ *Шмурло Евгений Францевич* (1853—1934) — историк, ученик К.Н.Бестужева-Рюмина, приват-доцент Петербургского (с 1889), профессор Дерптского (с 1891) университетов, с 1903 г. ученый-корреспондент Историко-филологического отделения Российской императорской Академии наук в Риме.

«ПРЕОДОЛЕНИЕ СЛЕПОТЫ...»

Глава из рукописи Б.Ф.Поршнева «Палеонтология»

В 2000 году исполнилось 95 лет со дня рождения выдающегося ученого, доктора исторических и доктора философских наук Бориса Федоровича Поршнева (1905—1972)¹. Широко известны его труды по новой истории Франции, истории социалистических идей и социальной психологии, приматологии и палеоантропологии. Ему принадлежит более двухсот печатных научных работ, из них более десяти монографий. Творческое наследие ученого и сегодня привлекает внимание исследователей.

Б.Ф.Поршнева родился 7 марта 1905 г. в Петербурге в семье инженера (мать-педагог). Учился в Выборгском коммерческом училище. Затем переехал в Москву, где окончил общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук 1-го МГУ и аспирантуру РАНИОН. Преподавал в Московском областном пединституте и МИФЛИ. В 1940 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Народные восстания во Франции в XVII в.» Диссертация была издана в 1948 г. в виде монографии². В 1950 г. она была удостоена Сталинской премии.

С 1943 по октябрь 1968 г. Б.Ф.Поршнева являлся старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, где руководил сектором новой истории. С октября 1968 по 1972 г. работал в Институте всеобщей истории АН СССР в должности старшего научного сотрудника, а затем руководителя сектора развития общественной мысли. Одновременно он занимался педагогической работой в МГУ и Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Заслуги Б.Ф.Поршнева были признаны не только в СССР, но и за рубежом³. В 1957 г. его избрали почетным доктором Клермон-Ферранского университета во Франции, в 1963 г. членом Международного социологического института в Италии. В апреле 1965 г. в Институте философии Борис Федорович защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук на тему «Феодализм и народные массы». Ее проблематика указывает, какое серьезное внимание уделял ученый теоретическим вопросам — методологическому и социологическому анализу роли и форм массовых народных движений. Основанием к защите стала ранее опубликованная книга⁴. Интерес к философским вопросам исторической науки, к проблеме ускорения исторического прогресса заставил Поршнева обратиться к истории возникновения человеческого общества⁵.

¹ Подробнее о нем см.: Борис Федорович Поршнева // Новая и новейшая история. 1973. № 1; Б.Ф.Поршнева // Вопросы истории. 1973. № 1; Б.Ф.Поршнева как историк-скандинавист // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. С. 177—184.

² См.: Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.—Л., 1948.

³ Б.Ф.Поршнева выезжал за границу более 20 раз, что для советского ученого, не являющегося членом партии было достаточно редким явлением. Он побывал во Франции, Австрии, Финляндии, Италии, Швеции, Венгрии, ГДР, Японии, Чехословакии.

⁴ См.: Поршнева Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

⁵ См.: Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии. М., 1974.

Борис Федорович нередко рассуждал о роли историка и его долге. В одной из своих работ он писал: «Тот, кто изучает лишь ту или иную точку исторического прошлого или какой-либо ограниченный период времени, — не историк, он — знаток старины, не больше; историк тот, кто, хотя бы и рассматривая в данный момент под следовательской лупой частную историю, всегда мыслит обо всем этом процессе»⁶.

В середине 1920-х гг. Б.Ф.Поршнев задумал трилогию «Критика человеческой истории»⁷. Книга «О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии)», вышедшая в 1974 г., уже после кончины автора, в издательстве «Мысль», была в рамках этой трилогии второй. В ней излагалась концепция ученого возникновения человека и начала человеческой истории. Смерть прервала эту работу. Осталась неоконченной первая книга трилогии и не была начата работа над третьей.

Публикуемая глава из рукописи относится к первой книге трилогии, которую Б.Ф.Поршнев назвал «Палеонтология»⁸. В ней ученый хотел проанализировать историю как науку, пересмотреть традиционный подход к изучению исторического прошлого. По замыслу автора, книга должна была состоять из трех частей. Первая — «Историческая проблема» — написана полностью; из второй части, которую Б.Ф.Поршнев назвал «Философская проблема», подготовлена только первая глава («Гносеологическая проблема») и частично вторая («Логическая проблема»), а третья глава («Праксеологическая или телеологическая проблема») так и осталась им не начата, также как и третья часть первой книги трилогии. Как писал Б.Ф.Поршнев, эта книга «путем «палеонтологического» анализа проблем истории, философии и социологии должна привести к выводу, что дальнейший уровень всей совокупности наук о людях будет зависеть от существенного сдвига в познании начала человеческой истории»⁹.

На протяжении 30 лет Борис Федорович вел научный дневник¹⁰. Последняя запись в нем от 31 декабря 1971 г. Б.Ф.Поршнев начинает ее словами: «Итак, что же сделано? Кроме всех этих фрагментов, наполняющих тетради, начиная с 1938 года, не имеющих по своей природе самого интеллектуально главного — включенности в целое, следовательно отрывков не только текста, но смысла: не имеющих предыдущего и последующего, — кроме этих фрагментов написаны: 1) две с половиной главы первой книги и 2) вся вторая книга: «О начале человеческой истории» Далее Борис Федорович замечает, что книгу «О начале..» можно рассматривать «как черновик или заготовку для той (которую навряд ли напишу: сердце? или справившись с самой трудной сутью уже нет того душевного напора?)»¹¹. К сожалению, ученый оказался прав: последняя книга трилогии «История и прогноз» так и не была начата.

Б.Ф.Поршнев один из тех историков, чьи труды практически не переиздавались, о нем не написано ни одной монографии. Задача данной публикации — привлечь внимание исследователей и читателей к творчеству этого незаурядного человека, долгие годы служившего на благо науки. Публикуемый отрывок первой книги трилогии «Критика человеческой истории» хранится в личном фонде Б.Ф.Поршнева в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) (Ф. 684. Карт. 17. Д. 1).

Публикацию подготовила И.Е.ПАВЛОВА.

⁶ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 95.

⁷ В то время Б.Ф.Поршнев мечтал отдать дань философской традиции и подобно И.Канту с его «Критикой чистого разума» и К.Марксу с его «Критикой политической экономии» задумал свою «Критику...»

⁸ Термин «палеонтология» был заимствован Б.Ф.Поршневым у Н.Я.Марра.

⁹ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. С. 13.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 684. Картон 27. Д. 15—17.

¹¹ Там же. Д. 16. Л. 46.

Б. Ф. Поршнев

Книга первая: Палеонтология

1.1 Историческая проблема

1.1.6. Естественные науки всегда объясняли мир в огромной степени для того, чтобы его изменять и делали возможным его изменение. Гуманитарные науки до недавнего времени объясняли мир в огромной степени для того, чтобы не дать его изменять. Именно поэтому в морально-юридических науках, для обуздания таких импульсов, они выдвигали на первый план «плохое», в исторических — идею прогресса, разнообразнейшее «хорошее», обосновывая это «хорошее» субъективной идеей счастья или просто некритически отождествляя «хорошее» с «нашим». Поэтому они, собственно, и не объясняли мир, не были наукой.

Общественная жизнь складывается из взаимодействия и борьбы разных стремлений что-нибудь изменить, не только в своей судьбе, но тем самым и в общественной жизни. Следовательно, что-то, препятствующее, ему в ней не нравится, что-то, содействующее, нравится. Сознание людей формирует множество оттенков идеалов (тяготеющих к общим классовым этапам), которые отчленяют те или иные стороны действительности, дающие чувство «счастья» или стихийно ощущаемые как нечто нетленное, «хорошее», и относят их в обобщенном виде и в будущее, и в прошлое.

Изучение прошлого, таким образом, отнюдь не безразлично к этим сегодняшним общественным идеалам и целям, всегда неизбежно субъективным и однобоким. Прошлое соприкасается с ними в голове историка через те общие понятия и категории, которыми он оперирует. Разумеется, в прошлом историк находит многое такое, что в самом деле напоминает окружающее его настоящее, ибо это настоящее вышло из прошлого и в той или иной мере несет его в себе. Но в то же время эти его идеи не отвечают объекту в целом и в существе — ни действительности настоящего, ни действительности прошлого. Пристрастность историка выступает в виде совершенно непреодолимого морализирования по поводу истории, не только извлечения из прошлого псевдонаучных (наперед желательных) уроков для настоящего, но и поучений, адресуемых деятелям прошлого, о том, как надо было поступать. Пристрастность историка выступает и в отборе среди бесконечного многообразия исторических факторов лишь тех и лишь в этой ограниченной системе, какие кажутся ему важными, интересными, ценными и т.д. Русские поздние народники — Михайловский¹, Кареев² — по своему неплохо резюмировали это положение вещей, утверждая, что сам по себе исторический материал представляет «хаос случайных событий», которому придает связь и порядок только «идея прогресса», вносимая в него исследователем, если последний принадлежит к «критически-мыслящим личностям», способным намечать цели для исторического будущего. В сущности, вокруг этих же мыслей, только выраженных более сложно, философски более запутанных, вращается значительная часть западной философии истории в течение ряда последних десятилетий, в той или иной мере склоняясь к тезису, что «история есть придание смысла дей-

ствительному». Фрейбургская школа неокантианцев, Риккерт³, Виндельбанд⁴, Вебер⁵, развила точку зрения, что вследствие «отнесения к ценности» всякого исторического факта мышлением историка, эти исторические факты, бесконечно индивидуализируются, из них может быть построено бесконечное множество «идеально-типических» обобщений, каждое из которых есть опять-таки не обобщение в естественно-научном смысле, а «индивид», не исключаящий существования безграничного числа других обобщений, хотя бы и по поводу тех же самых фактов или других выбираемых из неисчерпаемого хаоса прошлого согласно той или иной руководящей историком «ценностной идее». При этом «бессмысленным» «хаосом случайных событий» историческое прошлое считается не само по себе, — нет, само по себе оно не меньшая реальность, чем природа, — а по той функции, какую оно, как материал, играет в руках историка.

Все попытки найти закономерность в истории делались с единственной целью: заглянуть в будущее. Эти поиски закона в ходе исторических событий начались в полной мере с XVIII века, и уже тогда Монтескье⁶ или Вико⁷ создавая свои теории, имели только эту цель: найти способ предвидения дальнейшей судьбы своей страны. И в самом деле, только для преодоления слепоты в отношении будущего и нужно изучение исторического прошлого, только в этом научная задача истории. Обычно люди исходят отнюдь не из знания, а из желания того или иного будущего. Но именно желание определенного будущего является и главной помехой при изучении прошлого. Оно мешало всем поискам закона, ибо тот же, скажем, Монтескье, не столько искал закон, сколько придумывал такой закон, который говорил бы в пользу его идеала.

Всякий историк, если он не говорит прямо о законе, незаметно утверждает наличие чего-либо постоянного в истории, то есть, он находит в прошлом какое-то *a*, респондирующее тому *a*, которое отвечает его идеалу, его желанию. Если он увлечен национальным идеалом — он изучает начало, успехи (а то и причины неудач) национального развития. Или он видит в прошлом другую стадию того же оппозиционного движения, которому он предан, другую ступень того прогресса разума и просвещения, которому он приписывает необходимое торжество в будущем. Часто история предпочитает прямо говорить о прогрессивности или реакционности того или иного в истории, то есть соотнести объект изучения со своим идеалом. Но если историк даже изо всех сил воздерживается от оценки, — сам выбор темы для изучения или изложения есть уже оценка. Пытаясь излагать историю царей без народов, историю народов без царей и т.д., выбор своего материала историком из океана фактов, всегда есть оценка, соотнесение со своими «ценностями».

Иначе говоря, историк невидимым образом утверждает наличие чего-то постоянного и однородного в истории некоторого отрезка времени, своего рода переключку элементов сегодняшнего и (завтрашнего) дня с той или иной точкой прошлого, — не торжество^a, но однородность какого-то явления по существу, хотя оно и изменилось за истек-

^a Вероятно, имеется в виду: торжество.

шее время по форме, изменилось количественно или качественно. Иначе говоря, изучение истории — это то, что можно передать термином психологии «апперценция»^а: узнавание своего я в другой ситуации; историк находит отдельные черточки, стороны, элементы своего идеала в совершенно чуждой оболочке и констатирует это тождество вопреки всем изменениям, произведенным временем. Без этой апперценции нет и не было историописания, — апперценция, узнавание своего во внешности чужой всегда составляло внутреннюю природу и основу исторической науки. Речь идет не о фальсификации истории в угоду своему идеалу, — хотя, впрочем, дело, как правило, не обходится и без фальсификации, поскольку идеал истории коренится в окружающей его сегодняшней общественной действительности, а действительность эта — продукт модификации прошлого, ученый находит вполне объективный материал для своих апперценций.

Чем более идеалом историка является всестороннее утверждение окружающей его общественной действительности, то есть, чем более его идеал относится не к будущему, а к настоящему, тем менее само по себе интересует его в историческом прошлом все не-схожее с современностью. Не-схожесть играет логически подчиненную роль в его работе: если бы ее не было, бессмысленна была бы сама задача узнавания; не-схожесть дает задачу историку, заманчивость, — это напоминает маскарад; не-схожесть делает необходимым произвести все нужные ограничения сходства, что и составляет подавляющую часть всей профессиональной работы историка и его мастерство. Не-схожесть, поэтому, занимает обширный передний план в любом историческом исследовании. Но логически не-схожесть сама по себе не привлекает такого историка. Она — только предпосылка для весьма научного, вполне считающегося с объективной действительностью прошлого, искания сходства. Может быть, сама апперценция займет в историческом труде совершенно невидное место, может быть, она выразится лишь в одиноком ограничении темы от других «неинтересных» сторон вопроса, — соль именно в ней. Но все же соприкосновение с этими массивами, той руды не-схожего, из которой историк извлекает драгоценный ему металл сходства, ставит его воле-неволей в оппозицию всякому, кто пытался бы одним махом распространить на все прошлое кажущиеся ему «нормальными» порядки современности, рассуждая по принципу: «так было, есть и будет». Изучение не-сходного таит в себе огромную взрывную силу: это динамит для взрыва не только таких огульных апперценций, но и [...] ^б любого историка. Факты не-сходства, на которые наталкивается историк, ограничивают аппетиты его самого, других историков, тем более — политиков, идеологов.

^а Апперценция (от лат. ab — к и perceptio — восприятие) — зависимость восприятия от прошлого опыта, от запаса знаний и общего содержания психической деятельности, в свою очередь являющихся результатом отражения действительности на основе общественной практики. Термин «апперценция» ввел Г.В.Лейбниц.

^б Слово неразборчиво.

Итак, констатация не-сходства в прошлом или у других народов земного шара есть начало разрушительное в отношении всякого отождествления, всякой идеи постоянства и тождественности человеческой истории и культуры. Поэтому не-схожее привлекает преимущественно тех, кто в той или иной мере отрицает окружающую действительность. «Интерес» к общественным явлениям, отдаленным от нас или временем (история), или пространством (география, этнография) первоначально всегда был невидимой критикой, невидимым отрицанием своего общества. Изучение не-схожего тоже есть «узнавание», но «узнавание» черт идеала, который мы противопоставляем действительности. Интерес отдельных авторов к всеобщей истории, к дальним и ближним зарубежным народам-варварам, — это была самокритика античного рабовладельческого общества; это место видно на примере Тацита⁸. Несомненно, что эту же почву имело под собой высокое развитие географии и истории у арабов. Самокритика европейского феодального общества началась в виде описания хронистами-крестоносцами впечатлений от экзотического языческого Востока отнюдь не в стиле сплошного охаивания; знание других есть уже в какой-то мере их признание и тем самым — самокритика. Точно также в эпоху Возрождения изучение языческой древности было критикой христианского феодального мира. Во время войны перестают интересоваться историей противника; во время революции повышается интерес к истории зарубежных стран, к истории давних эпох. Но подлинное процветание истории — это всегда эпохи мира, сплетения государств и народов, их взаимосвязи, когда представления о «нашем» и «чужом» становятся в высшей степени непростыми и ненаглядными.

«Интересное», достойное внимания в безграничном многообразии социально-исторических фактов — это, таким образом, может быть не только признанное «свое» в «чужом», но и отрицание, отвержение «своего» с помощью «чужого». Историк, собственно говоря, и работает в сфере таких фактов, где он, с одной стороны, находит сходство со «своим», с другой — находит не-сходство, и, следовательно, с одной стороны, утверждает постоянство и абсолютность «своего», с другой — отрицает и расшатывает его. Эта двойственность и есть природа «интересного».

В элементарном примитивном случае все «наше» признается хорошим, все «не-наше» — плохим. Но в действительности граница между тем и другим далеко не ясна. Между полюсом, где лежат факты, безусловно утверждаемые как «свои», и полюсом, где лежат факты, безусловно отвергаемые как «чужие» (плохие), находится огромное поле фактов просто недостаточно известных, чтобы их можно было сразу отнести туда или сюда. Вот в этом поле неизвестного и разыгрываются все коллизии науки. На незнакомое есть две реакции: «удивление» и «интерес». «Удивление» несколько ближе к отрицанию, к порицанию, «интерес» несколько ближе к признанию и поощрению, но все же и удивление и интерес являются реакциями и на положительное, и на отрицательное. Удивление в нашей обыденной речи часто носит оттенок смягченного порицания («ваше поведение меня удивляет»), но все же удивление легко может соскользнуть и на похвалу и даже восхищение. «Интерес» в

большинстве случаев носит оттенок очень смягченно положительный. «Это явление интересно», — значит им стоит заняться, то есть мы предполагаем, что может быть оно не «чужое», а «наше», если рассмотреть его поближе. Когда крестоносцы начали «интересоваться» мусульманским бытом и обществом, это было крушением прежнего положения, когда царило непререкаемое отрицание всего «пребывающего во дьяволе» мира за пределами христианства: как только в сознание проникла мысль, что вовсе не все известно об этом мире, как возник и «интерес», а вслед за ним там обнаружались и некоторые положительные стороны, некоторые добродетели и т.д. Вообще, «интерес» и означает, что за пределами безусловно «нашего» мы допускаем предположительно наличие чего-то хорошего, следовательно, допускаем наличие подлинного «нашего» («хорошее» и есть подлинное «наше»), вне общепризнанного, формального «нашего»); значит, тем самым мы как бы отрицаем подлинность этого общепризнанного «нашего», подлинность той границы, которой нас учили отделять его от «чужого», ибо и за этой границей мы готовы увидеть «наше». Когда мы «интересуемся» чужим, мы тем самым неявно критикуем «наше», ибо находим в нем нечто «не-наше», нечто, по-видимому, «чужое», раз оно не верно отгородило нас от «интересного»; мы мысленно связываем себя не с этим ложным нашим, а с каким-то другим, неясным, подлинно хорошим «нашим».

Вот, примерно, какой процесс происходит в мышлении историка, когда он погружается в изучение неизвестного, темного прошлого. Историк ищет неизвестного (а прошлое, как и заграничное, всегда плохо известно), для того, чтобы найти в нем «интересное». Чем более неизвестный, чем более далекий он берет материал, тем, по-видимому, интенсивнее отрицание им окружающей его действительности и навязываемых ему норм. Но как он ищет в этом материале в конце концов не не-схожее, а нечто схожее с его идеалом, как, скажем, Тацит искал у древних германцев хотя бы грубое воплощение тех добродетелей, которых, по его мнению, недоставало римскому обществу, эти исследования историка все-таки гораздо больше препятствуют всестороннему отрицанию окружающей действительности, если являются его отрицанием. Не успев констатировать не-сходства, историк тотчас парализует социально-взрывную силу этого мысленного акта, протягивая нити сходства — хотя бы со своим идеалом. Чем больше интересовались в средние века «древними», в новое время — «дикарями», тем меньше, в сущности, понимали их, несмотря на все огромные накапливаемые знания о них, потому что привносили в них свое, искали у них начало той нити, конец которой держали в своих руках.

Итак, историческая наука в избытке обладает идеей тождества и, в сущности, вовсе не обладает хоть сколько-нибудь обобщенной и развитой идеей не-тождества. Не-тождество (не-сходство) играет негативную роль. Без него не существовала бы историческая наука. Но оно как бы непрерывно подавляется исторической наукой. Идея не-тождества, как позитивная идея, лишь смутно вырисовывается в том, что иногда называют «историзмом»: в убеждении, что подчас, даже встретясь со сходством историк в действительности имеет дело с явлением, по существу, не

сходным, ибо изменилась его сущность. Историзм, еще совсем чуждый духу рационализма XVIII века, зародившийся в XIX веке, все чаще встречается в исторических исследованиях. Однако он встречается все же только спорадически, как эвристический прием, как одно из сильнейших средств опровержения мнимых апперценций, а не как логическая основа для подлинно научного понимания истории, противоположная той логике апперценции, которая, как показано выше, господствует в исторической науке и не дает ей быть наукой.

ОР РГБ. Ф. 684. Картон 17. Д. 1. Л. 28—34об. Рукопись.

Примечания

¹ *Михайловский Н.К.* (1842—1904) — теоретик народничества, социолог, журналист. В 1869 г. появилась его знаменитая работа «Что такое прогресс?», сыгравшая большую роль в разработке народнической теории. Как высший критерий прогресса и как главного творца истории Н.К. Михайловский рассматривал личность. Он считал, что историю делают не массы, а отдельные выдающиеся личности.

² *Кареев Н.Н.* (1850—1931) — историк, социолог и публицист, кадет. С 1890-х гг. активно выступал против марксизма, отождествляя его с экономическим материализмом.

³ *Риккерт (Rickert) Генрих* (1863—1936) — представитель немецкого неокантианства, один из основателей баденской школы, преемник В. Виндельбанда. Считал, что история представляет собой совокупность явлений (событий, действий), каждое из которых есть «индивид», имеющий собственное, неповторимое лицо и потому — место в истории.

⁴ *Виндельбанд (Windelband) Вильгельм* (1848—1915) — немецкий философ-идеалист, глава баденской школы неокантианства. Он считал, что в противоположность естественным наукам, имеющим дело с общим, повторяемым, закономерным в явлениях, исторические науки изучают единичные явления в их неповторимости и исключительности.

⁵ *Вебер (Weber) Макс* (1864—1920) — немецкий социолог. Был близок к неокантианству. Автор теории «идеальных типов» и концепции «множественности» исторических факторов. Резко выступал против материалистического понимания истории.

⁶ *Монтескье (Montesquieu) Шарль Луи де Секонда* (1689—1755) — французский философ-просветитель, историк и правовед, писатель. С точки зрения Монтескье, история человечества — независимый от бога закономерный процесс.

⁷ *Вико (Vico) Джамбаттиста* (1668—1744) — итальянский мыслитель. В своей философии истории Вико развил идею объективного характера исторической закономерности. Он выдвинул теорию круговорота — развития всех наций по циклам, состоящим из трех эпох, аналогичных возрастам человека — детству, юности и зрелости.

⁸ *Тацит Публий Корнелий (P. Cornelius Tacitus)* (ок. 56 — ок. 117) — римский историк, оратор. Автор двух больших исторических произведений: «История» и «Анналы». Центральная проблема творчества Тацита — оценка империи и ее исторической роли.

МАСТЕРА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РЫБАКОВ

Б.А.Рыбаков — историк с многомиллионной читательской аудиторией. Приятельность его сочинений не только в глубине проникновения в исторический процесс, но и в ясности прекрасного русского языка, что делает труды ученого доступными для самого широкого круга любителей старины.

Родился Б.А.Рыбаков 3 июня 1908 г. в Москве. Интерес к истории пробудился в нем рано. Может быть, в этом сказалась «профессиональная наследственность»: его отец, Александр Степанович Рыбаков, историк, был автором книги о старообрядчестве; полнокровную русскую речь мальчик слышал с детства в Лефортове, в купеческой семье своего деда, А.А.Блохина; мать будущего академика, Клавдия Андреевна Блохина, учительница, окончившая Высшие женские курсы Герье, всячески подживляла увлеченность сына и русским словом, и русской историей.

18-летним юношей Б.А.Рыбаков поступает на археологическое отделение историко-этнологического факультета 1-го Московского государственного университета. Научная работа началась для него со студенческих лет и продолжается до сих пор. За долгую жизнь в науке он опубликовал более 400 работ, в том числе монографии «Ремесло Древней Руси» (1948 г.), «Древняя Русь. Сказания, былины, летописи» (1964 г.), «Слово о полку Игореве и его современники» (1971 г.), «Язычество Древней Руси» (1978 г.), «Геродотова Скифия: историко-географический анализ» (1979 г.), «Язычество древних славян» (1981 г.), «Петр Бориславич» (1991 г.), «Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия» (1993 г.) и др. За плечами Бориса Александровича десятилетия полевой работы археолога (он вел раскопки во Вщиже, Чернигове, Тмутаракани, Любече, Путивле); увлеченная работа в Институте археологии, где он прошел путь от старшего научного сотрудника (1936 г.) до директора (1956—1987 гг.) и где остается почетным директором в наши дни; свыше 60 лет педагогической деятельности, в том числе с 1939 г. на историческом факультете МГУ. Все эти вехи жизненного и творческого пути историка отражены в публикуемых фотодокументах.

Разносторонняя деятельность Б.А.Рыбакова получила широкое признание. В 1953 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1958 г. действительным членом АН СССР (РАН); впоследствии — действительным членом Чехословацкой академии наук (1960 г.), Польской академии наук (1970 г.), Болгарской академии наук (1978 г.). Трижды ему присуждались Государственные премии. В 1978 г. ученому присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Б.А.Рыбаков — человек своей эпохи и характер его творчества обусловлен ее содержанием и уроками. Из книг Бориса Александровича следует, что он, как историк, всегда выступал и выступает поборником единения народов России для ее жизнеспособности и выживания в пору испытаний. Его книги воспитывают патриотизм, у которого только один смысл — любовь к Родине.

Публикацию подготовила доктор исторических наук Т.И.МАКАРОВА.

К.А.Блохина с сыном Борисом. 1914 г.

Борис Рыбаков. 1914 г.

А.С.Рыбаков. 1920-е гг.

Б.А.Рыбаков школьник. 1923 г.

Б.А.Рыбаков — студент МГУ. Справа А.В.Арциховский. Новгород. 1929 г.

Б.А.Рыбаков — научный сотрудник
Музея в Александровской слободе.
1930 г.

Б.А.Рыбаков — курсант Московской
пролетарской стрелковой дивизии.
1931 г.

Б.А.Рыбаков (стоит в центре во втором ряду) в группе сотрудников
Государственного Исторического музея.
Сидит четвертый слева В.А.Городцов. 1930-е гг.

Б.А.Рыбаков. 1940 г.

Б.А.Рыбаков и З.Г.Рыбакова (слева)
с сотрудниками экспедиции
во Вщиже. 1948 г.

Б.А.Рыбаков с сыном Ростиславом.
1950-е гг.

Б.А.Рыбаков с группой студентов истфака МГУ. 1950-е гг.

Б.А.Рыбаков с группой украинских археологов. Херсонес. 1950-е гг.

Б.А.Рыбаков с сотрудниками экспедиции на Таманском городище.
1950-е гг.

Б.А.Рыбаков и П.Н.Третьяков (справа) на встрече с зарубежными археологами. 1954 г.

Б.А.Рыбаков. 1950-е гг.

Б.А.Рыбаков с сотрудниками экспедиции в Любече. 1959 г.

Б.А.Рыбаков и Т.М.Макарова: найден клад. Любеч. 1959 г.

Б.А.Рыбаков (второй слева) на заседании Исполкома Международного общества по доисторическим и раннеисторическим исследованиям. Прага. 1960 г.

Б.А.Рыбаков с делегацией Общества советско-венгерской дружбы. Будапешт. 1965 г.

Б.А. и З.Г.Рыбаковы в Венеции. 1970-е гг.

Б.А.Рыбаков во Флоренции.
1970-е гг.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В.Подгорный вручает Б.А.Рыбакову орден Ленина. 1968 г.

Б.А.Рыбаков на заседании Ученого совета Института археологии АН СССР.
Слева направо: Н.Я.Мерперт, Г.А.Кошеленко, Р.М.Мунчаев, Б.А.Колчин. 1970-е гг.

Выступление Б.А.Рыбакова в Институте истории СССР АН СССР. 1971 г.

Б.А.Рыбаков, Ю.С.Кукушкин и Л.В.Милов на праздновании 60-летия истфака МГУ. 16 мая 1984 г.

Выступление Б.А.Рыбакова
на V Международном конгрессе
историков-славистов. Киев. 1985 г.

Б.А.Рыбаков в Институте
археологии АН СССР. 1987 г.

Б.А.Рыбаков со своими учениками Л.В.Алексеевым и Т.И.Макаровой. 1997 г.

Б.А.Рыбаков. 1990-е гг.

Б.А.Рыбаков. 1998 г.

Б.А.Рыбаков с группой студентов истфака МГУ. 1998 г.

МЕННОНИТЫ В ТУРКЕСТАНЕ

Документы ЦГА Республики Узбекистан. 1880—1883 гг.

Меннониты (встречается написание и менониты), в основном в старой орфографии) — последователи течения в протестантизме. Движение меннонитов возникло в начале 30-х годов XVI века в Нидерландах на почве движения «мирных анабаптистов». Его руководителем стал бывший священник Менно Симонс (1496—1561 гг.). Вероучение меннонитов определяется «Декларацией главных статей нашей общей христианской веры» (1632 г.). Самыми существенными чертами христианина они считают смирение, отказ от насилия, нравственное самосовершенствование. Из-за преследований меннониты с 40-х годов XVI века переселились в Северную Германию, Польшу, Пруссию. К концу XVIII в., в результате усилившихся гонений положение их в Пруссии ухудшилось. После 1774 г., когда прусское юнкерство провело ряд законов, ограничивавших землевладение меннонитов, начался их отъезд из страны, в том числе и в Россию.

В 1763 г. Екатерина II, привлекавшая иностранных колонистов для заселения окраин империи, подписала манифест, разрешающий иностранцам поселяться в России. Представляемые им льготы, среди которых были свобода вероисповедания, выдача больших земельных наделов, право самоуправления, устраивали меннонитских переселенцев. После переговоров первая партия колонистов обосновалась в 1789 г. в Хортицком урочище Екатеринославской губернии. К 1870 г. переселение практически прекратилось. Были образованы пять меннонитских округов в Екатеринославской, Таврической и Самарской губерниях.

Меннониты, поселившиеся на территории Российской империи, продолжали миграцию, обусловленную растущей имущественной дифференциацией, обезземеливанием части меннонитов, появлением в их среде сектантских течений, что приводило к расколам. Преследуемые члены этих сект переселялись на другие земли, где возникали так называемые дочерние поселки меннонитов. Еще одной причиной их эмиграции стало принятие в 1874 г. закона о всеобщей воинской повинности, распространенного на меннонитов, которые восприняли его как покушение на их религиозные убеждения. Царское правительство было вынуждено издать особые правила об отбывании воинской службы меннонитами. Они освобождались от ношения оружия, но были обязаны служить в пожарных и лесных командах (эта льгота не распространялась на тех меннонитов, которые присоединились к секте или прибыли из-за границы после 1 января 1874 г.).

Как свидетельствуют публикуемые документы, группа меннонитов, после беседы с генерал-губернатором Туркестана фон Кауфманом, направила свои стопы в этот край. Путь их был долгим и трудным. Многие погибли, не добравшись до новых мест расселения. После череды мытарств они прибыли в Ташкент, административную столицу Туркестанского генерал-губернаторства, где были временно расселены на ярмарочной площади (см. док. №№ 1, 2). В дальнейшем часть из них поселилась на Ур-Маральском участке Аулиеатинского уезда в Таласской долине, часть на территории Хивинского ханства, близ Хивы (док. №№ 3, 10). Предприняли они попытку расселения и на территории Бухарского эмирата (док. №№ 4—9).

Меннонитам были выделены кредиты, оказана другая помощь. Однако зачастую возникали проблемы, связанные как с расселением, так и с несением повинностей, заменяющих воинскую службу. Меннониты просили освободить их от врачеб-

ного освидетельствования, проводимого призывной комиссией (док. № 10). В дальнейшем они получили возможность избежать этого, предоставив справку от местного врача. Меннониты, поселившиеся в Хивинском ханстве, получили предписание о переселении на левый берег Амударьи, являвшийся территорией России. После поданного ими прошения (док. № 11) им было разрешено остаться там и выйти из подданства России.

Документы, выявлены в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (ЦГА Руз), публикуются по правилам современной орфографии с сохранением стилистических особенностей оригиналов. Подчеркнутые слова выделены курсивом.

Публикацию подготовил доктор исторических наук В.Л.ГЕНТШКЕ.

№ 1

Предписание Военного губернатора Сырдарьинской области начальнику г. Ташкента

№ 11370

10 ноября 1880 г.

Г[осподину] Начальнику гор. Ташкента

Для ожидающихся к прибытию еще 500 менонитов Г[осподин] Главный начальник края разрешил занять лавки на ярмарочной площади и на очистку их от грязи и самое необходимое приспособление их к жилью определил сто рублей.

Уведомляя об этом Ваше высокоблагородие, прошу Вас, милостивый государь, немедленно выбрать для ожидающихся 71 семейства менонитов более прочные и чистые лавки и затем распорядиться наймом рабочих для очистки их, заливки крыш и подделки каминов, не выходя, однако, из предложенных к ассигнованию на этот предмет 100 р., и о последующем мне донести.

Генерального штаба генерал-лейтенант^а

И.д. начальника отделения *А.Ильинский*

ЦГА Руз. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1778. Л. 1. Подлинник.

№ 2

Рапорт 2-го полицейского пристава г. Ташкента начальнику города

№ 566

27 февраля 1881 г.

Рапорт

Между проживающими на ярмарке менонитами открылись болезни, от которых начали умирать люди, в настоящее время больных до 17 человек.

^а Подпись неразборчива.

О чем Вашему высокоблагородию имею честь доложить, что менониты заболевают, как должно полагать, горячкою, от сырости занимаемых ими помешений.

И.д. 2-го полицейского пристава^а

ЦГА РУз. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1778. Л. 6. Подлинник.

№ 3

Подписка

1881 года марта 14 дня мы, нижеподписавшиеся менониты, проживающие на ярмарке, дали сию подписку второму полицейскому приставу г. Ташкента в том, что предписание Господина и.д. помощника Военного губернатора Сырдарьинской области от 12 сего марта за № 2166, об отводе земли в количестве 1040 десятин на 80 семейств на Ур-Маральском участке Аулиеатинского уезда, по 13 десятин на каждое семейство, нам объявлено, в чем и подписуемся.

[48 подписей]

ЦГА РУз. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1778. Л. 10. Подлинник.

№ 4

**Телеграмма статского советника Ибрагимова
и.о. Туркестанского генерал-губернатора Г.А.Колпаковскому¹**

Джизак

7 августа 1881 г.

Менонитам, прибывшим из Капланбека в Бухару, Бухарское правительство отказало, мотивируя, что у них земли мало, в воде нуждаются сами. Сейчас около Джизака встретил 24 семейства менонитов, с их представителями, прибывшими [из] Бухары, направляющихся в Самарканд и далее за границу. На мой вопрос, какой ответ они получили, они ответили, что, хотя он не был удовлетворительным, но они все-таки идут туда, а в случае отказа бухарцами принять их, они пойдут далее, но назад не вернуться.

Ибрагимов

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 537. Л. 1. Копия.

№ 5

**Телеграмма генерал-майора Иванова
и.д. Туркестанского генерал-губернатора Г.А.Колпаковскому**

13 августа 1881 г.

Двадцать четыре семейства менонитов на 48 фургонах прибыло в Самарканд, пробираются из Ташкента в Бухару или далее. Я распоря-

^а Подпись неразборчива.

дился дать им временное помещение. Испрашиваю указаний, допустить ли менонитов свободно следовать в Бухару? Мне о них никто ничего не сообщал. Если следование будет разрешено, не прикажете ли написать о них в Бухару и в каком смысле.

Генерал-майор *Иванов*

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 537. Л. 1. Подлинник.

№ 6

**Телеграмма и.о. Туркестанского генерал-губернатора
Г.Л.Колпаковского генерал-майору Иванову**

Ташкент

20 августа 1881 г.

Менонитам не возбранять следование в Бухарские владения. Благоволите приказать снова объявить под росписи, что с оставлением Российских владений менониты потеряют право на льготы по отбыванию воинской повинности. Можно сообщить пограничному беку, что Бухарское правительство в приюте менонитов может поступать по своему усмотрению: может, если пожелает, принять и не принять.

Генерал-майор *Колпаковский*

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 537. Л. 3. Подлинник.

№ 7

**Телеграмма статского советника Ибрагимова
и.д. Туркестанского генерал-губернатора Г.А.Колпаковскому**

7 октября 1881 г.

Эмир находится в Ширбудуне, собираясь каждый день выехать далее Карши, может быть, завтра выедет. Известие о заболевании и смерти некоторых менонитов произвело впечатление на эмира, вследствие этого, мне передали эмир выразил желание принять, если Ваше превосходительство не имеет ничего против этого. Нового ничего нет.

Ибрагимов

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 537. Л. 9об. Подлинник.

№ 8

**Телеграмма и.д. Туркестанского генерал-губернатора
Г.А.Колпаковского статскому советнику Ибрагимову**

Ташкент

9 октября 1881 г.

Вследствие телеграммы Вашей от 5 сего октября из Бухары о желании эмира Бухарского принять в свое владение менонитов, ушедших из

Ташкента сего года, уведомляю Вас, милостивый государь, для руководства при переговорах Ваших по этому поводу с бухарскими властями, что означенные менониты, на прием которых в Бухарское владение, как сообщал, я не имею препятствий. В случае поселения их там, они должны быть водворены вдали от нашей границы и чтобы им не было дозволено являться в русские пределы ни для свиданий с родственниками и единоплеменниками и ни для каких бы-то не было надобностей.

Генерал-лейтенант *Колпаковский*

Верно

Поручик^а

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 537. Л. 10. Копия телеграммы.

№ 9

Телеграмма Ибрагимова и.д. Туркестанского генерал-губернатора Г.А.Колпаковскому

Каттакургана

16 октября 1881 г.

Вчера эмир лично передал мне, что выражая желание принять в подданство 31 семейство менонитов, по объясненным ранее причинам, он полагал, что их больше нет, но когда узнал, что менонитов в Ташкенте еще много, то вовсе отказался от принятия их в свое подданство. При этом эмир сказал, что менониты не знают языка, не умеют обрабатывать землю и женщины их открытыми лицами дадут дурной пример здешним^б.

Ибрагимов

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 537. Л. 12. Подлинник.

№ 10

Прошение менонитов, проживающих в Хивинском ханстве, генерал-губернатору Туркестанского края генерал-адъютанту Черняеву²

2 апреля 1883 г.^в

Его Высокопревосходительству господину генерал-губернатору Туркестанского края генерал-адъютанту Черняеву, в настоящее время находящегося в Хивинском ханстве общества менонитов.

Покорнейшее прошение

^а Подпись неразборчива.

^б Приписка внизу на телеграмме: «Сообщить Министру иностранных дел и Министру внутренних. Г.Л.Колпаковский».

^в Дата поступления в канцелярию генерал-губернатора Туркестанского края.

Мы, нижеподписавшиеся депутаты менонитов, поселившихся в Хивинском Ханстве, имеем смелость приближаться Вашему Высокопревосходительству нижеследующею просьбою.

Вновь введенные законы с 1871 года принудили наше маленькое общество, которое стремится во всем исполнить учение Господа нашего Иисуса Христа, искать место, где бы во всех отношениях могло жить по религиозным правилам Слова Божия. Вполне убежденные, что только великая Русская Держава в наше время всеобщих больших беспорядков и опасностей может быть крепкою защитою последователям Небесного Царя, мы не могли искать приюта в Америке, как многие другие наши братья, но направили наш путь во вновь завоеванные владения России, в Туркестанский край. Путешествие наше было очень трудное. Уже почти три года мы теперь с нашими семействами в пути, не найдя местечка, где бы могли жить в покое. Прошлое лето, наконец, принял нас Хан Хивинский, отвел землю для населения и даровал четыре года льготных, в течение которых мы были бы свободны от всяких повинностей. Мы устроились, думая, что нашли то, что искали.

Вдруг нам сообщен был приказ Вашего Высокопревосходительства, не позволять нам поселиться на левом берегу Амударьи. Наше положение отчаяние, [более, чем] когда-либо. Лишившись почти всех средств, мы не знаем никакого исхода; лишь только упования на Всемогущего Бога поддерживают нашу силу и теперь не пасть духом, не отчаиваться. Мы прибегаем к стопам Вашего Высокопревосходительства, как к установленной нам от Бога власти, с следующей покорной просьбою: разрешать нашему обществу позволение на пребывание на том месте, которое отведено нам для населения Хивинским правительством — позволять таковому правительству принять нас в подданные.

В случае, что и там, в скором времени, введутся законы, которые противоречат нашим религиозным убеждениям, то мы надеемся на Господа Бога, что Он и впредь знает помощи для нас, и готовы очистить место.

От имени менонитов к сему прошению руку приложили депутаты:

Герман Янцен

Яков Гаенц

Эмилий Ризен

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1479. Л. 3—4. Подлинник.

№ 11

Записка менонитов Аулиеатинского уезда, поданная высшей власти

[1885 г.]

Для достижения Царствия Небесного многое надо испытать всякому ревностному последователю Иисуса Христа. Деяния Апостолов 16.22 Матв. 10.38 Откроев. 2.10. и Гл. 7.14. Так как и нашим предкам немало

пришлось претерпеть, многие из наших подверглись лишениям и преследованиям, некоторые в страшных мучениях сожжены были на кострах, другие утоплены были или же умерли в руках своих гонителей. Это произошло потому, что они строго придерживались своей веры, открыто провозглашали правду и не отступали от своих верований, которые не позволяли присоединения их к господствующим церквям, несмотря на то, что их хотели всевозможными муками принудить к этому.

В течение истекших столетий наши общины никогда не принимали на себя обязанность в отношении Государств сего мира относительно поставки из среды своей рекрутов. Это не дозволялось нашей религией уже потому, что над лицами, подчиняющимися непосредственно мирским законам, община не могла иметь надлежащего надзора, предписываемого нашими церковными правилами. Правила эти основываются на разные места Священного писания, а также на ясный смысл слова самого нашего Спасителя. Мат. 18,15—18. По этим причинам они предпочитали проживать, где им это дозволялось в качестве гостей и чужестранцев, соглас. Ев. 11,13, при этом они считали себя обязанными соблюдать пользу и благо обитаемой ими страны. Мы, потомки этих меннонитов, столь много претерпевших, хотели бы последовать их примеру и придерживаться к тому, что наши отцы так дорого ценили, дороже своей жизни, и мы не хотим отступить от этого, потому что мы знаем, что Бог наш высоко ценит, если человек свято сохраняет унаследованные от отцов правила (если они не противоречат Слову Божию). Вследствие всего этого, положение, которым мы пользовались в России до 1871 г., было самое подходящее для нас. Но в том году условия колонистов изменились, что произвело немалый переполох между нами. Многие покинули свое отечество (Россию) и отправились в Америку. Многие сделали такую уступку в строгих правилах своих и пришли к такому соглашению с правительством, что им, как сиротам страны, предоставлены такие льготы, что принятые ими обязательства не противоречат их принципам, а именно: они освобождены были от ношения оружия. Община имела возможность иметь за ними предписанный правилами надзор, они были уединены от разных других вероисповеданий и назначены были лесничества, где они имели возможность исповедовать свою веру.

Мы же не могли присоединиться ни к одним, ни к другим. Путь в Америку, согласно пророчествам Библии и Слову Божию, показался нам неверным, так как мы из Библии, на которую опирается вся наша вера, не видим никаких указаний на нее, тогда когда мы находим такие относительно России и надеемся с многими другими верующими в Библию иных исповеданий, что при кончине мира многие найдут там убежище, когда время это наступит, как сказал Иисус Христос ученикам и всем верующим всех времен: Вас ненавидеть будут все народы имени моего ради. Матв. 10, 22, Гл. 42, 9 Марк 13, 13, Лука 21, 17. Тем более мы не могли согласиться отступить, насколько-нибудь, от нашей веры и поступить как-то на службу, ибо тогда община наша лишилась бы того положения, о котором упоминается Матв. 20.25—27, Иоанна 18, 36.

Вследствие всего этого мы обратились к правительству и искали убежища в так дорогом для нас краю России, где мы могли бы жить впредь, как в прошедшем. Мы посылали пять раз депутатов в С.-Петербург. Многие высокопоставленные лица поддерживали нашу надежду, что мы в обширных владениях Российской империи найдем место, где нам дозволено будет жить согласно нашей веры. Все-таки мы давно горевали вследствие неудачи, пока наша депутация 13 сентября 1879 г. не застала в столице генерал-губернатора фон Кауфмана³. Депутатами были старшина наш Авраам Петерс (умер в 1881 г. в Ташкенте), Яков Тевс (приходский учитель, который пространствовал туда и сюда из Хивы и отправился в Америку в 1884 г.) и Иван Епп (приходский учитель). Когда эти депутаты застали генерал-губернатора фон Кауфмана и объяснили наше положение и желание, Его Высокопревосходительство охотно высказал: «Могу вам помочь. Еду сегодня в Крым, где находится Государь⁴, доложу ему вашу просьбу, обождите, когда я вернусь, и получите окончательный ответ». Вернувшись назад, Его Высокопревосходительство уверил нашу депутацию, что дело наше может уладиться, и посоветовал нам, чем скорее, тем лучше, уладить свои дела и приехать в Туркестанский край. Вследствие этого мы отправились несколькими партиями в 1880 и 1884 годах в Сырдарьинскую область. Так как вследствие болезни и смерти Его Высокопревосходительство не мог исполнить своего обещания, то часть из нас (можно сказать, более состоятельная) ушла в Бухару и Хиву. Мы же, жившие большей частью в Ташкенте, лишённые всяких средств к существованию, выстрадав много через болезни и потеряв многих из своей среды, помирились с правами, предоставленными в здешнем краю переселенцам и записались здесь, отвечая за обязательства наши из старого отечества нашего и оставив за собою право ходатайствовать об освобождении от воинской повинности тех из наших юношей, которые ко дню переселения достигли 15-летнего возраста и обязаны были отбыть повинность. С этого времени нас, несмотря на наши просьбы, не оставляли в покое и юношей наших вызывали в Ташкент для освидетельствования врачами. Пришлось нам для этого 6 раз ездить в Ташкент в холодное время года, а также и в жаркое, что стоило немалых жертв возникающей нашей колонии, и так как по сие время мы не могли добиться желаемой свободы, несмотря на все принесенные нами жертвы, то многие из нас отсюда отправились в Америку, другие же имеют намерение следовать за ними. Мы же все же не можем решиться и, не имея необходимых средств на это, поэтому, находясь в крайней нужде, из глубины души высказываем, что мы не можем больше по совести подвергаться освидетельствованию врача, потому что (хотя это только начало) это было бы выражением согласия нашего к исполнению воинской повинности. Хотя работы, которые нам поручают, собственно говоря, не имеют военного характера, но все-таки набор, измерение и освидетельствование годности к службе врачами есть в полном смысле слова исполнение воинской повинности. Во всех документах и бумагах, которые мы получали, значится всегда воинская повинность. Мы же не можем согласиться на такого рода службы, так

связывающие нас. Хотя поручаемые нам работы и не похожи на исполнение воинской повинности, и мы могли бы их исполнить, но не можем этого сделать ввиду того, что они заменяют именно воинскую повинность, и предпочли бы поступить лучше как иудеи.

Мы полагаем, что высказались достаточно ясно, но не желали бы ни в каком случае, чтобы на нас смотрели, как на таких людей, которые именно то не желают исполнить, что они обязаны исполнить, или же как на нигилистов, не признающих никакой порядок и закон и не желающих подчиняться никаким правилам. Мы охотно подчинимся Государственным законам, насколько мы это можем, мы их высоко ценим и обязаны подчиняться им. Но еще выше Государственных законов стоят в глазах наших Законы Божьи. Мы надеемся, что милостивое Русское правительство оценит наше откровенное признание. Оно основано на Библии, которая высоко ценится Царствующими лицами в России, что видно из покровительства, оказываемого ее распространению. Если же наше Слово Божье не сходно с толкованиями других исповеданий, то мы находим в Библии изречения в нашу пользу и ободряющие нас твердо держаться своего. Да будет нам прощено, что мы осмеливаемся так выражаться. Мы делаем это с глубоким смирением перед Богом нашим спасителем, который сказал: Кто устыдится меня и моих слов, того устыдится и сына человеческого, когда он явился во славу. Библия основа нашего вероисповедания и к ней мы придержимся или погибнем, так как она останется, когда все видимое исчезнет. Мат. 24.35 Марка 13—31. Лука 21.33.

Боже Иисусе Христе, поддержи твоих слабых детей, мы бессильны. Ев. Иоан 15.5.

Подписали:

Старшина менонитов *Франц Абраюн*, староста *Яков Янглэн*, приходский учитель *Герман Епп*, *Яков Миндлер*, сельский староста *Иван Класин*, *Иван Виде*, приходский учитель *Генрих Крозерег*, *Петер Паулс*, подстароста *Иван Регер*.

Перевел:

Малевский

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1987. Л. 23—26об. Подлинник перевода.

Примечания

¹ *Колпаковский Г.А.* (1819—1896) — генерал-майор, впоследствии генерал от инфантерии, участник завоевания Средней Азии, в 1867—1882 гг. военный губернатор Семиреченской области; в августе—октябре 1881 г. — исполняющий дела Туркестанского генерал-губернатора.

² *Черняев М.Г.* (1828—1898) — генерал-лейтенант, участник завоевания Средней Азии, в 1882—1884 гг. Туркестанский генерал-губернатор.

³ *Кауфман К.П.* (1818—1882) — инженер-генерал, генерал-адъютант, в 1867—1882 гг. генерал-губернатор Туркестанского края и командующий войсками Туркестанского военного округа.

⁴ Имеется в виду Александр II (1818—1881) — российский император с 1855 г.

«ОБОЖАЕМАЯ ВЕРА, ЗНАЧИТ, Я НЕ УВИЖУ ТЕБЯ БОЛЕЕ»

Письма Артамона Муравьева жене. 1826—1835 гг.

«Обожаемая Вера, значит, я не увижу тебя более; неужели мне суждено умереть, не прижав тебя еще раз к сердцу? Об этом я не перестану себя спрашивать, и это отравляет существование мое. Вот уже скоро 10 лет как длится мое несчастье, а сердечная рана так же кровоточит сейчас, как и в первый день, ибо время не может заставить меня ни забыть Веру, ни утешиться в потере ее», — эти слова написаны Артамоном Захаровичем Муравьевым жене, Вере Алексеевне Муравьевой, в Петровском заводе 29 августа 1835 г. А.З.Муравьеву, осужденному по первому разряду (смертная казнь отсечением головы, замененная указом императора от 10 июля 1826 г. на вечную каторгу), оставалось четыре года до «обращения на поселение». Вечная каторга уже давно была заменена на 20-летнюю (22 августа 1826 г.), затем на 15-летнюю (8 ноября 1832 г.), а через несколько месяцев после того, как было написано процитированное выше письмо (8 ноября 1835 г.), сокращена еще на два года. Это письмо — одно из немногих в собрании Пушкинского Дома, написанных рукой А.З.Муравьева. Большую часть писем, посланных им из Сибири до поселения в дер. Малой Разводной, писали за него А.Г.Муравьева, М.Н.Волконская, Е.И.Трубецкая и другие дамы, приехавшие к мужьям в Сибирь. В настоящую публикацию включены именно те немногие письма, которые были написаны собственноручно А.З.Муравьевым. Среди них — письма из Петропавловской крепости, переданные с охранявшими узника солдатами, и отправленные из Петровского завода «с оказией». Одним из них и начинается публикация. Писем последнего периода жизни на поселении, обращенных к жене, в собрании Пушкинского Дома нет. Не выявлены они и в других отечественных архивах. Таким образом, письма, которые мы представляем читателю, составляют значительную часть его автографов, дошедших до нас.

Артамон Муравьев был арестован 31 декабря 1825 г. в доме дивизионного командира генерал-лейтенанта Ф.В. Ридигера в Бердичеве¹. 8 января 1826 г. доставлен в Зимний дворец. Николай Павлович так вспоминал о первой встрече с А.З.Муравьевым: «Артамон Муравьев был не что иное, как убийца, изверг без всяких других качеств, кроме дерзкого вызова на цареубийство»². Первый допрос, проведенный генерал-адъютантом В.В.Левашовым, был коротким. Артамон Муравьев признал, «что должен был о существовании общества сказать», но мысль прослыть доносчиком его останавливала³. В письме Государю он просил, чтобы его не причисляли к злодеям: «Язык мой преступен много раз в безрассудном и порочном толковании, но никогда сердце мое в оном не участвовало. Да будет прежняя жизнь моя, поступки мои, Вашему Императорскому Величеству в том

¹ См.: Пушкин Б. Декабристы и их время. М., 1932. Т. II. С. 383.

² Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов. В переписке и мемуарах членов царской семьи. М.—Л., 1926. С. 33.

³ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 403. Л. 1.

порукою; и клятва несчастного отца»⁴. После допроса он был отправлен в Петропавловскую крепость и посажен в каземат Зотова бастиона. К этому времени, по всей вероятности, и относится первая публикуемая нами записка, датируемая по содержанию (док. № 1). 17 января А.З.Муравьев был снова доставлен в Зимний дворец. На вопросы о принадлежности к тайному обществу, заданные В.В.Левашевым, он ответил положительно, признав, однако, причиной вступления в общество желание «не отстать от родственников» (троюродных братьев: Муравьевых-Апостолов, Никиты Муравьева и Лунина). 26 января Артамон Захарович писал жене: «Судьба моя достойна жалости, но я здоров; лишь бы ты сохранила ко мне свою любовь и привязанность, я вынесу все. Суди сама: каждое слово, каждое выражение — все известно». 30 января и 9 февраля Артамон Муравьев вновь был в Зимнем дворце. Условия содержания в крепости после этих допросов продолжали оставаться прежними: писать родным не разрешалось, окопы не были сняты (распоряжение о снятии оков было дано только 30 апреля 1826 г.). 18 февраля В.А.Муравьевой была доставлена записка, переданная через солдата: «Ты знаешь мое сердце, я мог быть неосторожным, но чудовищем — никогда. Сергей Волк[онский] и Бестужев, чтобы наказать меня за то, что я не содействовал им, сказали все, вплоть до выражений, вырвавшихся у меня в минуту преступного энтузиазма».

«Сказали все...» — что именно сказали к тому времени Волконский и Бестужев разбирать подробно в данной публикации представляется неуместным, но чтобы уяснить себе тогдашние обстоятельства, необходимо отметить, что имеются в виду Михаил Бестужев-Рюмин, дававший подробные показания, и Сергей Волконский, который был весьма немногословен и впервые назвал Артамона Муравьева, как члена Южного общества, в показании от 7 мая 1826 г.

Свидание с женой и сестрой А.З.Муравьев получил 14 и 18 июня. До дня зачтения приговора Верховного уголовного суда оставалось чуть меньше месяца. 17 июля вышло Высочайшее повеление о немедленной отправке осужденных закованными, при жандармах и фельдъегере в Иркутск к губернатору И.Б.Цейдлеру. Первая партия должна была отправиться в путь на рассвете 22 июля 1826 г.⁵ Еще не зная о том, что через несколько часов навсегда покинет Петербург, Артамон Муравьев написал жене в семь часов вечера 21 июля 1826 г. последнюю записку из крепости (док. № 5).

Первая партия осужденных (В.Л.Давыдов, А.З.Муравьев, Е.П.Оболенский, А.И.Якубович и С.Г.Волконский) была отправлена в Иркутск в сопровождении фельдъегеря А.К.Седова. Из воспоминаний Оболенского известно, что «на первой станции» партию ожидала Вера Алексеевна Муравьева «для последнего прощания с мужем». Она передала Артамону Захаровичу свой портрет и ладанку с волосами детей⁶. Судя по письму другого свидетеля этой встречи — Василия Львовича Давыдова, она заверила мужа, что последует за ним при первой же возможности. «Вера Алексеевна Муравьева (урожд. Горяинова), — писал он брату, — скажет вам, каким образом ко мне переслать письма от несчастного семейства моего и деньги, она же скажет вам, как и когда поедут — она, Нарышкина, Муравьева (урожд. Чернышева) и прочие жены несчастных, которые все следуют за мужьями своими...». В записке жене В.Л.Давыдов добавлял: «Вера Алексеевна едет тоже к мужу, если только можно будет тебе ехать вместе, это бы меня много успокоило, она так добра...»⁷. «За несколько верст не доезжая Иркутска» и А.З.Муравьев написал жене. Доставить письма взялся «добрейший спутник» — фельдъегерь

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 6. Л. 451, 457.

⁶ См.: Оболенский Е.П. Воспоминания // Общественные движения в России в первую половину XIX в. СПб., 1905.

⁷ Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925. С. 20—21.

Алексей Кузьмич Седов, который после доставки своих подопечных к губернатору, должен был отбыть в Россию. Артамон Захарович писал: «Солгал, если бы сказал, что спокоен и начинаю привыкать к своему несчастью. Оно такого рода, что сие невозможно... Беспреданная молитва моя и единственная просьба к Богу состоит в том, чтоб он сохранил бы здоровье твое и ангелов наших. Пролив слезы горячие о сем, я убеждаюсь, что Создатель внимает молению моему и, успокоясь на сей счет, получаю силы нравственные»⁸.

«Жены высылаемых намерены следовать за своими мужьями в Нерчинск. О, на их месте, я поступила бы также»⁹, — записала в дневнике в понедельник 13 июля 1826 г. императрица Александра Федоровна. Венценосный супруг ее был настроен иначе, и счел своим долгом всеми средствами заставить жен «высылаемых» отказаться от своего намерения. Задержать их в России легче всего было, взывая к материнским чувствам, что, как известно, и было сделано.

Бездетная Е.И.Трубецкая отправилась в Сибирь в июле вслед за мужем. О том, что ждало ее за Уралом, хорошо известно из документов, воспоминаний, литературы. М.Н.Волконская, выдержав сопротивление родных, расставание с сыном, отправилась в конце декабря. А.Г.Муравьева в январе 1827 г. пустилась в путь, оставив троих детей на свекровь. Вере Алексеевне Муравьевой не на кого было оставить детей. Мать, Матрена Ивановна Горяинова, была серьезно больна, свекрови не было, а с сестрой Артамона Захаровича отношения были сложны и недружественны.

Между тем, в Сибири ее ждали с нетерпением. М.Н.Волконская писала из Нерчинска 30 апреля 1827 г.: «Не обижайтесь на меня, милая госпожа Муравьева, если я замедлила выполнить данное вам обещание посылать вам точные сообщения о здоровье вашего мужа и все подробности, которые смогу узнать о состоянии души его: лишь надежда вскоре увидеть вас задержала меня до сих пор... Письмо ваше было для него несказанным благом. Ваше трогательное выражение вечной привязанности к нему вернуло мир его душе». Отныне письма от жены стали единственной поддержкой в борьбе «с противным роком», который навсегда разлучил А.З.Муравьева с женой и детьми. В эти годы Артамон и Вере Муравьевым суждено было пережить тяжелые испытания: разлуку, смерть двух сыновей. В письмах жене Артамон Захарович писал о том, что испытания физические ничто в сравнении с муками нравственными. Об этом есть строки и в публикуемых нами письмах из Сибири. Все они написаны были в ситуации, когда представлялась возможность поговорить с женой без посредников. Это обстоятельство делает их бесценными свидетельствами состояния души человека, попавшего в сложнейшую жизненную ситуацию. «...Я не из числа избранных, мне предстоит испить чашу горя, полную и до дна», — написал А.З.Муравьев жене 29 августа 1835 г.

Предчувствия не обманули его: судьба не подарила ему ни встречи с женой, ни встречи с единственным оставшимся в живых сыном. Ему оставалось еще 10 лет жизни. Встречавшие его в те годы люди отмечали доброту, ум, умение и готовность прийти на помощь в беде. Увлечение медициной давало множество случаев не на словах, а на деле быть полезным всем, кто нуждался в его помощи. Дети, родившиеся в Сибири, став взрослыми, вспоминали об особой самоотверженной заботе о них Артамона Захаровича (например, С.Н.Бибикина). Его чувство юмора и общительность отмечали многие из декабристов, оставивших записки о сибирском периоде жизни (например, Ф.Ф.Вадковский). Кроме товарищей по несчастью у него было множество знакомых, приобретенных в Сибири (семейство Басниных, Казимирский и др.).

⁸ Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925. С. 22—23.

⁹ Междоусобие 1825 г. и движение декабристов. М.—Л., 1926. С. 93.

Письма А.З.Муравьева жене составляют большую часть его фонда, хранящегося в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 605). В это собрание они попали в 1918 г. История их приобретения изложена в заявлении, с которым Б.Л.Модзалевский обратился к Конференции Академии наук. Речь шла о приобретении «всего архива «Русской старины» для Российской Академии наук». «Весь этот материал, — сообщил Модзалевский, — (в огромном большинстве неиспользованный), заключается в шкафах и по описи насчитывает свыше 1500 №№, не считая не зарегистрированных, среди которых находится большое количество подлинных рукописей выдающихся государственных деятелей, писателей, поэтов, ученых, исследователей и вообще лиц, известных в том или ином (напр[имер], декабристов) отношении, целые архивы замечательных людей...»¹⁰. Среди «большого количества подлинных рукописей» находились и документы, составившие впоследствии фонд Артамона Захаровича Муравьева.

Публикуемые оригиналы писем А.З.Муравьева написаны частью на французском, частью на русском языке. Нередко во французском подлиннике несколько фраз или часть письма написаны по-русски. В этих случаях написанное по-русски выделено курсивом. При переводе, по возможности, сохранены особенности авторского стиля. Орфография и пунктуация приближены к современным. Перевод писем с французского осуществлен Л.Л.Тривуш.

Публикацию подготовила Т.Г.ЛЮБАРСКАЯ.

№ 1

[Начало января 1826 г.]

Обожаемый друг мой, несравненная жена моя, да сохранит в тебе Верховное Существо эту надежду, единственное прибежище несчастных, и эту твердость, которая одна может спасти от отчаяния. Да, дорогой друг, у нас дети¹, по крайней мере ты им останешься. Не думай, что я говорю так потому, что потерял надежду — нет. Бог и Государь не накажут так человека, который раскаивается и единственное желание которого — искупить свои заблуждения. Сообщи мне, как и на кого ты оставила дорогих наших детей, получаешь ли известия об их здоровье². О, как все это терзает мне сердце! Милая Вера, когда мы будем вместе? Господь всемогущий, который видит меня, читает в сердце моем, сжался надо мной, пошли мне хоть на одно мгновение это сладостное утешение. Здоровье мое довольно хорошо и я страдаю только из-за тебя и поэтому мне трудно писать. Я боюсь злоупотребить добротой и милосердием, которые мне оказали, позволив писать тебе³, но что касается тебя, пиши мне часто. Попроси разрешения прислать мне несколько книг, простыни и расческу. Прощай, мой ангел, самый дорогой мой друг, повторяй мне часто, что ты не ненавидишь меня, что ты не проклинаешь меня, это утешит бедное мое сердце.

А. Муравьев

Друг мой неоцененный, друг истинный Сестра⁴, Бог один силен воздать тебе за все, что ты для жены моей делаешь, ну и утешение, которое письмо твое мне принесло. Надежда на Бога и на милосердие моего Государя одна моя отрада, вспоминая о вас горькие слезы проливаю. Боже всемилостивый,

¹⁰ Архив РАН. Ф. 150 (Пушкинский Дом). Оп. 1—1899. № 1. Л. 161—162.

когда-то вас обойму. Почтеннейшему и Дражайшему Егору Францевичу⁵ поклонись, о[н] всегда у меня в сердце. Брат твой несчастный

А. Муравьев

*Ее превосходительству
Милостивой Государыне
Катерине Захаровне
Канкрин[ой].
Зотов бастион^а*

ИРЛИ. Ф. 605. № 3. Л. 1—2.

№ 2

Среда, вечер, 13 января [1826 г.]

Как найти достаточно выразительных слов, чтобы сказать тебе, что я испытал, получив твое письмо и письмо от сестры. Обожаемый ангел, успокойся относительно моего здоровья: осудив меня на это тяжкое испытание, Господь сохранил мне физическую силу, и боль в боку, которая так мучила меня в течение 4 недель, полностью исчезла. Письмо твое я читал на коленях, и слезы, сладостное утешение несчастных, оросили его. Как я тебе говорил, с совершенной покорностью предаюсь я воле Провидения и надежды в отношении будущего моего существования и существования несчастного моего семейства возлагаю лишь на милосердие Божие и на милость августейшего нашего Государя.

Добрая и любимая моя сестра, благодарю тебя за твою дружбу ко мне. Присоедини свои молитвы к молитвам жены моей, и Господь сжалятся надо мной. Прощай Вера, обожаемый ангел. Благословляю детей и непрерывно молюсь за вас.

Твой друг до гроба

А. Муравьев

Не проклинай меня, одна эта мысль делает меня в тысячу раз более несчастным^б.

Несравненной доброте августейшего нашего Императора обязан я утешением написать Вам, как не благословить его милосердие. Я буду молиться, чтобы вам доставили это письмо, но не знаю^в.

*Ее превосходительству
Катерине Захаровне Канкрин[ой].
Из под[вала?] Зот[ова бастиона] 5^г*

ИРЛИ. Ф. 605. № 3. Л. 3.

^а Написано карандашом под адресом на листе, служившем конвертом.

^б Написано над верхней строкой на перевернутом листе.

^в Написано на полях слева вдоль листа.

^г Написано карандашом едва заметно на листе, служившем конвертом (под адресом).

№ 3

26 января [1826 г.]

Обожаемый ангел, божественный и несравненный друг! Солдат, который принесет эту записку, сжалился надо мною и согласился за 50 рублей передать ее тебе. Судьба моя достойна жалости, но я здоров; лишь бы ты сохранила ко мне свою любовь и привязанность, я вынесу все. Суди сама: каждое слово, каждое выражение — всё известно. Но если Богу угодно было, чтобы ни одна молитва не пропала, я уповаю на его Милосердие, что и мое поведение тоже будет известно. Обожаемый ангел, не говори об этой записке даже моей сестре. Вера, не питай ко мне ненависти, этого я бы не вынес. Ангел небесный, как я заставляю тебя страдать! Постарайтесь поговорить с Великим князем Михаилом⁶, он все может; и как бы от себя поговорите с комендантом⁷, чтобы он был добр ко мне. Не питай ко мне ненависти, не отвергай меня, это все, о чем я молю Бога. Благословляю детей и целую ноги твои. Твой несчастный муж^а

А. Муравьев

ИРЛИ. Ф. 605. № 43. Л. 1—1об.

№ 4

18 февраля [1826 г.]

Мой ангел обожаемый, божество мое Вера, как я счастлив, что встретил солдата из роты Алексея⁸, который согласился передать эту записку. Вера, несравненная Вера, которую я не умел ценить, пожалей меня, но не проклинай, я перенесу все, лишь бы это последнее несчастье не случилось со мной. Ты знаешь мое сердце, я мог быть неблагодарным, но чудовищем — никогда. Сергей Волк[онский] и Бестужев, чтобы наказать меня за то, что я не содействовал им, сказали все, вплоть до выражений, вырвавшихся у меня в минуту преступного энтузиазма⁹. Ангел, убереги меня от порицания, попроси принять участие в моей судьбе сестру мою, доброго ее мужа, Кутузова¹⁰, Дибича¹¹, Бенкендорфа¹², но, главное, сохрани свою любовь ко мне. Я здоров. Попроси Сукина через мою сестру и г-жу Маврину¹³, чтобы он хорошо со мной обходился. Я пишу украдкой и боюсь быть захваченным врасплох. Ангел мой, до свидания, если Господь милосердный дарует мне эту милость. Обними детей, мою сестру и убереги меня от ее презрения. Целую ноги твоей матери¹⁴, да простит мне она! *Вера, как я тебя люблю, я этого не полагал, прощай.* Если бы ты могла мне написать, но нет, это невозможно. *Жертва моя, добрый ангел, чем я, злодей, могу загладить*

^а Слева в последней строке подлинника по-французски написано слово «Вторник» и зачеркнуто. Письмо написано на полулисте с оборванным, неровным верхним краем.

твои страдания. Забыл тебе сказать, ангел жизни моей, пойди по получении этой записки к протопопу Казанского собора, кажется, отец Петр¹⁵, высокий, толстый, он к нам заходил; и ему дозволено императором приходить [к нам] во всякое время. Кинься к ногам его, тем более, что он обещал мне повидать тебя и говорить с тобою, умоляя его передать мне несколько слов твоих и приготовь записку и, если ты хочешь сказать мне что-нибудь особое, напиши лимонным соком между строками, написанными чернилами, но умоляя его не предавать ни меня, ни тебя. Он даже говорил мне, что был у тебя, но что ты не приняла его. Ангел Вера, употреби все твое красноречие, чтобы уговорить его и возьми с него слово. Если бы деньги могли подействовать! Он расскажет тебе обо мне. Что я несчастный! Может ты меня проклинаешь, и правильно, но нет, сердце твое знаю и не полагаю это возможным. Сестру обойми и заверь ее в моей дружбе и что я языком, а не сердцем виноват. Кабы я получил хоть строчку от тебя. Поклянись протопопу, что я записку сожгу, он добрый человек, со мной плакал. Ноги твои ангельские целую. Готов бы слугою твоим быть. Прощай, может Всевышний нас соединит. Детей благословляю ежедневно. Егор бы Францевич, этот ангел, чтоб меня не оставил и не забыл⁴.

Господи Милосердный Боже, прими с Милосердием Молитву Кающегося грешника, полагающего надежду мою на Тебя Царя небесного и на Спаса нашего. Праведно есть наказание твое о Боже Господи мой, дай мне только силы и крепость с терпением оное переносить, отведи мя Господи от отчаяния и тем избавь меня, раба твоего от вящего греха. Помилуй и награди счастьем, которое я похитил у милых сердцу моему жертвы Веры, Никиты, Александра и Льва, склони сердце дражайшей Матери моей [...] последнее сокровище свое Веру на сострадание ко мне и на помилование, ибо я не только перед ними выполнил обязанности мои, но как злодей погубил их. Внуши брату и сестре сострадание и любовь к жене и детям моим, да выполняют они пред ними, как ближайшие родственники мои, обязанности несчастнейшего их брата и тем будут мои искупители. Дай жене моей крепости и силы взрастить детей наших, и если скорбь по мне недостойном силы ее ослабеваает, то пусть чувства ее ко мне охладят, хотя это для меня будет всего на свете чувствительнее, но я всего достоин. Ангельские правила ее отведут от поношения пред детьми моими. Отведи отца моего от проклятия меня. [...] одна просьба моя к тебе Всевышнему. Открой сердце мое Царю и Судьям моим, и тем докажи, что я преступник языком, а не умыслом, а злодей я только пред Верою, Никитою, Александром, Львом и Матреною, и твори волю твою святую надо мною.

Аминь⁶.

ИРЛИ. Ф. 605. № 43. Л. 3—3об.

⁴ Письмо написано на листе, нижние углы которого оборваны.

⁶ Далее одно слово неразборчиво.

⁸ Молитва приложена к письму от 18 февраля 1826 г.

№ 5

7 часов вечера 21 июля 1826 г.

Ангел мой и друг бесценный Веринька, сверх всякого чаяния получил позволение к тебе написать несколько строк. Что могу тебе сказать более, как то, что все существование мое в тебе и детях заключается. Любовь, почтение и благодарность моя к тебе за твои чувства ко мне, не смотря ни на что, не могут быть мною описаны. Кабы я всегда так мыслил, как теперь, но поздно, не вернешь. Хотя надежда на милосердие Божие не оставляет несчастных на краю самой пропасти, все таки тяжело. Я здоров и даже очень, нравственные силы мои укрепляются приметно, а потому убедись, что я не впаду в отчаяние, лишь бы ты берегла бы себя. Что-то ангелы наши? Вспомнил про них и тяжеленько. Но и это на минуту, ибо вера в Господа и утешит.

Дражайшую Маменьку обнимаю — как ее приписка в письме 13-го числа меня успокоила и утешила. Каково-то Мать наша друг и сестра после родов оправляется. Но именно прошу ее, чтоб и не думала трогаться из горницы своей не укрепясь. Про отправление наше вам можно более узнать — с нами так милостиво здесь обращались, что [...] ^a перемены на пути — впрочем, как Богу угодно [...] ^b. Батюшку прошу меня благословить ¹⁶. К брату напиши от меня дружественный поклон ¹⁷. Пусть Старкова ¹⁸ и гр[афа] Люксембурга ¹⁹ побережет ^a. Владимира друга моего и Алексея ²⁰ обнимаю равно, как и всех добрейших братьев и сестер. Исленьева ²¹ и добрую Софью Алек. со слезами благодарю за попечение о детях. Сонюшка ²², берегите Вериньку мою. Прощай друг мой — все сделай, чтоб мы увиделись до отправления — это меня утешит и подкрепит. Минуты считаю без прибавления.

По гроб друг твой

Артамон

Маменька, благословение ваше да будет со мною. Сестру обе обнимите за меня. Не думай, чтоб мы что-либо насчет отправки знали. Ей Богу, ни слова. Но думать надо, что скоро.

Вере Алексеевне Муравьевой ^г.

ИРЛИ. Ф. 605. № 2. Л. 1—1об.

^a Далее одно слово неразборчиво.

^b За этими словами следует одна строка, которая густо зачеркнута и не читается.

^a Далее следуют три строки, которые густо зачеркнуты и не читаются

^г Написано на листе, служившем конвертом.

№ 6

[26 августа 1826 г.]^а

Ангел мой божественный и добрейший друг мой Веринька. За несколько верст не доезжая Иркутска я написал к тебе сие письмо, ибо не знал, что со мною будет по прибытии туда, желал не лишиться способу известить тебя с добрейшим спутником нашим Алексеем Кузьмичем Седовым³. Во время горестного пути моего здоровье мое мне ничем не изменило. Я приписываю сие милосердию Всевышнего и неусыпной заботливости Алексея Кузьмича, который точно с братскою нежностью все делал возможное к сохранению моих сил. Видишь друг мой бесценный, что я сохраняю в точности данное мною тебе обещание беречь жизнь мою, хотя поистине она мне в тягость, также и теперь повторяю тебе то же обещание, и будь уверена, что сдержу слово мое. Солгал, если бы сказал, что спокоен и начинаю привыкать к своему несчастью. Оно такого рода, что сие невозможно. Не говоря ни слова о том, чего я лишился, я упомяну только о тебе, и добавлю, что с потерей блаженства жить с тобою и видеть тебя, совершенно исчезла всякая надежда даже на малейшее спокойствие душевное. Если за этим не предаюсь совершенному отчаянию, то обязан непоколебимой вере своей в милосердие Всевышнего и надежде, что ты меня любишь и обо мне сожалеешь, а потому может не умру, не прижав тебя и детей моих к истерзанному сердцу моему. Беспреданная молитва и единственная почти просьба к Богу состоит в том, чтоб он сохранил бы здоровье твое и ангелов наших. Пролит слезы горячие о сем, я убеждаюсь, что Создатель внимает Молению моему, и успокоясь на сей счет, получаю силы нравственные. Никогда не забываю в молитвах моих дрожайшую матушку и добрейшую мою сестру, равно как и всех, милых сердцу моему братьев и сестер. Веринька, видя [...] ^б мою о сохранении жизни, которая мне в тягость и которая никому полезна быть не может, единственно потому, что дал тебе в оном слово, приобретаю новое право просить тебя о сохранении твоего здоровья, которое не только драгоценно многим, но даже для существования трех сынов наших необходимо. Умоляю тебя также стараться развлекаться и не всегда питать горе свое, вспоминая обо мне. Для сего вспомни, что здоровье тебе и для свиданья со мною нужно. Что же со мною будет, если тебя не увижу. Полно, сил не достает о всем этом говорить. Ты по слогу моему сие видишь.

^а Письмо датировано по содержанию. Написано «за несколько верст не доезжая Иркутска». В.Л.Давыдов, из той же партии, что и А.З.Муравьев, свое письмо «за 50 верст до Иркутска» датировал 26 августа 1826 г. (Декабристы на каторге и в ссылке. 1825—1925. М., 1925. С. 20—21). В этом же сборнике С.Я.Штрайхом было опубликовано письмо А.З.Муравьева жене и сестре от 28 августа 1826 г. из Иркутска (С. 22—23).

^б Далее одно слово неразборчиво.

Тебе, друг души моей ангел Веринька, обязан я был в несчастии быть полезным несчастным товарищам своим, с которыми разделил деньги, ибо они совершенно гроша не имели, а именно Давыдову²⁴ и Якубовичу²⁵ я дал по 875 [рублей], а Оболенскому²⁶— 325. Я посылаю к тебе их расписки и прошу тебя по оным получить сии деньги. Вот Веринька и тут тебе же обязан был иметь минуты приятные, ибо помочь ближнему сладостно. Оскорбил бы тебя, если бы стал просить тебя меня в несчастии моем не забыть. Ты сделаешь все — я в этом уверен. Присылкою Гаврилы большое принесешь мне утешение. Если только будет возможность, то из Иркутска, получа уже сведение положительное на счет дальнейшего нашего отправления, или что с нами будет, я добавлю тогда сие к письму моему. Веринька, ангел мой, друг мой единственный, сохрани себя, берегись впасть в отчаяние, Бог милостив, а потому сомневаться в его помощи — преступление. Детей моих дрожайших благословляю. Да сохранит их Творец небесный в утешение драгоценной Вериньке моей. Найди способ ко мне писать. Может вам уже известно, где мы будем. Всегда драгоценны для меня были твои письма, а теперь... Прося благословение у неоцененной Матушки, умоляю ее беречь тебя. Право тяжело. Писать более не могу. Авось из Иркутска успею приписать. Веринька, прощай. Звать тебя не смею, но если льшу себя надеждою тебя обнять, то потому, что без сего бы перестал бы существовать. Братьев, сестер обнимаю. Прощай Вера, ангел мой. Никита, Саша, Левинька, обнимите Мать вашу. Забавляйте ее. Вам ее по Боге^а поручаю. Прощай друг мой.

Артамон

Сонюшка, друг мой, берегите Веру. Бог вам воздаст за дружбу вашу к нам. Если будет Гаврила, пришлите инструменты, бумаги, карандашей — словом все, чтобы чем можно бы заняться. Вам поручено сие. Вы верно все так устроите, как невозможно лучше. Сонюшка, вы обещали со мною увидеться. Я это не теряю из памяти, ибо сие отрада в горькой жизни моей.

Если Гаврила будет, пришлите между прочим ружье мое, пороху и дробу, также мои пистолеты^б.

Другу моему Вериньке
Прошу сестру поспешить доставить^в

ИРЛИ. Ф. 605. № 5. Л. 1—2.

^а Так в оригинале.

^б Написано вдоль листа сбоку на полях.

^в Письмо написано по-русски.

№ 7

[После 17 июня 1831 г.]^а

Ангел мой, обожаемая Вера, каким счастьем переполнено в эту минуту мое сердце — впервые за шесть лет я имею счастье писать тебе. И этим я опять-таки обязан кн[ягине] Волконской. Слово «счастье» вырвалось из-под моего пера на первой строке так, что я этого и не заметил. Должно быть, в этот торжественный момент, когда мне казалось, что я говорю с тобой, из сознания моего на мгновение ушла та острая боль, которую я испытываю от потери любимого моего Левушки. Это может дать тебе представление, обожаемый ангел, о степени моей любви к тебе: одно твое имя могло отвлечь меня от горя, которое я буду испытывать всю жизнь. Никогда, милая и добрая Вера, не мог я себе представить, что испытаю с тех пор, как нет больше Левушки. Это чувство для меня новое и очень тяжелое. Ты была права, говоря, что самое ужасное — это то, что нужно сказать себе: *его уже нет более на земле*. Я не смею тебя утешать — это невозможно, но я тебя заклинаю сжалиться надо мной и над теми ангелами, которые нам остались. Жить и дорожить жизнью в счастье — это свойственно всем людям, но продолжать свое существование и даже заботиться о нем в твоем положении — это жертва. И именно так ты и поступаешь, ангел Вера. Выполни свой долг с начала и до конца, каким бы тяжелым он ни был, и верь, что Господь не покинет тебя. Прости меня, что в минуты отчаянья я говорил тебе о [своем] горе, показав себя слабым и, может быть, эгоистом. Я никогда не прошу себе, что думал иногда о себе, в то время как ты, божественная Вера, непрерывно подаешь мне пример святого самоотречения. Оправданием мне не может служить и любовь к тебе — она должна была бы заставить меня подражать тебе и оберегать тебя от огорчений, которые я причинил. Поверь, что я никогда не переставал восхищаться тобой, ибо, если мне и случалось жаловаться, то были невольные крики боли от разлуки с тобой. Если уверенность в полном моем одобрении и благодарности за все, что ты делаешь, может тебя хоть сколько-нибудь успокоить, то будь в этом полностью уверена, клянусь, что это чистейшая правда, и не желание утешить тебя заставляет меня говорить это. *Как я благодарен добрейшей Сонюшке за письмо ее и описание кончины незабвенного Левиньки, хотя оно и раздирает мне сердце, но [...] переносит часто меня к кровати сего страдальца и облегчает истерзанную мою душу пролитием горьких слез. Она истинно для меня сестра.* Мне столько нужно сказать тебе, добрая Вера, что не знаю, с чего начать. Чтобы тебе угодить и в то же время выполнить желание, которое ты всегда выражала, начну с описания моего образа жизни. Я живу в № 49. Комната

^а Письмо датировано по содержанию. В нем речь идет о полученном Артамоном Захаровичем известия о смерти младшего сына Муравьевых Левушки (17 июня 1831г.).

^б Далее одно слово неразборчиво.

моя — 8 шагов в длину и 6 в ширину. Недавно нам сделали окошки, которые дают достаточно света, чтобы мог писать без свечей, что я не мог бы сделать еще три месяца тому назад. Три твоих портрета, портреты ангелов моих, сестры и образок, который она вышила, суть драгоценные украшения моей камеры; стол, три стула и кровать, на которой лежит бесценная для меня подушка твоей работы, составляют ее убранство; это описание дает тебе точное представление о моей темнице. Каждый день, кроме праздника, мы ходим на работу; не пугайся, работа не тяжелая, наоборот, она полезна для здоровья. Обед хороший, он состоит из супа и куска мяса. Свободные часы я употребляю на чтение и, чаще, на размышления. Я очень люблю мастерить; эта работа занимает руки и глаза и лишь очень редко нужна голова — и слава Богу — ибо голова моя часто бывает ни на что не годна. Вот почему ты мне очень помогла, прислав инструменты, токарный станок и картон. По вечерам я много и серьезно занимаюсь медициной, которая иногда дает мне очень и очень приятные минуты. После всего, что я сейчас тебе рассказал, поверь, что [в этом вся моя жизнь], так как варианты редки и не имеют большого значения. Чувствую я себя хорошо, если не говорить о спазмах, но уж лучше они, чем [грудная] жаба; зато я стал почти седым. Хватит^а об этом, возвращаясь к тебе, потребность в этом я чувствую все время, как говорю о себе. В каждом письме к сестре (и ты это знаешь, милый ангел, если она тебе их показывает), я ее умоляю заботиться о тебе, любить тебя, как ты этого заслуживаешь; как я был бы счастлив, если бы смог склонить ее к постоянной и неизменной дружбе с тобой. Но что делать, если, к сожалению, мне это не удалось. Она меня любит, я полагаю, но большую часть времени забывает обо мне настолько, что по году не пишет. Что до меня, то я не жалею, и если это меня огорчает, то только в отношении тебя. Господь знает, что я охотно обрек бы себя на любые лишения, лишь бы ты была хотя бы спокойна, я благословил бы эти мучения, если бы этой ценой мог купить твое счастье. Мне кажется, обожаемый ангел мой, милая Веринька, что ты недовольна, потому что тебе кажется, что чувства мои к маменьке охладели; если ты так полагаешь, то ты ошибаешься. Я всегда буду говорить, что она не только имеет право на меня обижаться, но даже и проклинать меня за то, что я послужил причиной твоего несчастья. И вместо этого мне казалось, что, наоборот, она меня любит. Я благословлял ее имя, восхищаясь ее великодушию. После приезда г-жи Розен, когда я был подавлен горем и во время несчастного нашего переселения из Читы я увидел ее доверительное письмо (к г-же Розен), которое она ей написала в момент отъезда ее из Москвы, чтобы разъяснить ей твое положение. Я признаю, что письмо это произвело на меня удручающее впечатление, положение мое показалось мне невыносимым, ибо, помимо многих неприятных вещей, я в нем увидел и несправедливость к себе. Я думал: если уж меня обвинять, то сказать можно многое, но зачем же припи-

^а С этих слов строка зачеркнута и далее весь текст до конца страницы перечеркнут.

сывать мне то, в чем я не виноват. С того времени, не смея на нее сердиться, я лишь воздерживался от напоминаний о себе, думая тем самым избавить ее от неприятностей. Мне даже приходило в голову, что она это сделала, чтобы оправдать неприезд твой ко мне. Зачем ей это было нужно? Доброта твоего дела говорит слишком сильно в твою пользу. И неужели только мое сердце, тебя обожающее, может остаться глухим? Скажи ей, уверь ее в том, что я ее люблю, уважаю. Помимо всех ее свойств, *ведь она мать обожает*^а.

ИРЛИ. Ф. 605. № 5. Л. 4—4об.

№ 8

29 августа 1835 г.

Обожаемая Вера, значит, я не увижу тебя более; неужели мне суждено умереть, не прижав тебя еще раз к сердцу? Об этом я не перестаю себя спрашивать, и это отравляет существование мое. Вот уже скоро 10 лет как длится мое несчастье, а сердечная рана так же кровоточит сейчас, как и в первый день, ибо время не может заставить меня ни забыть Веру, ни утешиться в потере ее. Поверь, несравненный друг, что говорю я это с единственным намерением — в немногих словах сообщить тебе, что я существую на этом свете. Помнишь, раньше я чувствовал себя несчастным, когда, говоря о будущем, ты мне подавала надежду приехать когда-нибудь окончить дни свои около меня. Сейчас я был бы счастлив одним этим обещанием, даже если бы оно никогда не исполнилось. Но увы, я не из числа избранных, мне предстоит испить чашу горя, полную и до дна. Пошли же мне, ради Господа нашего, что-нибудь, чем ты пользовалась, окружи меня, по крайней мере, предметами, которые тебе принадлежали, нужно быть в моем положении, чтобы представить себе, какое это приобретает значение; знаешь ли, возлюбленная Вера, что я храню даже конверты от твоих писем — лишь потому, что ты касалась их руками.

Здоровье мое плохо и, хотя я почти такой же полный, как и был, грудь у меня совсем больная; даже глаза, которые раньше никогда не болели, теперь болят и зрение ослабло.

Когда я думаю, милый и нежный друг, обо всем, что ты вытерпела и что до сих пор терпишь, я не могу избавиться от мысли, что я был причиной твоих бед, по крайней мере отчасти, и этого достаточно, чтобы я плакал кровавыми слезами, и упрек этот убивает меня совершенно. Но увы, поздние эти сожаления ничего не могут изменить. Прощай, обожаемый ангел, все перепуталось в голове моей, рыдания меня душат, не могу больше написать ни слова. Храни тебя Господь, *Веринька, друг, душа моя, бесценная моя*.

Обнимаю, благословляю тебя, ангел мой и друг бесценный Сашенька — да сохранил тебя Господь и да даст тебе на будущее время жизнь счастливую и безмя-

^а На этом письмо обрывается.

тежную; вот пречистые Молитвы Отца твоего. Пиши ко мне ради Бога почаще, письмами вашими я только и живу; ибо если бывают со мною минуты, в которые грусть разлуки с вами не так сильно меня преследует, то это тогда только, когда читаю твои письма и письма обожаемой мною твоей маменьки. Прощай друг мой, писать более не могу, обнимаю тебя мысленно и благословляю. Отец твой и друг

Ар[тамон] Муравьев

Дражайшая и добрейшая Софи, примите выражение всей моей дружбы и всей благодарности. Вы занимаете в моем сердце место среди самых близких мне людей, потому что все, что вы делаете, может делать только сестра.

Вере Алексеевне Муравьевой

ИРЛИ. Ф. 605. № 44. Л. 5—6.

Примечания

¹ У А.З. и В.А. Муравьевых было три сына: *Никита* (1820—1832), *Александр* (1821—1880) и *Лев* (1823—1831).

² В.А.Муравьева выехала вместе с детьми из местечка Любар 1 января, на следующий день после ареста мужа (31 декабря 1825 г.). 9 января 1826 г. она была в Петербурге, в доме министра финансов Е.Ф.Канкрин (Дворцовая набережная, дом № 8), жена которого — Екатерина Захаровна (урожд. Муравьева) — была сестрой Артамона Муравьева.

³ Суля по карандашной помете на листе, служившем конвертом («Зотов»), записка написана в Петропавловской крепости, вероятно, после первого допроса в Зимнем дворце. Написать короткую записку близким родственникам после ареста было позволено многим. Просьба добиться разрешения прислать «несколько книг, простыни и расческу», также свидетельствует о том, что это первое письмо из крепости.

⁴ *Канкрин* (урожд. *Муравьева*) *Екатерина Захаровна* (1795—1849) — жена министра финансов Е.Ф.Канкрин, сестра А.З.Муравьева.

⁵ *Канкрин Егор Францевич* (1774—1845) — министр финансов, муж сестры А.З.Муравьева.

⁶ *Михаил Павлович* (1798—1848) — великий князь, младший сын Павла I, генерал-инспектор по инженерной части. Председательствовал от царствующей фамилии в Следственной комиссии по делу декабристов.

⁷ *Сукин Александр Яковлевич* (1764—1837) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант; во время процесса над декабристами был комендантом Петропавловской крепости и членом Верховного уголовного суда.

⁸ Горяинов Алексей Алексеевич — брат Веры Алексеевны Муравьевой.

⁹ В следственном деле Муравьева 3-го (Артамона), командира Ахтырского гусарского полка (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 403, а также в кн.: Восстание декабристов. Т. 11. М., 1954) среди тех, кто давал показания на Артамона Муравьева (Василий Тизенгаузен, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин, В.Л.Давыдов, Сергей Трубецкой, Матвей Муравьев-Апостол, ротмистр Франк, Александр Поджио, И.С.Повало-Швейковский), нет С.Г.Волконского. Он упомянул Артамона Муравьева в своих показаниях от 7 мая 1826 г.

¹⁰ *Голенищев-Кутузов Павел Васильевич* (1772—1843) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии и член Государственного совета с 1826 г., санкт-петербургский военный губернатор в 1826—1830 гг.

¹¹ *Дибич-Забалканский Иван Иванович* (*Иоганн Карл Фридрих Антон*) (1785—1831) — с 1823 г. начальник Главного штаба и управляющий Квартирмейстерской частью. Был с Александром I в Таганроге и присутствовал при его кончине.

Информировал вступившего на престол Николая I о заговоре декабристов, руководил их арестом во 2-й армии и принимал участие в политическом процессе над ними.

¹² *Бенкендорф Александр Христофорович* (1783—1844) — в 1821 г. начальник штаба гвардейского корпуса. Представил Александру I записку о деятельности Союза благоденствия (на основе доноса М.К.Грибовского). Участник подавления восстания, затем член Следственной комиссии по делу декабристов. По его проекту был создан орган политического сыска, учрежденного 3 июля 1826 г. — III отделение Собственной его императорского величества канцелярии, начальником которого он был со дня его основания и до конца жизни.

¹³ Вероятно, имеется в виду жена Семена Филипповича Маврина — сенатора, члена Верховного уголовного суда по делу декабристов.

¹⁴ *Горяинова (урожд. Малыгина) Матрена Ивановна* (1763—1838) — мать Веры Алексеевны Муравьевой.

¹⁵ Имеется в виду *Мысловский Петр Николаевич* (1777—1846) — священник Казанского собора, которому поручено навещать в Петропавловской крепости арестованных декабристов.

¹⁶ *Муравьев Захар Матвеевич* (1759—1832) — отец А.З.Муравьева.

¹⁷ *Муравьев Александр Захарович* (1795—1842) — полковник, с 1824 г. командир Александрийского гусарского полка, брат А.З.Муравьева.

¹⁸ В письме Гордеева Афанасия Демидовича к Артамону Муравьеву от 17 декабря 1819 г. речь идет о выполненной автором письма просьбе дать отпуск рядовому Старчикову в желаемое А.З.Муравьевым время. Возможно, Старчиков и Старков — одно лицо (ИРЛИ. Ф. 605. № 8. Л. 1).

¹⁹ О ком идет речь, установить не удалось.

²⁰ *Горяиновы Владимир Алексеевич и Алексей Алексеевич* — братья В.А.Муравьевой.

²¹ *Исленьев Н.А. (Есленьев)* — полковник лейб-гвардии Преображенского полка. С марта 1826 г. — генерал-адъютант. Член Следственного комитета. Софья Алексеевна, вероятнее всего, его жена (Восстание декабристов. Т. 18. М., 1984. С. 293).

²² *Митрополова Софья Ивановна* — компаньонка Веры Алексеевны Муравьевой.

²³ *Седов Алексей Кузьмич* — фельдъегерь, сопровождавший первую партию осужденных (Е.П.Оболенский, А.И.Якубович, В.Л.Давыдов и Артамон Муравьев). В.Л. Давыдов в письме брату от 26 августа 1826 г. называет другое имя — Александр и указывает его адрес в Петербурге: «Его благородию Александру Кузьмичу Седову. Г-ну фельдъегерю. В фельдъегерском корпусе в С. Петербурге» (См.: Декабристы на каторге и в ссылке. Сборник новых материалов и статей. М., 1925. С. 20—21).

²⁴ *Давыдов Василий Львович* (1793—1855) — с 11 июля 1820 г. полковник Александрийского гусарского полка в отставке. Член Союза благоденствия (1820) и Южного общества.

РОД ДУРОВЫХ

В Москве на улице Дурова (бывшей Старой Божедомке) стоит старинный особняк, которому более 100 лет. Дом этот с 1911 г. принадлежал дворянину, титулярному советнику Владимиру Леонидовичу Дурову (1863—1934), судьба которого очень интересна. Его отец, Леонид Дмитриевич Дуров, дед и прадед происходили из московского дворянства. После ранней смерти родителей пятилетний Володя и его младший брат Анатолий были отданы на воспитание в семью крестного отца, известного в Москве адвоката Н.З.Захарова¹. В 10 лет Володю, а затем и Анатолия определяют в военную гимназию. Однако военная карьера не привлекала братьев. Еще в раннем возрасте их увлек цирк. Мальчиков завораживали выступления клоунов в ярмарочных балаганах, гимнасты и акробаты. Они мечтали быть такими же ловкими и смелыми; любили животных и пытались дрессировать их. Карманные деньги братья тратили на цирк, на гимнастические снаряды, устроив тайком от Захарова в сарае тренировочный манеж с трапезией, канатом, ходулями. Не раз Захаров упрекал и стыдил своих крестников за увлечение цирком и балаганом, считая это занятие недостойным для дворянских детей, грозил выгнать из дома, лишиться материальной поддержки, убеждал их в том, что их призвание — служить своей Родине и приносить ей посильную пользу.

Однако страсть к цирку была у братьев непреодолима. Володя был исключен из четвертого класса гимназии за то, что на экзамен по Закону божию вошел в класс на руках вверх ногами, тем самым оскорбив присутствовавших и портрет государя. Анатолия исключили еще раньше за «шумное поведение». В дальнейшем мальчики учились в частном пансионе Крестовоздвиженского, откуда не раз убежали в балаганы и продолжали мечтать о цирке.

В 16 лет Владимир был помещен в лучший московский пансион опытного педагога Д.И.Тихомирова², успешно сдал экзамен на звание учителя, служил преподавателем в Московском городском училище на Покровке, а затем некоторое время — в управе благочиния на Воскресенской площади рядом с Иверскими воротами. Но тяга к цирку, любовь к животным взяли верх, и Владимир, по его словам, стал учить не людей, а зверей. Вначале он работал вместе с братом, но антрепренер поссорил их, после чего они стали работать отдельно в различных цирках, выступая в роли акробатов и гимнастов, а затем и клоунов с дрессированными животными.

В.Л.Дуров — это русский соло-клоун, шут-сатирик. Он редко надевал шутовской колпак и называл себя «королем шутов, но не шутлом королей».

В 1887 г. Дуров в возрасте 24 лет вступил в брак с дочерью тульского мещанина 17-летней Наталией Игнатьевной Катинной. У них было трое детей: Владимир, Наталия и Евгений. Вся семья — Владимир Леонидович, его жена и дети — были внесены в списки московского дворянства.

В 1912 г. осуществилась заветная мечта В.Л.Дурова: в своем доме он, будучи уже знаменитым клоуном, открывает воспитательно-увеселительное учреждение «Уголок Дурова», в котором устраивает музей, сад для гуляний, театр «Крошка» и

¹ Захаров Н.З. — один из наиболее популярных в 70-е гг. XIX в. московских адвокатов.

² Тихомиров Д.И. (1844—1915) — известный педагог.

В.Л.Дуров. 1927 г.

Н.Ю.Дурова. 1995 г.

зверинец. В 1919 г. в «Уголке Дурова» начинает работать Практическая лаборатория по зоопсихологии для углубления и расширения замечательнейших работ В.Л.Дурова. Ученый совет лаборатории, бывшей в ведении Главного управления научными учреждениями (Главнауки) Народного комиссариата по просвещению, возглавлял сам В.Л.Дуров. В состав Совета входили известные ученые: академик В.М.Бехтерев³, академик А.В.Леонтович⁴, профессор Г.А.Кожевников⁵, профессор А.Л.Чижевский⁶ и другие. В Зоопсихологической лаборатории проводились работы по изучению влияния внешней среды на животных, использованию гипноза в дрессуре, читались лекции о психологии животных. Дуров разрабатывает свой метод безболезненной дрессировки, основанный на рефлексологии, внимательно изучает теорию условных и безусловных рефлексов академика И.П.Павлова⁷. Дрессировка животных проводится им без кнута и палки, в основе метода лежит доброта, ласка, вкусовое поощрение. Школой дрессировки Дурова пользуются и в настоящее время.

В 1927 г. в связи с 50-летием артистической деятельности Дурова ему первому из цирковых артистов было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР, его именем названа улица Москвы. До конца жизни Дуров не покидал цирковой арены и продолжал вести научную работу и выступления в «Уголке Дурова». После его смерти директором «Уголка» стала его дочь Анна Владимировна Дурова-Садовская, с 1965 г. заслуженный деятель искусств РСФСР. Этот «Уголок» сохранился до наших дней, но он вырос и теперь называется Московский театральный комплексный центр «Страна чудес дедушки Дурова». С 1978 г. возглавляет его правнучка В.Л.Дурова — Наталья Юрьевна Дурова. Она генеральный директор и художественный руководитель, народная артистка СССР и России, дрессировщица, писатель, лауреат Государственной премии СССР, академик Российской академии естественных наук и Международной академии духовного единства народов мира. С 4-летнего возраста она вместе с отцом, народным артистом СССР Ю.В.Дуровым, начала работать на арене цирка с животными и до сих пор продолжает традиции В.Л.Дурова. По ее инициативе на базе старого зоомузея возник новый мемориальный музей В.Л.Дурова и династии Дуровых, в котором проводится работа по изучению рода Дуровых. Исследованы документы архивов и библиотек Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Елабуги личный архив В.Л.Дурова.

Род Дуровых известен с XV в. О нем упоминается в книгах исследователей Ю.Воейкова, А.Бобринского, А.Юшкова, П.Петрова, в Общих гербовниках дворянских родов и других документах. В «Российской родословной книге» имеются

³ Бехтерев В.М. (1857—1927) — невролог, психиатр, психолог. Основатель рефлексологии. Организатор и руководитель Психоневрологического института и Института по изучению мозга и психической деятельности.

⁴ Леонтович А.В. (1869—1943) — физиолог, энергестолог, действительный член Академии наук Украины. Профессор Московского сельскохозяйственного института.

⁵ Кожевников Г.А. (1866—1933) — зоолог. В 1888 г. окончил Московский университет, с 1904 г. там же профессор и директор Зоологического музея.

⁶ Чижевский А.Л. (1897—1964) — биофизик, один из основоположников геолобиологии.

⁷ Павлов И.П. (1849—1936) — физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности. Его исследования физиологии высшей нервной деятельности сыграли большую роль в развитии физиологии, медицины, психологии и педагогики.

сведения о наиболее известных представителях этого рода⁸. Более пятнадцати Дуровых похоронены в Троицкой Сергиевой лавре в 1545—1578 г.⁹ Знаменитые Дуровы были и среди женщин. Прасковья Александровна Дурова (Палладия) была игуменьей в тамбовском Воскресенском монастыре, а потом в московском Новодевичьем монастыре (с 1773 по 1794 г.)¹⁰. В начале XIX в. прославилась кавалерист-девица Надежда Андреевна Дурова¹¹.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона приводятся о Дуровых следующие сведения: «Дуровы — русские дворянские роды. Первый из них происходит от новгородца Дементия Ивановича Дурова, переведенного из Новгорода в Московскую область в 1478 году»¹². В Бархатной книге есть запись: «Дуровы. Из Новгородцев. Родословная их под № 221»¹³. Но имеет ли отношение В.Л.Дуров к этой старинной фамилии? Да, имеет. В Российской государственной библиотеке хранится «Алфавитный список дворянских родов» московского дворянства¹⁴, в котором указаны фамилии отца В.Л.Дурова титулярного советника Леонида Дмитриевича Дурова, его деда — коллежского секретаря Дмитрия Ивановича Дурова, прадеда — надворного советника Ивана Дмитриевича Дурова и прапрадеда капитан-лейтенанта флота Дмитрия Елисеевича Дурова¹⁵.

Публикуемые документы о роде Дуровых выявлены в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). В док. № 1 сообщается, что Дуровы записаны в боярской книге в 1692 г. и перечисляются найденные имена их с указанием, «в каких чинах состоят и какими окладами верстаны». Из док. № 2 следует, что родословная роспись Дуровых была подана в разрядный приказ их предками в 1686 г. Начинается она с имени Дементия Ивановича Дурова — одного из тех семи тысяч новгородцев, которые были переведены Иваном III на службу в Москву

⁸ См.: Долгоруков П. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. IV. С. 398—399.

⁹ См.: Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880.

¹⁰ См.: Воейков Ю. Историческое родословие благородных дворян Кропотовых и Дуровых. М., 1792.

¹¹ Дурова Н.А. (1783—1866) — дочь А.В.Дурова, гусарского ротмистра. В 1806 г., переодевшись в мужское платье, на любимой лошади Алкиде бежала из дома, выдав себя за помещичьего сына Александра Дурова, поступила в коннопольский уланский полк. Участвовала в войне 1812 г., отличалась храбростью, была ординарцем М.И.Кутузова. Награждена Георгиевским крестом. С 1816 г. в отставке, занималась литературной деятельностью. Ее воспоминания «Записки кавалерист-девицы» печатались в 1836 г. в журнале «Современник» с предисловием А.С.Пушкина.

¹² Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А.—Эфрона И.А. СПб., 1890. Т. 21. С. 123—125.

¹³ Бархатная книга. Родословная князей и дворян Российских и выезджих. М., 1787. Ч. 2. Указ о начале работ по составлению родословных книг был принят в январе 1682 г. Служилые люди должны были приносить в Разрядный приказ родословные росписи и документы, подтверждающие служебное положение предков. Эти росписи дворянских фамилий представлялись в Палату родословных дел, итогом этой работы стало составление «Бархатной книги».

¹⁴ См.: Московское дворянство. Алфавитный список дворянских родов. М., 1832. С. 142.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 461а. Л. 3.

в 1478 г. Это событие отражено в Степенной Книге 1490 г. 70-е гг. XV в. были временем становления Русского государства. В 1471 г. под руководством Великого князя Московского Иоанна Васильевича (будущего государя всея Руси Ивана III) был побежден и присоединен к Московскому княжеству Господин Великий Новгород. В росписи указывается, что Дементий Иванович имел трех сыновей: Михаила, Федора и Герасима, от каждого из которых идут обширные ветви их потомков. Называются только мужские имена, их в росписи около ста. В конце ветви Федора Дементьевича находим имя Елисей. С этим именем мы уже встречались: сын Елисея Дмитрий — капитан-лейтенант флота числится в списке московского дворянства и является прапрадедом Владимира Леонидовича Дурова.

Таким образом, публикуемые документы подтверждают, что В.Л.Дуров и его потомки действительно происходят из старинного дворянского рода. На протяжении более пяти столетий служили Российскому государству, жалованы грамотами и поместьями, были воеводами, храбрыми защитниками Родины. Из девизом было: «Служение отечеству».

Продолжается род Дуровых и в наши дни. Многие его представители не менее знамениты, чем их предки.

Автор публикации выражает благодарность заведующей архивохранилищем РГАДА Е.Е.Лыковой за помощь в транскрипции документов XVII—XVIII вв.

Публикацию подготовила Л.С.ЗБАРСКАЯ.

№ 1

Дело по запросу Дуровых, поданному в Московский разрядно-сенатский архив о выявлении документов по истории их рода

Ноября 23 дня 1755 г.

Правительствующаго Сената канторы к герольдмейстерским делам из Розрядного архива справясь, под сим подписать по Москве и по городам Рословлю, и Брянску фамилии Дуровых, кто имяны написаны и в каких чинах состоят и какими окладами верстаны. И буде по спискам окажутся в городовых по выбору или по дворовому, то в заглавии в тех списках как точно показано тако ж и с поданной в Розряд оной фамилии родословной росписи сообщить пре сем точную копию ноября 20 дня 1755 года. А по справке в Розрядном архиве фамилии Дуровых написаны в боярской книге 7200 [1692]^a году: в стольниках¹ Лука Иванов сын — окладу ему не написано; Тимофей Якимов сын — оклад ему с придачами тысяча чети², денег стопятьдесят девять рублей; Микифор Микитин сын — окладу ему не написано; Афонасий Иванов сын — оклад ему с придачами девятсот тритцать чети, денег шестьдесят пять рублей; Алексей Иванов сын Дуров — окладу не написано; Семен Абросимов сын — оклад тысяча чети, денег сто пятнатцать рублей; Семен Михайлов сын — оклад ему с придачами тысяча чети, денег семдесят два рубли; в стряпчих³ Семен Михайлов сын, Алексей Степанов сын во дворянх, Иван Иванов сын — окладов оным не написано. В списке [7]177 [1669] года в возглавии написано: Список северских городов

^a Здесь и далее в квадратных скобках указаны даты по юлианскому календарю.

дворян и детей боярских брянчан, стародубов, почепцов, рословцов, трубчан, которые служат по Брянску; стародубцов, рословцов, которые в Севску, Нова городка северского, черниговцов, которые в Рыльску [...]а рылян, Нова ж городка северского белопомесных и рыльских помесных и полковых казаков, путивльцов, черниговцов, которые в Путивле и путивльских помесных и беспомесных и верстанных и полковых казаков: недрыгаловцов, каменавцов с помесными и з денежными оклады. В том числе по Брянску фамилии Дуровых написаны в городских с неверстанными — Митрофан Павлов сын да в том же списку написаны рословцы, серпейские помещики и вотчинники служат з брянчаны, в том числе в городских с неверстанными — Алексей Павлов сын Дуров, а ис каких чинов оные в городские писаны, того не показано, а с поданной в Розряд родословной росписи фамилии Дуровых пре сем сообщается точная копия.

РГАДА. Ф. 388. Канцелярия Московского разрядно-сенатского архива. Кн. 770. Л. 360—362. Рукопись. Подлинник.

№ 2

Родословная роспись Дуровых, поданная в Разрядный приказ в XVII в. и выявленная по запросу их потомков в 1755 г.

Род Дуровых

7194 [1686] июня 8 день

Во днех великого князя Иоанна Васильевича всеа Руси⁴ 6986 [1478] году как где Бог поручил Великий Новгород, ему, великому князю Иоанну Васильевичю, всеа Руси, и он, великий князь, взял из Великова Нова города новгородских родов семь тысяч человек. И в тех числах взял в Москву Дементья Ивановича Дурова и служил [он] по Москве. И тому взятыю, как переведены Новгородцы в розные города, свидетельствует Степенная Книга 6998 [1490] году. А у него Дементья Ивановича детей: Михайла да Федор, да Герасим и служили по Москве. И великий князь Василий Иванович⁵ всеа Руси испоместил их — Михайла на Кошире, а Федора да Герасима на Туле, а у Михайла было детей Илья да Дементей, а прозвище Ратман. А у Герасима детей: Никифор. А у Федора Болшова детей: Василий да Иван. Иван служил при царе и великом князе Иване Васильевиче⁶ всеа Руси в житье, а у Василья сын Степан, а прозвище Хабар, а служил по Москве и написан в дворовой книге 7045 [1537] году. А у Дементия Михайловича, что прозвище Ратман детей: Федор да Фока. И Федор служил при царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси⁷ в житье и был, он Федор Дементьевич, при царе и великом князе Василье Ивановиче всеа Руси в Пошехонье воеводою⁸, и таму свидетельствует с Москвы в Пошехонье грамота от митрополита Кирила Ростовского ото властей и от бояр и от окольничих,

^a Слово неразборчиво.

*Гербы года
Дуровыхъ.*

Въ щитѣ, имѣющемъ золотое поле изображенъ летящій черный орловъ-главый орелъ, который держитъ носомъ за голову, а лапами за среднюю змѣю съ красными крыльями, обернутаго въ правую сторону. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною съ строусовыми перьями. Наметь на щитѣ золотой, подложенный голубымъ. Щитъ держатъ два льва.

и от выборных людей. А та грамота за руками властелинскими и бояр и окольничьих, и думных дьяков, и всякого чину выборных людей. А Фока Дементьевич был испомещен на Романове, а у него был сын Иван и умре бездетен. А у Федора Дементьевича детей: Роман и умре бездетен. А у Ильи Михайловича детей: Давыд, а у Давыда Ильича детей: Федор да Юрья, да Алексей, да Федор Меншой. А у Ивана Федоровича детей: Петр да Савелей. И Савелей умре бездетен. И был он Петр Иванович при царе и великом князе Михайле Федоровиче всеа Руси⁹ на Деделове воеводою и таму свидетельствует Разряд. А у Никифора Герасимовича детей: Андрей да Иван. А у Андрея Никифоровича детей: Тимофей да Аким. И Тимофей умре бездетен. А у Ивана Никифоровича детей: Аникей да Никита померли бездетны. А у Петра Ивановича детей: Юрья да Павел, да Олексей, да Иван, да Тимофей. А у Федора Давыдовича Большова детей: Логвин да Обросим. И Обросим убит на службе Великова государя под Конотопом. А у Юрья Петровича детей: Ларион да Алексей, да Иван, да Аким, да Радион, да Иван Меншой, да Савелий. И Родион был взят в полон и был в полону десять лет. А Савелей был при государе царе и великом князе Алексее Михайловиче всеа Великия и Малыя и Белья Росии¹⁰ самодержце во [7]164-м [1656] году в Севске воеводою и таму свидетельствует наказ. А у Акима Андреевича детей: Тимофей, и ныне служит великим государем в стольниках, и был воеводою в Ольшанске, и тому свидетельствует наказ. Да он же, Тимофей был посылан ис Приказу Сыскных дел для татинных и разбойных дел в три города: в Землянской, на Усерд, в Ольшанской и тому свидетельствует наказ. А у Тимофея Акимовича детей: Яков да Алексей. А Юрья Давыдовича детей: Тимофей, да Семен, да Исая. И Семен убит на службе под Шкловым. А у Обросима Федоровича детей: Семен. А у Алексея Давыдовича детей: Епифан да Григорей, да Иван, да Михайло, да Федор. И Григорей убит на службе под Чигириным. А у Логвина Федоровича детей: Костентин да Павел. А у Федора Давыдовича Меншова детей: Нефедей да Олексей, да Иван, да Ратман, да Андрей. И Иван взят на службе великова государя з боярином Васильем Борисовичем Шереметевым¹¹ в полон и ныне в полону. А Петра Ивановича сын Иван убит на службе на бое под Конотопом. А у Акима Юрьевича детей: Михайло и служил великому государю царю и великому князю Федору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии¹² самодержцу в стряпчих. А у Михайло Акимовича сын Семен и служит великим государем в стряпчих. А у Савы Юрьевича детей: Борис да Григорий да Иван, да Елисей, да Карп, да Федот. А у Тимофея Юрьевича детей: Василей да Лазарь. А у Исая Юрьевича детей: Тимофей да Петр. А у Костентина Логвинова сына детей: Лука да Мина. А у Павла Логвинова сына детей: Ульян да Олексей, да Иван. А у Григорья Алексеева сына детей: Федосей. А у Нефедья Федорова сына детей: Игнатей да Обросим. А у Алексея Федорова сына детей: Савостьян да Иван, да Захарей, да Дорофей. А у Ратмана Федорова сына детей: Григорей да Тимофей, да Семен. А которые были великих князей и великих государей царей жалованные грамоты за службы даны родственником нашим, те жалован-

ные грамоты у родственников наших в Московское розаренье, как была Москва за поляки и разорена от Польши, и от татар и в то время у родственников наших те жалованные грамоты пропали. А служили родственники наши старые, которые все росписи написаны, а оприченно тех, которые служили по Москве, и те служили по Туле и по Кашире, что написано в сей росписи, выше сего опричь тех городов нигде нет.

К подлинной родовой росписи Тимофей Акимов сын, Тимофей Юрьев сын и вместо братьев своих Исая Юрьева сына да Нефедия, да Ратмана Федоровых детей и вместо племянников своих Савостьяна да Ивана, да Захарья, да Дорофея Алексеевых детей по их велению, Семен Обросимов сын и вместо дядьев своих Ивана да Михайло, да Федора Алексеевых детей и вместо брата своего Логвинова сына по их велению Яков Тимофеев сын, и вместо племянников своих Луки да Мины по их велению Семен Дуров, и вместо дядьев своих Ивана да Елисея, да Карпа, да Федота по их велению руки приложили

РГАДА. Ф. 388. Канцелярия Московского разрядно-сенатского архива. Кн. 770. Л. 360—365об. Рукопись. Подлинник.

Примечания

¹ Стольник — старинный русский дворцовый чин, известный с XIII в. При перечислении «служилых людей» стольники занимали пятое место после бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков, перед стряпчими. Чин существовал до конца XVII в.

² Чети — четверти.

³ Стряпчий — дворцовый слуга, придворный чин, следующий за стольником.

⁴ *Иоанн III Васильевич* (1440—1505) — великий князь московский с 1462 г.

⁵ *Василий Иванович (Василий III)* (1479—1533) — великий князь московский с 1505 г.

⁶ *Иван IV Васильевич (Грозный)* (1530—1584) — великий князь «всея Руси» с 1533 г., первый русский царь с 1547 г.

⁷ *Федор Иоаннович* (1557—1598) — последний из династии Рюриковичей, правил с 1584 г.

⁸ Воевода — военачальник. В Российском государстве — во главе полка, отряда (конец XV — начало XVIII в.), города (середина XVI в. — 1775 г.), провинции — с 1719 по 1775 г.

⁹ *Михаил Федорович Романов* (1596—1645) — первый царь (с 1613 г.) из рода Романовых.

¹⁰ *Алексей Михайлович* (1629—1676) — царь с 1645 г.

¹¹ *Шереметев В.Б.* (1622—1682) — боярин, фельдмаршал.

¹² *Федор Алексеевич* (1661—1682) — царь с 1676 г.

Историк и время. 20—50-е годы XX века. А.М.Панкратова.
 М.: Издательство РУДН и издательство «Мосгорархив», 2000. 360 с.

Заметным событием в историографии последнего времени стала публикация книги «Историк и время», приуроченная к 100-летию со дня рождения Анны Михайловны Панкратовой (1897—1957). Академик А.М.Панкратова является ярким воплощением целой эпохи в истории отечественной исторической науки, эпохи, вобравшей в себя как несомненные успехи и достижения, так и своего рода анемию науки, ее подчинение идеологическим схемам. То было время *жесткое* и *жесткое* по отношению к историкам. Ко всем, но особенно к тем из них, предмет научных интересов которых был «на острие идеологической борьбы». Именно такая тема была основной в творчестве А.М.Панкратовой — история отечественного рабочего движения. Наверное, еще и поэтому вся противоречивость *времени* так сфокусировалась в творчестве этого историка, что превращает книгу о конкретном человеке в своеобразный ключ для осмысления эпохи, которую также тяжело понять, как легко «заклеймить».

В состав редколлегии сборника вошли известные ученые — академик РАН Ю.С.Кукушкин (отв. редактор), доктор исторических наук Ю.И.Кирьянов (зам. отв. редактора), доктор исторических наук, профессор Л.С.Юдина (зам. отв. редактора), кандидат исторических наук Ю.А.Мошков, доктор социологических наук М.Г.Панкратова, кандидат исторических наук Л.А.Сидорова, кандидат исторических наук Л.В.Бада. Сборник состоит из семи разделов: жизнь и деятельность. Научное наследие; воспоминания и дневниковые записи; отзывы и рецензии А.М.Панкратовой; документы и материалы; переписка; библиография; вспомогательные указатели.

Первый раздел представляет собой статьи современных историков о творчестве А.М.Панкратовой, о сегодняшнем уровне и состоянии изученности проблем, которые были в центре внимания Анны Михайловны¹. В ряде статей в научный оборот вводятся многочисленные архивные документы, ранее не привлекавшие внимания историков. Так, хотелось бы отметить статью доктора исторических наук Н.В.Поляковой «Научная и педагогическая деятельность А.М.Панкратовой в профессиональном движении», в которой цитируются документы из фонда Высшей школы профдвижения (ВШПД), где с 1927 г. преподавала и возглавляла учебную часть Анна Михайловна². Основную же часть книги (2—5 разделы) составляют документы и материалы, многие из которых публикуются впервые и представляют несомненный интерес для историков. Сборник снабжен качественным именным указателем, указателем учреждений и организаций, географическим указателем.

В разделе «Воспоминания и дневниковые записи» опубликованы воспоминания учениц А.М.Панкратовой — С.И.Антоновой, Т.Д.Крупиной, Л.В.Максаковой; работавшей под началом Анны Михайловны в ВШПД А.Бессоновой; воспоминания

¹ Отдельные статьи в данном разделе, по существу, также являются публикациями документов. Так, здесь опубликован фрагмент из рукописи книги «Изучение истории рабочего класса России: центры, кадры, проблемы (1917 — середина 1930-х годов)» безвременно ушедшей из жизни Т.А.Игнатенко (1932—1992). К сожалению, составители сборника не указали местонахождения рукописи.

² ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 11, 12. Остается только сожалеть, что некоторые цитируемые Н.В.Поляковой документы, имеющие принципиальный характер (например, учебные планы и программы), не вошли в документальную часть сборника.

историков А.Л.Сидорова, Л.А.Дербова, Е.И.Дружининой, Н.Е.Бекмахановой; фрагменты дневника С.С.Дмитриева. Материалы дополняют друг друга, проникновенно и искренне раскрывают педагогические, научные и человеческие качества Панкратовой, показывают ее на различных этапах жизненного и творческого пути, в том числе в периоды работы в Саратове и Алма-Ате. К сожалению, не ко всем публикуемым документам дано указание о их местонахождении, не везде приведена информация об авторе воспоминаний. В примечании к публикации воспоминаний Е.И.Дружининой указано, что они были написаны в 1973 г. «по просьбе Л.В.Бадя, работавшей над диссертацией об А.М.Панкратовой». Между тем, не указано, что практически дословно воспоминания были опубликованы в 1977 г. к 80-летию со дня рождения А.М.Панкратовой в журнале «Вопросы истории»³. Был ли смысл воспроизводить воспоминания по «черновому» варианту, когда самим автором опубликован выверенный текст со сносками и примечаниями? В частности, в опубликованном в сборнике тексте сказано, что первая встреча Е.И.Дружининой с А.М.Панкратовой произошла в 1944 г., когда автор работала «в Министерстве государственной безопасности». В публикации 1977 г. слово министерство совершенно справедливо исправлено на наркомат. В чем был смысл воспроизведения допущенных шероховатостей в первоначальном варианте воспоминаний? Считаю, что было бы правильнее включить в сборник в полном объеме воспоминания Н.М.Дружинина и Е.И.Дружининой по журнальной публикации.

В последнее время внимание исследователей привлекают личные дневники. Не предназначавшиеся для печати, они зачастую фиксируют пласт информации и оценок, которые не отражены в других источниках. В этом отношении крайне интересны фрагменты дневника профессора МГУ С.С.Дмитриева о А.М.Панкратовой. Чего стоит, например, такая запись от 21 февраля 1957 г.: «Вечером был в заседании в Институте истории, посвященном 60-летию со дня рождения А.М.Панкратовой... Настроение было праздничное. Чувствовалось неподдельное благорасположение к юбиляру. Панкратову действительно нельзя не любить за простоту, отзывчивость и подвижность. Женщина она добрая и доступная, вполне лишенная академической фанаберии. Конечно, прежде всего она общественно-просветительский деятель, ее достижения как ученого-историка куда более скромны. Тем не менее, есть и они. Сборники «История пролетариата СССР» и публикация источников «Рабочее движение в России в XIX веке» долго будут полезны» (С. 174—175). Кстати говоря, публикация фрагментов дневника С.С.Дмитриева (подготовили к печати И.С.Дмитриев и Р.Г.Эймонтова) выполнена качественно, с соответствующей «легендой» документа, примечаниями, отсылкой к полной публикации⁴.

В третьем разделе сборника опубликованы отзывы А.М.Панкратовой на диссертации Б.С.Итенберга «Южно-российский союз рабочих» — первая пролетарская организация России» (1950 г.), К.З.Фитермана «Профессиональные союзы Туркестана в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции» (1954 г.), Г.П.Башарина «История аграрных отношений в Якутии с 60-х годов XVIII до середины XIX в.» (1954 г.), а также рецензия на спектакль «Пролог» А.Штейна, поставленный в 1955 г. в театре им. М.Ермоловой. Все документы — машинописные копии из личного архива М.Г.Панкратовой.

³ См.: Дружинин Н.М., Дружинина Е.И. Историк-борец (К 80-летию со дня рождения академика А.М.Панкратовой) // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 104—114.

⁴ См.: Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. №№ 3—6; 2000. №№ 1—3.

Четвертый раздел сборника «Документы и материалы» — наиболее интересный и содержательный. В выявлении и подготовке материалов к публикации в данном разделе принимали участие Л.В.Баля, Г.Д.Бурдей, А.Ф.Ворончихин, Е.И.Демешина, Н.С.Зелов, Ю.И.Кириянов, А.А.Кац, В.В.Никанорова, В.В.Поликарпов, С.И.Потолов. В разделе представлены документы ГА РФ, Отдела рукописей РГБ, Архива Саратовского госуниверситета, Архива МГУ, Государственного центрального музея современной истории России (ГЦМСИР), РГАСПИ, Центрального архива общественных движений Москвы, Архива РАН, Государственного архива Свердловской области, Центра документации новейшей истории Саратовской области, личного архива М.Г.Панкратовой, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки («Дом Плеханова»), РГАНИ, Музея политической истории России.

Открывают раздел автобиографии А.М.Панкратовой, подготовленные в 1928, 1929, 1937 и 1949 гг. Уже на примере этих коротких документов ощущается изменение обстановки вокруг автора, в целом в обществе. В первой автобиографии 1928 г. читаем: «С 1914 г. познакомилась с теорией и практикой революционного движения, вошла в организацию революционного студенчества г.Одессы, находившуюся под влиянием партии соц[иалистов]-рев[олюционеров], что обусловило мои народнические симпатии до революции, а затем и вступление в партию с[оциалистов]-р[еволюционеров] в 1917 г...» (С. 190). В автобиографии 1929 г.: «С марта 1917 г. по 1918 г. примыкала к одесской группе левых с[оциалистов]-р[еволюционеров], хотя (по условиям работы в деревне) в организации не состояла» (С. 191). В автобиографии 1937 г.: «В 1917 г. с группой студентов по заданию Одесского Совета работала ... по организации Советов, земел[ьных] комит[етов] и т.п. Одновременно вела политико-культ[урно]-просвет[ительскую] работу в деревнях» (С. 193). Автобиография 1937 г. заканчивается весьма показательными словами, позволяющими почувствовать атмосферу времени, в котором приходилось работать историку: «В августе—сентябре 1936 г. была исключена на год из партии за отсутствие бдительности, т.к. близко работала и давно знала многих историков, оказавшихся троцкистскими контрреволюционными двурушниками. Ком[иссия] парт[ийного] контроля послала меня в Саратов для того, чтобы своей работой и более тесной связью с массами я могла вернуть доверие партии и восстановиться в рядах ВКП(б), что я и ставлю сейчас задачей моей жизни. В настоящее время работаю профессором историч[еского] ф[акультета] Саратовского госуниверситета» (С. 194). Как контрастирует с этим фрагментом пункт протокола заседания бюро коммунистов Института красной профессуры от 19 марта 1923 г.: «Слушали: II. Об организации дискуссионных «четвергов» при клубе ИКП (Доклад т. Панкратовой)» (С. 197).

Человеческие качества делали А.М.Панкратову сопричастной судьбам людей, с которыми ей приходилось работать. Будучи непримиримой, когда дело касалось, как ей представлялось, теоретических основ марксизма, она готова была всегда заступиться за человека, стремилась убедить, склонить на свою сторону. И таких людей было немало. Один из них — В.Я.Яроцкий (А.Чекин), работник аппарата ВЦСПС, преподаватель ВШПД, автор многочисленных работ по истории профдвижения⁵. Взгляды Яроцкого на происхождение профессиональных союзов в России расходились с точкой зрения, разделявшейся А.М.Панкратовой (она утверждала, что профсоюзы родились в ходе революционного движения пролетариата в 1905 г.; Яроцкий искал истоки профсоюзов в экономической борьбе рабочих, в раз-

⁵ См.: Чекин А. (Яроцкий В.). Происхождение и развитие профессионального движения в России. М.—Л., 1926; он же. Учение о профессиональном движении. М.—Л., 1926 и др.

личного рода легальных кассах и обществах взаимопомощи)⁶. В сборнике опубликован интересный и очень показательный документ, связанный с именем Яроцкого. В ходе «чистки» ВШПД он, естественно, оказался в числе «вычищаемых». За него заступилась Панкратова, являвшаяся в то время заведующим учебным отделом ВШПД. Последовало соответствующее заявление секретаря ячейки ИКП А.Гамбарова о правом уклонизме Панкратовой. Однако на этот раз ей повезло. Вот выдержка из протокола заседания парттройки ЦКК и НК РКИ от 5 декабря 1930 г.: «Постановили: 1. Считать, что партийное поведение тов. Панкратовой за время ее работы в школе профсоюзного движения ВЦСПС не дает никаких оснований для опорочивания ее и для политических оргвыводов в связи с ее отношением к т. Яроцкому, так как защита т. Яроцкого во время чистки отнюдь не носила со стороны т. Панкратовой характера защиты ошибок т. Яроцкого, а направлена была на то, чтобы доказать необходимость оставления в рядах партии т. Яроцкого, несмотря на его ошибки, против которых т. Панкратова открыто выступала... 3. Предложить цехбюро ячейки исторического отделения ИКП обеспечить товарищеское отношение к т. Панкратовой, создать товарищескую обстановку для ее работы, так как политическая линия т. Панкратовой не вызывает никаких сомнений» (С. 199).

Еще одна мысль на тему *времени* возникает в связи публикуемыми в сборнике документами. Обратим внимание, что инициатор обвинений в адрес Панкратовой не вышестоящие партийные органы, а ячейка ИКП. Вот строки из заявления П.О.Горина в Секретариат ЦК: «В течение ряда месяцев со стороны ряда работников исторического отделения ИКП, во главе с секретарем ячейки тов. Гамбаровым, т. Панкратова, ученый секретарь Общества историков-марксистов ложно обвинялась в правом уклоне. Травля достигла таких размеров, что тов. Панкратова нервно заболела и была отправлена в санаторий. Только вмешательство со стороны ЦК ВКП(б) положило конец этой гнусной травле т. Панкратовой, и ее «дело», лежавшее долгое время без движения в ЦКК, было, наконец, разобрано и она была реабилитирована» (С. 201).

С другой стороны, «импульс сверху» — письмо И.В.Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931 г.) — явился серьезным «катализатором» процесса утверждения историков «на марксистско-ленинских позициях». На эту тему в сборнике опубликован целый ряд документов (С. 203—206). Активным участником этого процесса выступала А.М.Панкратова. Вне всяких сомнений, что одним из толчков к наступлению на реальные и мнимые ошибки историков, вышедших из среды меньшевиков, из среды профессионального движения, послужил судебный процесс 1931 г. по делу так называемого меньшевистского контрреволюционного центра.

В том же году состоялась дискуссия по проблемам профдвижения. Она была организована секциями истории пролетариата СССР Общества историков-марксистов и Института истории Комкадемии совместно с ВШПД, профотделением ИКП. «Меньшевистские» подходы и установки критиковались на протяжении восьми заседаний. Тезисы основного доклада Е.Милыштейна были опубликованы в газете «Труд». Основной удар пришелся на работы В.П.Гриневича, П.Н.Колокольникова, Яроцкого. Одновременно критиковалось и руководство Истпрофа, к этому времени уже прекратившего существование (Ю.К.Милонов), и М.П.Томский. По существу, речь шла о полной ликвидации целой историко-профсоюзной школы, сформировавшейся в течение 20-х гг. вокруг Истпрофа и

⁶ Подробнее см.: Игнатенко Т.А. Утверждение ленинской концепции истории профессионального рабочего движения в революции 1905—1907 гг. (20-е — начало 30-х годов) // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. Сборник статей. М., 1978. С. 62.

ВЦСПС. Ее фактический лидер Ю.К.Милонов переключился на далекие от политики темы и никогда больше не занимался историей профдвижения⁷. А.М.Панкратова не была на первых ролях в ходе дискуссии, однако была в числе подписавших статью, подводящую ее итоги⁸.

«Победа» марксистско-ленинского направления в исторической науке, олицетворявшаяся тогда в лице М.Н.Покровского, привела ее, по существу, на край гибели. Можно по-разному относиться к тому, что А.М.Панкратова выступила против своего учителя — М.Н.Покровского. Но какой болью и обидой за судьбу исторической науки проникнуто ее выступление на закрытом партсобрании ИКП истории 3 февраля 1936 г., опубликованное в рецензируемом сборнике (С. 206—211). Если кому-то и невозможно принять ее позицию в отношении М.Н.Покровского, то, во всяком случае, это выступление позволяет *понять* ее. Подход к истории, как к «политике, обращенной в прошлое», сложившийся под влиянием М.Н.Покровского, привел к тому, говорила в своем выступлении А.М.Панкратова, что «мы вообще оказались в позиции *ликвидаторов исторической науки*», стали изучать «по преимуществу *историю последних десятилетий*», в университетах были ликвидированы исторические факультеты, прекратилась подготовка историков по древней истории и истории средних веков. «Классовые отношения, которые определяли *сегодняшний день*, мы перенесли *схематически на вчерашний день*, а условия *вчерашнего дня* мы в значительной степени *аналогизировали с сегодняшним днем*» (С. 208—209). Панкратова ставила задачу, по существу, возрождения исторической науки, ибо без этого она считала невозможной решение стоявшей перед историками задачи — написание новых учебников. В сложившемся положении виноват был не один М.Н.Покровский. Здесь мы опять сталкиваемся со *временем* и определенной атмосферой, им создаваемой. Соответствующие явления мы наблюдаем в то время буквально во всех областях науки и общественной жизни. А что касается *персонализации* ошибок, то это в чем-то особенность нашего менталитета, помноженная на *дух времени*.

Вскоре выяснилось, что ряд историков Института истории Комкадемии (в частности, П.А.Анатольев, активно «громивший» в 1931 г. «истпрофовское» направление⁹), оказались «двурушнической контрреволюционной группой». На заседании парткома ИКП истории А.М.Панкратовой было вынесено партийное взыскание (постановка на вид) за то, что в 1935 г., когда она работала редактором журнала «История пролетариата СССР», «притупила классовую бдительность» и сотрудничала с контрреволюционерами. На заседании парткома ИКП истории 19 мая 1936 г. взыскание было снято (С. 211). Однако вскоре Анна Михайловна была исключена из партии «за гнилой либерализм» (С. 212) и «сослана» профессором кафедры истории в Саратовский госуниверситет.

Целый ряд документов сборника раскрывают саратовский период жизни и работы А.М.Панкратовой. Среди них — приказы о ее назначениях, текст ее выступления 8 марта 1939 г. «Мой путь в науку», сообразительства, статья студента Н.Пузанова «Молодые кафедры университета. Замечательный коллектив. Кафедра истории народов СССР» из газеты «Сталинец» (1939 г.). Ощущаешь *время*, когда читаешь заключительное слово А.М.Панкратовой «Сталин и историческая наука»

⁷ Подробнее см.: Горелов О.И. Цугцванг Михаила Томского. М., 2000. С. 247—250.

⁸ В числе подписавших статью, кроме А.М.Панкратовой, были П.Анатольев, П.Лепешинский, Е.Мильтштейн. Материалы дискуссии были опубликованы в сборнике «За марксистско-ленинскую историю профдвижения» (М., 1932).

⁹ См.: За марксистско-ленинскую историю профдвижения. С. 70 и др.

(17 декабря 1939 г.) на заседании Ученого совета Института истории АН СССР, время «Краткого курса», здравий в честь Сталина, пустословия и лозунгов. Не миновала чаша сия и Панкратову (С. 217—220). Здесь же опубликованы документы об окончании саратовской «ссылки», возвращении в Москву в качестве заместителя директора Института истории АН СССР. Выписка из протокола заседания Президиума АН СССР от 20 апреля 1940 г. об утверждении А.М.Панкратовой в этой должности подписана О.Ю.Шмидтом (С. 221).

Весьма интересна подборка документов, освещающих деятельность А.М.Панкратовой в годы Великой Отечественной войны. В ту пору она резко и даже агрессивно выступила против настроений некоторых историков (в частности, А.В.Ефимова) «смягчить» борьбу с буржуазной идеологией в условиях войны в едином фронте с Англией и США — буржуазными государствами. С этими тенденциями, писала А.М.Панкратова А.А.Жданову в феврале 1944 г., «нельзя согласиться, ибо в основе их лежит полный отказ от марксизма-ленинизма и протаскивание — под флагом патриотизма — самых реакционных и отсталых теорий, уступок всякого рода кадетским и еще более устарелым и реакционным представлениям и оценкам в области истории, отказа от классового подхода к вопросам истории, замены классового принципа в общественном развитии национальным, реабилитация идеализма, панславизма и т.п.» (С. 223). Письма А.М.Панкратовой на эту тему охватывают период 1942—1944 гг.

Первые послевоенные годы представлены в сборнике фрагментом стенограммы заседания Ученого совета Института истории АН СССР, посвященного 50-летию А.М.Панкратовой (1947 г.), ее отчетами о научной работе. Показательно коллективное письмо, подписанное А.М.Панкратовой, Н.М.Дружининым, М.В.Нечкиной, А.Л.Сидоровым первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) В.М.Андрянову в защиту ленинградского историка Э.А.Корольчук, книга которой «Северный союз русских рабочих» в одной из рецензий была названа *космополитической*, а автор отстранена от научной и педагогической деятельности (С. 241—243). Публикация письма выполнена качественно, снабжена примечаниями.

1950-е гг. представлены материалами о работе Института истории АН СССР, журнала «Вопросы истории», документами о выдвижении А.М.Панкратовой в действительные члены АН СССР. Редактируемый Панкратовой журнал «Вопросы истории» был одной из первых ласточек «оттепели» в общественно-политической жизни страны первых постсталинских лет. О том, что *время* это было неоднозначное и непростое (еще не состоялся XX съезд КПСС и не началась официальная критика культа личности), повествует письмо А.М.Панкратовой секретарям ЦК КПСС Н.С.Хрущеву, П.Н.Поспелову, М.А.Сулову и заведующему Отделом науки и культуры ЦК А.М.Румянцеву от 7 мая 1955 г. Письмо было вызвано необъективной критикой журнала в духе сталинизма со стороны являвшегося тогда инструктором Отдела науки и культуры ЦК КПСС П.В.Волобуева. А.М.Панкратова выступила в письме против «догматизма и вульгаризации марксизма, за творческую разработку на конкретно-историческом материале роли народных масс и передовых идей в историческом процессе, против упрощенчества в науке, против антиисторизма и модернизации истории, против лакировки сложных и противоречивых исторических процессов» (С. 248). Отвергая обвинение, что некоторые статьи в журнале были напечатаны «с целью “реабилитации” авторов, которые были когда-то репрессированы», А.М.Панкратова подчеркнула, что «не считала бы предосудительным напечатать хорошую статью автора, который реабилитирован советскими и партийными органами» (С. 240). *Время* запечатлелось и в фрагменте письма историка П.В.Волобуева в журнал «Вопросы истории» (1996 г.) об этом не самом приятном эпизоде его жизни: «Да, в бытность мою инструктором Отдела науки и культуры ЦК КПСС я как в силу особенностей аппаратной работы, так и едва начавшегося у меня пересмотра сталинских догм, в служебной записке дал неверную

оценку деятельности журнала «Вопросы истории» в 1954—1955 годах. Это было моей ошибкой и о ней я давно поведал своим ближайшим друзьям. Теперь я каюсь перед научной общественностью» (С. 249)¹⁰.

А.М.Панкратова с присущей ей энергией выступала за развитие сети научных и учебных учреждений исторического профиля. На эту тему в сборнике опубликовано ее письмо в ЦК Компартии Белоруссии о сохранении преподавания истории в Гомельском пединституте (С. 255—256). Анна Михайловна призывала к массовому сбору воспоминаний живых свидетелей исторических событий. В частности, в письме в Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС она отмечала, что «назрела необходимость образования специальной группы, лучше всего в составе Института истории АН СССР, которая организовала бы широкий сбор воспоминаний ... Дело это нужно поставить безотлагательно... Чем дальше, тем меньше остается в живых участников и свидетелей...» (С. 259—260). Надо сказать, что эта задача, которой активно занимались в 20-е гг., не решена до сих пор. Сбор «изустной истории» проводится разрозненно отдельными энтузиастами и учреждениями, не разработана единая программа такой работы.

В пятом разделе сборника опубликована в основном личная переписка А.М.Панкратовой за период 1921—1957 гг. Большая часть документов публикуется впервые. В разделе представлены письма из личного фонда А.М.Панкратовой в Архиве РАН, из фондов ее адресатов — К.В.Базилевича, С.В.Бахрушина, Н.М.Дружинина, А.А.Новосельского, Н.В.Устюгова и др. Представлена переписка с М.Н.Покровским, отложившаяся в фондах РГАСПИ, ГЦМСИР, Научного архива Института российской истории РАН. Представлены письма из личных архивов учеников А.М.Панкратовой — С.И.Антоновой, Б.Н.Васильева, Н.В.Поляковой, Е.И.Демешинной. Раздел подготовила к печати Л.В.Бадя, документы снабжены примечаниями, раскрыты фамилии и события, упоминаемые в письмах. В плане подготовки документов к печати этот раздел в сборнике наиболее качественный.

А.М.Панкратова любила и умела писать письма. Они интересны не только потому, что в них раскрывался человек, но и потому, что даже в личной переписке она оставалась историком и общественным деятелем. Проблемы изучения истории и общественные события получали в ее письмах часто неожиданное и откровенное освещение. Они серьезно дополняют четвертый раздел сборника, восполняют пробелы, не зафиксированные в официальных документах. В этом отношении было бы логичным не давать письма в сборнике отдельным разделом, а включить их в раздел документов в общем хронологическом порядке.

Переписка позволяет глубже понять мировоззренческие метаморфозы А.М.Панкратовой, происходившие с ней под ударами судьбы и времени. Так, в одном из писем периода саратовской «ссылки» (март 1937 г.) она писала: «Твердо и бесповоротно я знаю одно: я никогда ни словом, ни делом, ни помышлением не обманывала партию и моих друзей, отдавая всю свою жизнь, все силы партии и революции. Но если вокруг меня оказалось столько врагов, значит, был порок во мне, обесценивший всю мою индивидуальную преданность партии... Физически я очень надломлена, а морально окрепла, как это ни странно, так как я научилась ненавидеть... а до сих пор я умела только любить и жалеть, не всегда различая врагов» (С. 281). Кажется, однако, что Панкратова все же так до конца своих дней и не научилась ненавидеть и различать «врагов». В частности, адресат цитированного письма, С.И.Соколовская, заместитель директора «Мосфильма», спустя несколько месяцев также оказалась «врагом», была арестована и в 1938 г. расстреляна.

Подробно представлен в переписке период Великой Отечественной войны, когда А.М.Панкратова находилась в эвакуации в Алма-Ате. Приходится только восхищаться энергии человека, сумевшего вдали от Москвы организовать активную

¹⁰ См.: Вопросы истории. 1996. № 6. С. 133.

работу в области истории. Вся страна сражалась с фашизмом и Панкратова не считала для себя возможным «расслабиться» вдали от фронта. Период войны в творчестве Панкратовой оказался одним из самых плодотворных. *Время* было такое. Побывав в апреле 1945 г. в разрушенном гитлеровцами Минске, Панкратова с восхищением писала в одной из корреспонденций: «Удивительный все же советский человек. Он умеет и бороться, и терпеть лишения, и строить, и жить мечтой о красоте и счастье. Я полна впечатлений от всего, что видела и слышала здесь» (С. 303).

50-е годы представлены многочисленными письмами учеников А.М.Панкратовой с искренней благодарностью ей как ученому и человеку, перепиской с иностранными историками, связи с которыми установились с середины 50-х гг., перепиской по поводу журнала «Вопросы истории». Огромный объем организаторской и научной работы, не всегда объективные оценки ее труда подорвали здоровье Анны Михайловны. Выход для себя она искала в научной работе — это было для нее единственное «лекарство». В одном из писем в апреле 1957 г. Панкратова писала: «Я твердо решила разгрузиться от всех излишних административных, организационных и редакционных работ и вернуться к научной работе. Только это поставит меня снова на ноги... безумная суета и приспособленчество в научной работе и во всем остальном — это совершенно не по мне. Из-за этого я и заболела» (С. 337). Однако вскоре Анны Михайловны не стало...

Составители сборника постарались объективно подойти к документальному материалу, не стремились «приукрасить» жизненный путь Панкратовой, сгладить углы. Со страниц книги она предстает перед нами со всеми ее достоинствами и недостатками, которые могут быть поняты лишь в контексте *времени*. Говоря о не самых симпатичных моментах творчества Анны Михайловны, саратовский историк Л.А.Дербов, работавший в конце 30-х гг. на истфаке СГУ под началом Панкратовой, писал в своих воспоминаниях-размышлениях: «Читать эти страницы неприятно, они оставляют чувство тягостного недоумения и неловкости. Биографы А.М.Панкратовой предпочитают воздерживаться от упоминаний об этой работе¹¹. Но формула умолчания — не лучший метод в научном обиходе. Не говорить о том, что было в действительности, — значит «улучшать» историю и отходить от истины. Безусловно, Анна Михайловна не кривила душой, не подлаживалась к конъюнктуре и не стремилась купить такой ценой свою реабилитацию. Причиной всего была ее безграничная вера в партию, в непререкаемость и справедливость ее решений, ее руководства. Переступить через это она не могла. В этом самообмане была не вина, а трагедия А.М.Панкратовой, как и многих других честных людей ее поколения. В таком же духе были выдержаны также многие пропагандистские статьи и выступления А.М.Панкратовой, отразившие «велеие времени»» (С. 166).

Вне всяких сомнений, составителям сборника удалось оправдать его название, показать одного из самых ярких и известных советских историков во всей противоречивости ее творчества, в контексте *времени*. Об отдельных недостатках сборника уже говорилось (недостаточный научный комментарий к ряду публикуемых документов, отдельные опечатки (с. 18, 19, 86 и др.), отсутствие сквозной нумерации документов). Тем не менее, рецензируемая книга, безусловно, заслуживает самой высокой оценки и послужит более глубокому пониманию отечественной истории.

О.И.ГОРЕЛОВ

¹¹ Имеется в виду критика А.М.Панкратовой М.Н.Покровского.

Москва послевоенная. 1945—1947.

Архивные документы и материалы.

М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2000. 768 с., илл.

Сост. М.М.Горинов, А.Н.Пономарев,
Е.В.Таранов. Отв. ред. М.М.Горинов

Послевоенный период занимает особое место в отечественной истории. Победа в тяжелейшей войне, достигнутая во многом благодаря отказу от мертвящих бюрократических крайностей сталинизма, создавала иллюзию, что худшие времена безвозвратно прошли и люди могут приемлемо жить и работать при существующей системе. На короткий период обшество и власть получили уникальную возможность конструктивно перестроить свои отношения. Разработка проектов новой Конституции СССР и новой Программы коммунистической партии, предпринятые в 1946 г., свидетельствовали об этом. Времена героического романтического большевизма безвозвратно прошли. Это понимало политическое руководство страны. 14 марта 1946 г., выступая на пленуме ЦК ВКП(б) по вопросу переименования наркоматов в министерства, И.В.Сталин говорил: «Народный комиссар или вообще комиссар — отражает период неустоявшегося строя, период гражданской войны, период революционной ломки и прочее, и прочее. Этот период прошел».

Действительно, война подвела своеобразный итог предшествующего этапа развития советского общества. Ушли в прошлое социальные потрясения времен гражданской войны с белым и красным террором, период нэпа с попыткой возрождения новой буржуазии города и деревни, годы первых пятилеток с форсированной индустриализацией, создавшей мощную современную промышленность, и коллективизацией, разрушившей вековой уклад сельского хозяйства и обрекшей на невероятные страдания миллионы труженников деревни. Победа притупила боль необоснованных репрессий и горечь военных поражений в начале войны.

В послевоенный период СССР восстановил статус мировой державы, возрос авторитет нашей страны на международной арене. Советский Союз стоял во главе целой социальной системы, широко прокламируя преимущества социализма. Все это было достигнуто ценой невероятного напряжения и эксплуатации духовных и социальных сил общества.

Политическая история этого периода нашла отражение в исследованиях отечественных и зарубежных историков, а также в публикациях сборников документов и материалов. Однако социальные проблемы истории послевоенной повседневности как в центре, так и на местах изучены явно недостаточно. Основной причиной такого положения являлась закрытость источников, недоступность для исследователей абсолютного большинства государственных и ведомственных архивных документов и материалов.

Между тем комплексное исследование, публикация документов и материалов по этому периоду крайне важны для осмысления и выработки обновленной, свободной от политических пристрастий концепции отечественной истории. Именно в то время дали о себе знать первые проявления системного кризиса советской формы государственности и политическое руководство страны приходит к пониманию необходимости реформирования сложившейся системы. С этой точки зрения публикация архивных документов и материалов «Москва послевоенная. 1945—1947», принятая Московским городским объединением архивов, безусловно, представляет значительный научно-познавательный и практический интерес.

Территориально исследование ограничено рамками столицы, а хронологически продолжает издание «Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы» (М., 1995) и охватывает 1945—1947 гг. Архитектоника сборника хорошо продумана. Он состоит из трех тематических частей, в которых социальная история, экономика, быт и повседневность, реалии духовной жизни столицы в 1945—1947 гг. рассматриваются как через призму официальных директивно-нормативных и делопроизводственных документов, так и глазами простых жителей столицы. Издание выполнено на уровне требований современной археографии и отличается богатым иллюстративным рядом. Это делает его не только строго научным, но и доступным, интересным для самого широкого круга читателей. Абсолютное большинство документов и материалов извлечены из московских архивов. Однако в отдельных случаях составители обращаются и к центральным архивохранилищам, к личным архивам москвичей.

Основу сборника составили материалы Особого сектора Московского комитета партии, хранящиеся в Центральном архиве общественных движений Москвы. По своему содержанию это стенограммы совещаний в МГК ВКП(б), справки, отчеты московских партийных структур, направлявшиеся руководству Московского городского комитета и в ЦК ВКП(б). Большинство документов предназначались для служебного пользования и находились на режиме специального хранения. Информация, содержащаяся в них, касалась всех сторон повседневной жизни послевоенной столицы и максимально приближена к действительности. Она хорошо корреспондируется с информационными материалами о настроениях москвичей, поступавшими по различным каналам. В этом уникальность и особая ценность рецензируемого издания.

Основной массив публикуемых материалов существенно дополняют документы, характеризующие состояние городского хозяйства столицы, отложившиеся в Центральном муниципальном архиве Москвы. Пожалуй, это одна из первых массовых публикаций подобного рода документов и ценность их для исследователей неоспорима. Ведь именно они отражают сложные социальные проблемы советской послевоенной повседневности. Специальные разделы издания посвящены духовной жизни Москвы, развитию науки, образования и культуры. Они представлены материалами Центрального архива литературы и искусства Москвы и Центрального архива документальных коллекций Москвы. Вопросы борьбы с организованной преступностью в 1945—1947 гг. освещены в специальном разделе, основу которого составили документы «Особой папки» И.В.Сталина, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации.

Безусловный интерес представляет первая часть сборника под названием «Вехи истории глазами москвичей», в которой представлены документы и материалы, непосредственно характеризующие отношение москвичей к важнейшим событиям первых послевоенных лет. По своему характеру это прежде всего сводки о политических настроениях трудящихся, отклики населения на важнейшие мероприятия правительственных органов (выборы в Верховный Совет СССР в 1946 г., снижение цен в коммерческих магазинах, празднование 800-летия Москвы и т.д.), поступающие руководителям Москвы по линии партийных органов. Определенный интерес для исследователя представляет перечень вопросов, которые чаще всего задавали москвичи агитаторам в те годы. Большой комплекс документов относится к вопросам отмены карточной системы распределения продовольственных и промышленных товаров, а также проведения денежной реформы в 1947 г. Попутно заметим, что карточная система в СССР была отменена раньше, чем в Англии, Франции и Германии, а денежная реформа проведена в предельно короткий срок.

Во второй части — «Москва залечивает раны» — опубликованы материалы, рассказывающие о положении демобилизованных военнослужащих, заботе об инва-

лидах и участниках войны, семьях погибших воинов. Это один из малозученных вопросов в отечественной историографии. Именно здесь исследователь, как правило, сталкивался, прежде всего, с дефицитом источников. Такое положение сложилось потому, что эти вопросы находились в компетенции военных отделов районных комитетов коммунистической партии, деятельность которых была строго засекречена. Отчеты военных отделов райкомов партии столицы дополняются и корреспондируются со сводными статистическими материалами городского комитета ВКП(б). Примечательно, что абсолютное большинство этих документов и материалов было рассекречено непосредственно перед публикацией.

Предметом особой заботы партийных, советских и хозяйственных органов стал в этот период переход от военной экономики к хозяйству мирного времени. Об этом свидетельствуют документы и материалы МГК ВКП(б), характеризующие производственную деятельность автозавода им. Сталина, положение в текстильной и легкой промышленности столицы. Переход предприятий Москвы на выпуск мирной продукции и последовавшие после этого простои оборудования привели к снижению заработной платы рабочих, что вызвало рост социальной напряженности в столице. В этой связи большой интерес представляет справка о недостатках в работе предприятий столицы в связи с их переходом на выпуск продукции мирного времени, подготовленная 12 февраля 1946 г. Управлением НКГБ по г. Москве.

Одним из самых острых вопросов налаживания послевоенной жизни были организация снабжения и торговли. В первую очередь речь шла о дефиците продовольственных и промышленных товаров. Именно в этой области было наибольшее число злоупотреблений различных должностных лиц. Документы и материалы, характеризующие состояние этой проблемы, самые разнообразные. Это, прежде всего, большой блок законодательных актов и делопроизводственных документов относительно снижения розничных цен на продукты питания и промышленные товары, регламентации и улучшения рыночной торговли, сферы общественного питания, развития подсобных хозяйств, предприятий и учреждений.

Определенный интерес для исследования послевоенной повседневности представляют документы и материалы о развитии городского хозяйства. Это вопросы снабжения Москвы топливом, газом и электроэнергией, развития транспорта и благоустройства, строительства и ремонта жилья. Большое место в издании занимают документы о борьбе с преступностью и другими негативными явлениями. Их основу составили материалы «Особой папки» И.В.Сталина, большинство из которых — спецсообщения руководства Министерства внутренних дел о состоянии преступности в Москве. Документы свидетельствуют, что пик преступности, имевший место в 1945—1946 гг., стал постепенно понижаться. Интересным дополнением к этим документам являются воспоминания И.А.Ягодкина о работе в Комиссии партийного контроля в 1946-1947 гг. Речь идет о борьбе с должностными преступлениями высокопоставленных чиновников. Они убеждают, что строгие меры, принятые в отношении ряда министров в тот период, были не проявлением произвола со стороны И.В.Сталина, а имели законные основания.

Проблемы духовной жизни послевоенной столицы, представленные в третьей части издания, названы «Твердыня духа». Их открывают документы, характеризующие религиозное возрождение и историческую память народа. Большой блок из них посвящен проведению собора Русской православной церкви в феврале 1945 г., а также характеристике состояния московских музеев, реконструкции соборов Кремля, здания Малого театра, вопросам увековечения памяти видных политических деятелей СССР. Материалы о состоянии науки представлены в основном законодательными актами о присуждении Сталинских премий в области науки, воспоминаниями ученых и конструкторов. Определенный интерес имеют документы о

разработке атомного проекта, создании атомной промышленности и атомного оружия. Это был действительно прорыв научной и технической мысли в СССР.

Послевоенная Москва была крупнейшим образовательным и научным центром страны. В столице работало 80 вузов с контингентом студентов 124500 человек и 105 техникумов с контингентом учащихся 57000 человек. Особый интерес представляют документы и материалы о состоянии и положении московских вузов, особенно МГУ. В основном это делопроизводственные документы, письма и справки парткома МГУ, Краснопресненского райкома Москвы о положении на отдельных факультетах, направляемые в адрес секретаря ЦК ВКП(б) А.А.Жданова. В частности, в них нашли отражение острые проблемы, возникшие в 1946 г. на физическом, химическом и математическом факультетах, а также положение дел на историческом факультете, который по праву являлся крупнейшим гуманитарным центром в СССР. Хорошим дополнением к этим документам и материалам являются воспоминания доктора исторических наук А.Н.Пономарева «На истфаке МГУ», написанные специально для данного издания.

Мир послевоенного детства. Это, пожалуй, одна из самых малоисследованных тем в отечественной историографии. По состоянию на 1 января 1948 г. в Москве насчитывалось 535 общеобразовательных школ, в них обучалось 560000 учащихся; в 152 школах рабочей молодежи было 36862 учащихся. В Москве работало 47 детских домов, в которых насчитывалось 5564 воспитанника, и в 715 детских садах обслуживалось 50000 детей. Документы и материалы, представленные в этом разделе, свидетельствуют о положении, сложившемся с детской безнадзорностью и беспризорностью, состоянием детских домов, дошкольного воспитания, школьного образования, ремесленных и железнодорожных училищ, школ фабрично-заводского обучения, организации питания школьников, летнего отдыха.

Специальный раздел сборника посвящен вопросам развития массовой физкультуры и спорта. В социальной истории физической культуры и спорту принадлежит важная роль в деле формирования физических и психических качеств человеческой личности. Их состояние во многом зависит от уровня экономического развития, общей и политической культуры общества. Развитие массового физкультурного движения и забота о развитии спорта, который в послевоенный период приобрел профессиональные черты, были предметом особой заботы политического руководства страны. Дело доходило до курьезов, когда Политбюро ЦК ВКП(б) решало вопрос о переходе ведущих футболистов сталинградской футбольной команды «Трактор» Пономарева и Проворнова в столичные «Динамо» и ЦДКА. Деятельность массовых библиотек, заводских клубов, парков культуры, издательств, развитие художественной самодеятельности представлены в разделе широким набором самых различных по характеру и содержанию документов. Это прежде всего справки, служебные записки, отчеты соответствующих управлений исполкома Моссовета. Серьезным дополнением к этим источникам являются воспоминания Л.А.Филистовой, В.К.Попова, А.Н.Пономарева, написанные специально для сборника.

Заключительный раздел третьей части представлен документами и материалами, характеризующими взаимоотношения художника и государства. Речь идет прежде всего о развитии театрального искусства и кинематографии. Наряду с официальными документами советских органов и учреждений, справок, отчетов, переписки здесь особый интерес представляют рецензии на кинофильмы «Весна», «Сельская учительница» и другие, отрывки из стенограммы Всесоюзного совещания работников кинематографии по обсуждению решения ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь» (14–16 октября 1946 г.), а также из стенограммы обсуждения выставки художника Е.А.Кацмана в связи с 35-летием его творческой деятельности. Определенный интерес представляют информации оргинструкторского отдела

МГК ВКП(б) Г.М.Попову об откликах и реакции трудящихся на присуждение Сталинских премий в 1946 г. Ряд любопытных документов свидетельствует об отношении властных структур к материальным проблемам творческой интеллигенции. Это распоряжения Совмина СССР о выделении Д.Д.Шостаковичу квартиры и дачи, о сохранении авторского гонорара за семьей С.А.Есенина и о выделении матери и сестре поэта московской квартиры. Эти и другие материалы свидетельствуют, что в послевоенный период отношения художника и государства были значительно сложнее, нежели утверждалось в ряде постсоветских исследований.

Своеобразным эпилогом документального сборника являются вариант сценария фильма «Москва — столица СССР» и фрагменты книги Е.В.Таранова «Дела и дни Георгия Попова», который в то время был первым секретарем Московского городского комитета ВКП(б). Документальной основой книги явились материалы личного фонда Г.М.Попова, раскрывающие сложные реалии послевоенной жизни в столице. Это прежде всего документы, которые готовил лично или подписывал Попов. Широко использованы стенограммы его выступлений на бюро, пленумах, заседаниях Моссовета. Особенно ценно то, что автор привлек личные воспоминания о встречах с Г.М.Поповым и беседах с ним в 1967 г. Это позволило создать достаточно достоверный политический портрет партийного губернатора столицы. Пожалуй, самое интересное — это психологические зарисовки о чертах его характера, увлечениях и пристрастиях. Г.М. Попов в человеческом измерении напрочь лишен хрестоматийного глянца и предстает живым человеком.

Самостоятельный интерес представляют примечания к изданию. По своей сути, они носят не только вспомогательный характер, раскрывающий сведения об упомянутых учреждениях и деятелях, участниках различных совещаний, о характере и специфических особенностях документов, но имеют и вполне самостоятельное значение. Фактически все документы и материалы, содержащиеся в сборнике, представляют большой научный интерес. Они являются важнейшей документальной основой исследования послевоенной действительности. Практическая значимость сборника определяется также возможностью использования его материалов в педагогической практике, в преподавании курса отечественной истории и специальных курсов по различным проблемам истории российской повседневности.

Высоко оценивая практическую значимость рецензируемого издания, выскажем несколько пожеланий. Очевидно, было бы неплохо прокомментировать такие вопросы, как территориально-административное деление послевоенной Москвы, динамика изменения состава населения в 1945—1947 гг., структура МГК ВКП(б) и исполкома Моссовета, назвать руководителей отделов МГК, управлений Моссовета и руководящих работников районов столицы. Возможно, стоило бы шире показать взаимоотношения руководства Москвы с руководством не только СССР, но и РСФСР, других регионов страны.

Однако не эти пожелания определяют значимость сборника. Бесспорно, представленное издание будет способствовать дальнейшему исследованию сложных проблем послевоенной отечественной истории. Коллектив объединения Мосгорархив, выпустив в 1995 г. сборник «Москва военная», успешно продолжает это большое дело настоящим изданием.

Б.А.СТАРКОВ

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

- «Комсомольцы показали образцы мужества и героизма».** Из справки об участии личного состава Карело-Финского пограничного округа в боевых действиях в первые месяцы войны (И.К.Белик, Е.В.Шумилова) 3
- «В целях обеспечения бесперебойной работы».** Документы ГА РФ об эвакуации Центрального аппарата НКВД и НКГБ СССР из Москвы. Июль 1941 г. (А.И.Кокурин, Ю.Н.Моруков) 11
- «Анабасис» красноармейца Юдина** (В.Ю.Альбов) 23
- Фотолетопись. Великая Отечественная. Первые дни...** Из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов (Е.Е.Колоскова) 29

АРХИВ ВОЖДЕЙ

- «У меня одна надежда на тебя».** Последние письма Н.И.Бухарина И.В.Сталину. 1935—1937 гг. (Г.М.Адибеков, К.М.Андерсон) 47

РОССИЯ В КОСМОСЕ

- «И до конца чиста их совесть...»** К 30-летию полета космического корабля «Союз-11». 1971 г. (Е.Ю.Башилова, Т.А.Головкина) 86

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

- Академик Е.В.Тарле и власть.** Письма историка И.В.Сталину и Г.М.Маленкову. 1937—1950 гг. (И.А.Шейн) 98

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

- Дни скорби.** Дневник барона Н.Н.Врангеля. 1914—1915 гг. (А.А.Мурашев) (*Продолжение*) 111

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

- «В промоции Вашей я всегда был уверен».** Письма П.Н.Милюкова С.Ф.Платонову (В.П.Корзун, М.А.Мамонтова, А.В.Свешников)... 137
- «Преодоление слепоты...»** Глава из рукописи Б.Ф.Поршнева «Палеонтология» (И.Е.Павлова) 149

ФОТОЛЕТОПИСЬ

- Мастера русской историографии: Борис Александрович Рыбаков**
(Т.И.Макарова) 157

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

- Меннониты в Туркестане. Документы ЦГА Республики**
Узбекистан. 1880—1883 гг. (В.Л.Гентшке)..... 173

К 175-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

- «Обожаемая Вера, значит, я не увижу тебя более».**
Письма Артамона Муравьева жене. 1826—1835 гг.
(Т.Г.Любарская) 182

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

- Род Дуровых** (Л.С.Збарская) 197

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Историк и время. 20—50-е годы XX века. А.М.Панкратова**
(О.И.Горелов)..... 208
- Москва послевоенная. 1945—1947.** Архивные документы
и материалы (Б.А.Старков)..... 216

CONTENTS

ON THE 60TH ANNIVERSARY OF BEGINNING OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR

- «Members of the Komsomol showed models of bravery and heroism».**
From the explanatory memorandum describing participation of the
Karelian-Finnish border district's personnel in hostilities during the
first months of the war (I.K.Belik, E.V.Shumilova) 3
- «With the purpose of ensuring smooth functioning».** Documents from
the State Archives of Russian Federation on evacuation of the USSR
NKVD and NKGB's central staff members from Moscow.
July of 1941. (A.I.Kokurin, Iu.N.Morukov) 11
- «Red Army man Iudin's "Anabasis"»** (V.Iu.Albov) 23
- Pictorial review. The Great Patriotic War. The first days...**
From the repository of the Russian State Archives of Film
and Photo Documents (E.E.Koloskova)..... 29

LEADERS' ARCHIVES

- «**I pin my sole hope on you**». N.I.Bukharin's last letters to J.V.Stalin.
1935—1937. (G.M.Adibekov, K.M.Anderson) 47

RUSSIANS IN OUTER SPACE

- «**And their conscience is absolutely clear...**» On the 30th anniversary of
spaceship «Souz-11» flight. 1971. (E.Iu.Bashilova, T.A.Golovkina) 86

INTELLIGENTSIA AND POWER

- Academician E.V.Tarle and power.** Historian's letters to J.V.Stalin
and G.M.Malenkov. 1937—1950. (I.A.Shein) 98

RUSSIA AT A TURNING POINT

- Days of sorrow.** Baron N.N.Vrangel's diary. 1914—1915.
(A.A.Murashev) (*To be continued*) 111

HISTORY AND HISTORIANS

- «**I was always confident of your promotion**». P.N.Miliukov's letter
to S.F.Platonov (V.P.Korzun, M.A.Mamontova, A.V.Sveshnikov)..... 137
- «**Surmounting of blindness...**» Chapter from B.F.Porshnev's
manuscript «Palaeontology» (I.E.Pavlova) 149

PICTORIAL REVIEW

- Pillars of Russian historiography: B.A.Rybakov** (T.A.Makarova) 157

THE NINETEENTH CENTURY

- Mennonites in Turkestan.** Documents from the Central State Archives
of Republic of Uzbekistan. 1880—1883. (V.L.Gentshke)..... 173

ON THE 175TH ANNIVERSARY OF DECEMBRIST ARMED COUP

- «**So, me adored Vera, we shall never see each other again**». Artamon
Muraviev's letters to his wife. 1826—1835. (T.G.Liubarskaya) 182

FROM ANCIENT TIMES

- The Durovs kin** (L.S.Zbarskaya) 197

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

- Historian and times. 1920s — 1950s.** A.M.Pankratova (O.I.Gorelov) ... 208
- Postwar Moscow. 1945—1947.** Archival documents and materials
(B.A.Starkov) 216

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АДИБЕКОВ** Грант Михайлович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник РГАСПИ
- АЛЬБОВ** Владимир Юрьевич — заведующий архивохранилищем Государственного архива Нижегородской области
- АНДЕРСОН** Кирилл Михайлович — кандидат исторических наук, директор РГАСПИ
- БАШИЛОВА** Елена Юрьевна — специалист 1-й категории РГАНТД
- БЕЛИК** Иван Карпович — ведущий научный сотрудник Академии ФСБ РФ
- ГЕНТШКЕ** Валерия Львовна — доктор исторических наук, профессор Национального университета Узбекистана
- ГОЛОВКИНА** Татьяна Александровна — начальник отдела научного использования и публикации документов РГАНТД
- ГОРЕЛОВ** Олег Игнатьевич — кандидат исторических наук, доцент РАГС при Президенте РФ
- ЗБАРСКАЯ** Людмила Семеновна — научный сотрудник Музея В.Л.Дурова
- КОКУРИН** Александр Иванович — ведущий специалист ГА РФ
- КОЛОСКОВА** Елена Евгеньевна — главный специалист РГАКФД
- КОРЗУН** Валентина Павловна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой Омского государственного университета
- ЛЮБАРСКАЯ** Татьяна Георгиевна — ведущий научный сотрудник РГИА
- МАКАРОВА** Татьяна Ивановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН
- МАМОНТОВА** Марина Александровна — аспирантка Омского государственного университета
- МОРУКОВ** Юрий Николаевич — сотрудник Объединенной редакции МВД РФ
- МУРАШЕВ** Аркадий Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного строительного университета
- ПАВЛОВА** Инна Евгеньевна — аспирантка ИРИ РАН
- СВЕШНИКОВ** Антон Вадимович — кандидат исторических наук, ответственный секретарь редакции журнала «Вестник Омского университета»
- СТАРКОВ** Борис Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского университета экономики и финансов
- ШЕИН** Игорь Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Военного университета

Издатель: АНО Издательство
«Российская политическая энциклопедия»
Компьютерная верстка *А.А.Афанасьев, А.Ю.Егоркина*
ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 7.05.2001.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,06. Тираж 800 экз. Заказ № 1610
125256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).
ППП типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.

**Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)**

Выпускает научную литературу по истории, философии, политологии, культурологии, экономике, энциклопедические издания, мемуаристику и т.п.

**Наши книги вы можете приобрести без торговых наценок
в фирменных магазинах Издательства в г. Москве:**

«**Книжный салон РОССПЭН**» (в офисе Издательства): В. Пика ул., д. 4,
корп. 2. Тел. 181-34-57, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ (метро «Ботанический сад»).

«**Книжная лавка историка**»: Б. Дмитровка ул., д. 15. Тел. 200-50-07, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰
(метро «Охотный ряд», «Театральная», «Пушкинская», «Чеховская»).

«**Книжный киоск РОССПЭН**»: Дм. Ульянова ул., д. 19. Тел. 126-94-18, с 11⁰⁰ до 17⁰⁰
(метро «Академическая»).

Наши книги постоянно продаются в книжных магазинах:

Академкнига (Екатеринбург)
Мамина-Сибиряка ул., д. 137

Библио Глобус (Москва)
Мясницкая ул., 6

Академкнига (Красноярск)
Сурикова ул., д. 45

Дом книги (Санкт-Петербург)
Невский пр., 28

Академкнига (Новосибирск)
Красный пр., д. 51

Московский Дом Книги (Москва)
Новый Арбат ул., 8

Академкнига (Санкт-Петербург)
Литейный пр., д. 57

Дом книги (Ярославль)
Кирова ул., д. 18

Академкнига (Уфа)
Зорге ул., 10

Светоч (Краснодар)
Красная ул., д. 145/1

Деком (Н. Новгород)
Б.Покровская, 46 (магазин «Дирижабль»)

Топ-книга (Новосибирск)
Арбузова ул., 1/1

Справки по тел./факсу: (095) 181-34-57

E-mail: marketing@rosspen.com

URL: <http://www.rosspen.com>

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

проводит подписку на журнал «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»
на II полугодие 2001 г.

Периодичность издания 3 номера в полугодие
Стоимость полугодовой подписки **270 руб.** с учетом почтовых
услуг в пределах Российской Федерации

Для оформления подписки переведите 270 руб.
на расчетный счет издательства через любое отделение Сбербанка

Образец заполнения квитанции в Сбербанке:
АНО «Издательство РОССПЭН»
ИНН 7717098296

Р/сч 40703810638090103673 в Московском банке АК СБ РФ
Мещанское отделение 7811 для филиала № 1585 г. Москва
К/сч 30101810400000000225 БИК 044525225

Просьба в квитанции точно указывать свой почтовый адрес с
индексом, фамилию, имя и отчество.

В графе «вид платежа» укажите: «Исторический архив»
и подписной период

Для сотрудников Федеральной архивной службы и для
подведомственных Росархиву учреждений при подписке в
издательстве на II полугодие 2001 г. (а также при покупке в
издательстве ранее вышедших полугодовых комплектов журнала)
устанавливается специальная цена — 210 руб.

Подписаться на журнал «Исторический архив» или приобрести его
в розницу можно также в офисе издательства:
129256, г. Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2
Тел./факс: (095) 181-34-57
E-mail: marketing@rosspen.com

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ДАННОЕ ИЗДАНИЕ
ПО КАТАЛОГУ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»
«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Тел.: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Факс: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

YOU CAN SUBSCRIBE TO THIS EDITION
THROUGH THE «ROSPCHAT» AGENCY CATALOGUE
«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Phone: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Fax: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>